

Programme
A Pouchkine

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин»
при поддержке Министерства Иностранных Дел Франции
и Посольства Франции в России

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme
d'aide à la publication Pouchkine avec le soutien
du Ministère des Affaires Etrangères français
et de l'Ambassade de France en Russie

Словарь историка

Ответственный редактор
Николя Оффенштадт

Les mots de l'historien

Sous la direction de Nicolas Offenstadt
avec Grégory Dufaud et Hervé Mazurel

PRESSES UNIVERSITAIRES DU MIRAIL, 2006

Imprimé en France

Словарь историка

Ответственный редактор
Николя Оффенштадт

Составители:
Грегори Дюфо, Эрве Мазюрель,
Николя Оффенштадт

Москва
РОСПЭН
2011

УДК (038)
ББК 92
С48

COLLEGE UNIVERSITAIRE FRANÇAIS DE MOSCOU

ФРАНЦУЗСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КОЛЛЕДЖ
ПРИ МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Издание осуществлено по инициативе и при активном участии Французского Университетского Колледжа при МГУ им. М. В. Ломоносова

Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при С48 участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л. А. Пименовой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 222 с.

ISBN 978-5-8243-1493-9

УДК (038)
ББК 92

ISBN 978-5-8243-1493-9 © Presses Universitaires du Mirail,
2006

© Российская политическая
энциклопедия, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Как любое профессиональное сообщество, историки пользуются своим особым словарем, состоящим из привычных слов и принятых в данном сообществе терминов, понятий и клише. Этот словарь неразрывно связан с историей самой дисциплины, структурообразующими центрами которой с конца XIX в. являются учебные заведения и научно-исследовательские институты. В наши дни словарь историка то сливается, то конкурирует со словарями других дисциплин – таких как социология, антропология или политология. Поэтому цель настоящего издания – представить словарь не только историка, но и словари специалистов других общественных наук, с которыми приходится иметь дело историку. Сейчас уже не представляется возможным отделить историю от общественных наук. Во всяком случае, сами авторы решительно высказываются за междисциплинарные связи, и не просто из принципа, а потому, что считают работы междисциплинарной направленности наиболее плодотворными.

Приобретенный авторами книги опыт преподавания историографии показал, что студенты плохо знают историю своей дисциплины, ее проблемы и трудности. Рефлексия по поводу ремесла историка и попытки задавать вопросы на эту тему не приняты и подчас вызывают недоумение. Между

тем необходимо понять, что в занятии историей нет ничего естественного и само собой разумеющегося, что его надо рассматривать как социальную практику, укорененную в своем времени и меняющуюся вместе с ним. Так что предлагаемая вашему вниманию книга представляет собой не компиляцию неких «идей» относительно истории и тем более не список рекомендуемой литературы. Ее задача состоит в том, чтобы показать изучение истории и работу историка как профессиональную практику. В «Словаре историка» вы найдете сведения о его рабочем инструментарии, о том, что принято называть «вспомогательными историческими дисциплинами», о наиболее распространенных методах и концептах. В нем также представлены основные историографические жанры, тенденции и течения, в оценке которых авторы соответствующих статей высказывали свою личную точку зрения. Не обойдены вниманием и возникавшие среди историков противоречия и споры. При этом мы старались отдавать предпочтение освещению наиболее злободневных проблем.

Мы не ставили перед собой амбициозных задач. Сказать об истории все мы заведомо не могли, но надеемся тем не менее, что наш «Словарь историка» в том виде, в каком мы его замыслили и сделали, будет полезен не только студентам, но и всем, кому не чужда склонность к рефлексии, побудившая нас написать эту книгу.

За замечания, высказанные в ходе работы над книгой, мы выражаем благодарность Клод Говар, Сандрин Котт, Дидье Летту, Николя Марио, Изабель Мерль, Антуану Про, Полю-Андре Розенталю, Жан-Клоду Шмитту, Виолен Ссбийотт-Кюше и Стефану Ван Дамму.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Этот словарь интересен не только тем, что он полностью соответствует прямому назначению и объясняет студентам-историкам, а также и другим читателям понятия, которые используют историки-профессионалы, и знакомит с происхождением этих понятий. Помимо этого он вводит читателя в контекст французской историографии, так как это словарь *французского* историка. В последние годы в России появилось большое количество переводной французской литературы по гуманитарным наукам, поэтому особенно ценно то, что словарь объясняет целый ряд понятий, ставших общепринятыми в современной французской историографии, но почти или совсем не известных нашему читателю. Другим понятиям – таким как «историограф», «историзм», «историчность» – словарь дает своеобразное толкование, привнося в них новые для нас смысловые нюансы. Переводу предназначено оказаться в историографическом контексте, существенно отличающемся от французского. Бросается в глаза большая разработанность терминологии во французской историографии по сравнению с российской. В словаре не раз можно встретить статьи, где речь идет о явлениях, известных нашим историкам, но не обозначенных особыми терминами. Словарь знакомит не только с терминами, но и с некоторыми направлениями в новейшей французской

историографии: такими, например, как социоистория или эгоистория, о которых многие из взявших в руки эту книгу, скорее всего, прочтут впервые.

Среди переведенных в настоящее время у нас книг французских историков явно преобладают работы, написанные в 1960–1980-е гг. Блистательное поколение Жоржа Дюби, Жака Ле Гоффа, Эмманюэля Ле Руа Ладюри и Франсуа Фюре российскому читателю уже хорошо известно. Но ему совершенно не известно новое поколение французских историков, пришедшее в науку за последние двадцать лет и определяющее лицо современной французской историографии. «Словарь историка» вышел в свет во Франции в 2006 г. Его авторы принадлежат к этому новому, не известному пока у нас поколению. Тематика их собственных исследований разнообразна. Среди них есть специалист по истории СССР, обращающийся к изучению таких острых вопросов, как депортация крымских татар и история советской психиатрии (Грегори Дюфо), исследователь социокультурной истории Европы в эпоху романтизма и... рок-музыкант (Эрве Мазюрель) и специалист по истории Средних веков, чьи научные интересы выходят, впрочем, далеко за рамки медиевистики и распространяются на историю XX века и общие проблемы формирования исторической памяти (Николя Оффенштадт). При этом всех троих объединяет интерес к теории и методологии исторического познания. Хотя перед нами не монография,

а словарь, в его отдельных статьях просматриваются некие общие для авторов эпистемологические принципы. Им явно близки «понимающий» подход и преимущественный интерес к действующему в истории человеку, а также идея конструирования исторического прошлого как историческим субъектом, так и самим историком.

Для удобства пользования словарем авторы снабдили его системой перекрестных отсылок. За рассказом о тех или иных понятиях и явлениях обычно следуют отмеченные значком ♦ названия других статей, в которых читатель может получить дополнительную информацию.

Агиография

В узком смысле слова агиография – это рассказы о жизни святых и о совершенных ими чудесах. В Средние века не было четкого различия между историей и агиографией. Этот термин употребляется также для обозначения научных исследований, посвященных культу святых. Поскольку жития святых всегда представляли собой апологии, данным термином – в широком смысле слова и зачастую с критической коннотацией – называют биографические сочинения и речи, содержащие безоговорочное восхваление героя.

Аккультурация

Этим термином обозначается процесс принудительного или добровольного восприятия индивидом или группой элементов культуры другого, как правило, доминирующего общества. Аккультурация совершается в ходе длительных контактов разного типа (оккупация, колонизация, эмиграция и т. д.). Она не сводится к утрате идентичности. Данная проблематика исследовалась в США, где появилось большое количество работ, посвященных «аккультурации» индейцев. Сам термин иногда вызывает возражения, так как, по всей видимости, подразумевает однонаправленный характер заимствований

и исключает взаимность культурного влияния, возможную даже между двумя неравными по положению социальными группами. Очень широкое значение термина требует уточнения, о каких именно процессах идет речь: они могут сильно различаться как своей интенсивностью, так и характером (от освоения территории до глубоких культурных сдвигов).

Актор (субъект)

За последние пятнадцать лет под растущим влиянием социологии действия актор, или человек действующий, вышел из тени, в которой он находился прежде, и занял центральное место в общественных науках. Во французской социологической традиции, основанной на работах Эмиля Дюркгейма, субъект (актор) долгое время рассматривался как своего рода социальный автомат. Считалось, что его мысли и поступки обусловлены действующими помимо его воли скрытыми объективными структурами. Не только актор, но и индивид вообще рассматривался как персонаж, чей образ мыслей и действий предопределен не вполне осознаваемыми им глубинными силами: его социальной, конфессиональной, гендерной, возрастной и прочей принадлежностью. Социологи полагали, что только они способны обнаружить за доводами и мотивами, на которые ссылаются сами индивиды, эти неосознанные детерминации, объясняющие их поведение.

В противоположность такому преувеличению роли коллективного, за которым стоит «гиперсоциальное» представление об индивиде, сторонники социологии действия, в частности Люк Болтански и Лоран Тевено (*Boltanski L., Thévenot L. De la justification. Les économies de la grandeur. P., 1991*), стремятся «принимать акторов всерьез» и интересоваться «логикой их поступков», т. е. теми ценностями, нормами, представлениями и интересами, о которых говорят сами индивиды, пытаясь объяснить свое поведение. Указанные авторы принадлежат к конструктивистскому направлению в социологии, которое характеризуется отходом от классических социологических антиномий – а именно от противопоставления индивида и общества, объективного и субъективного, объяснения и понимания – и сочетанием понимающего и интерналистского подхода в духе Макса Вебера с экстерналистским и объясняющим подходом в духе Эмиля Дюркгейма. Вовсе не предлагая вернуться к утилитаристской теории рационального субъекта, они интересуются тем, какой смысл сами индивиды придают своим поступкам, выявляют множественность логик поведения и показывают, что во всякой системе принуждений и объективных детерминаций субъект хотя бы отчасти сохраняет за собой свободу, самостоятельность и способность суждения. В настоящее время в общественных науках получило развитие представление о субъекте как о многоликом индивиде,

призванном в своей повседневной жизни выступать на нескольких сценах, используя многообразный опыт и различные поведенческие логики, и способном мобилизовать в тех или иных случаях разные и даже противоположные грани своей личности.

Вслед за социологией на протяжении более полувека историческая дисциплина и историописание в том виде, в каком они развивались историками школы «Анналов», тоже занимались изгнанием субъекта. К этому приложили руку уже основатели школы «Анналов», воспринявшие постулаты дюркгеймовской социологии и ниспровергнувшие «идола индивидуальности» методической («позитивистской») школы, но поистине апогея отсутствия субъекта в истории достигло под обоюдным влиянием марксизма и структурализма во времена Ф. Броделя, Э. Лабрусса и «новой исторической науки». В течение последних пятнадцати лет можно наблюдать обратное движение: анализируя общество, историки проявляют растущий интерес к жизненному опыту самих субъектов и их собственным интерпретациям происходящего. Проявлениями этого вновь обретенного вкуса к конкретному поступку, жизненным практикам субъектов и «осмысленной и эксплицитной стороне поведения» стали, в частности, интерес к микроистории, обновление биографического жанра, влияние прагматической социологии, а также «критический поворот» школы «Анналов». По мнению таких исследователей, как

Марсель Гоше, Бернар Лепти и Франсуа Досс, вокруг «возвращения человека действующего» складывается сейчас новая парадигма общественных наук.

♦ *История повседневности, Биография, Микроистория, Парадигма научная*

Анахронизм

С точки зрения одного из отцов-основателей журнала «Анналы» Люсьена Февра, анахронизм – это «смертный грех для историка». По его мнению, нет ничего предосудительнее, чем приписывать обществу прошлого современные ценности и рассказывать о самом себе вместо того, чтобы заставить говорить людей другой эпохи. Чтобы не уступить соблазну анахронизма со свойственным ему убеждением в неизменности человеческих чувств и не приписывать, таким образом, прошлому того, что принадлежит настоящему, историк должен осознавать культурную дистанцию, отделяющую его от людей прошедших эпох. Следовательно, ему необходимо, прежде всего, отстраниться от привычных условий существования и, погрузившись в изучаемую эпоху, постараться понять верования, представления о мире, научные знания и способы чувствовать, свойственные людям прошлого. Если историк действительно хочет понять другого и попытаться приблизить далекое, ему надо ощущать инаковость, обладать воображением и быть спо-

способным к сопереживанию. Убежденный сторонник понимающей истории Анри-Ирене Марру ставил вопрос следующим образом: «Как можно понимать, не обладая способностью становиться сопричастным другому, переживать его страсти и передумывать его мысли в том же виде, что и он?..»

◆ *Психоистория*

Анналы (средневековые)

Сочинения, представляющие собой краткие записи событий год за годом. Анналы были особенно распространены в каролингскую эпоху.

◆ *Хроника*

Археология

Археология представляет собой изучение письменных следов и остатков человеческого прошлого. Особенность ее в том, что она одновременно является и исторической, и естественнонаучной дисциплиной. Орудия труда, оружие, украшения, могильники, жилище и любые другие следы человеческой деятельности помогают археологам углубить наши знания и понимание древних обществ. Археология постепенно отделилась от практики коллекционирования и примерно сто лет назад стала частью исторической науки. Археология изучает преимущественно доисторическую эпоху и Античность, но есть также археологи, занимающиеся Средневековьем и Новым временем. Концепции

и исследовательские практики археологии так же разнообразны, как и изучаемые ею периоды истории. Разнообразие методов сбора и использования данных (датировка, проведение раскопок и т. д.) велико и зависит как от самих исследователей, так и от изучаемой ими проблематики и местности. К тому же археология подразделяется на несколько направлений (подводная археология, промышленная археология, этноархеология, когнитивная археология и т. д.) со свойственными им специфическими подходами и методами исследования, и каждое из этих направлений развивается в своем ритме, в зависимости от собственных научных целей. Наконец, к сказанному следует добавить национальную специфику и все, что с ней связано: например типологическую традицию, сложившуюся в Германии, и антропологическую традицию в Англии, – а эта специфика зависит в том числе и от особенностей местного законодательства, касающегося земляных работ и археологических находок. Таким образом, единственным общим для всех археологов знаменателем является то, что все они изучают остатки прошлого, извлекая свои «архивы» из недр земли и подвергая их научному исследованию (*Demoule J.-P. et al. Guide des méthodes de l'archéologie. P., 2003*). Причем в некоторых областях истории существенное продвижение вперед достигается именно благодаря археологии. Особенно это заметно на примере изучения общества и экономики Средневековья.

Сейчас даже принято говорить об «археологии феодализма». Совершенно очевидно, что раскопки доменов, археологическое исследование населения и окружающей среды каролингского времени вносят большой вклад в изучение экономического развития в VIII–IX вв. (см.: *Toubert P. L'Europe dans sa première croissance. P., 2004*).

Термин «археология» связан также с научным методом и с первым периодом развития философии Мишеля Фуко. В противовес традиционной концепции истории знания, предложенная им археология имела целью выявить за разнообразием идей и знаний определенной эпохи «те эпистемологические основания, которые делают их возможными», «взаимосвязь, пусть неявную, но тем не менее представляющую собой условие и организующий принцип данной культуры» (Мишель де Серто). Понятие «эпистемы», т. е. «совокупности поддающихся обнаружению для каждой данной эпохи соотношений между науками, анализируемыми на уровне дискурсивных закономерностей» (*Foucault M. L'Archéologie du savoir. P., 1969*), обозначает, таким образом, фундамент, на котором строятся все высказывания (научные, медицинские, эрудитские и т. д.). В книге «Слова и вещи» (1966) М. Фуко разработал археологию гуманитарных наук, полагая, что «такой анализ не есть история идей или наук; это, скорее, исследование, цель которого – выяснить, исходя из чего стали возможными познания и тео-

рии, в соответствии с каким пространством порядка конструировалось знание; на основе какого исторического *a priori* [...] идеи могли появиться, науки – сложиться, опыт [...] сформироваться, а затем, возможно, вскоре распасться и исчезнуть» (Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. С. 34). Проследив процесс, который привел западную мысль классической эпохи к формированию гуманитарных наук через расцвет в XIX в. трех моделей – биологии, экономики и филологии, послуживших основами для психологии, социологии и лингвистики, философ и историк Фуко рассказал историю недавнего превращения человека в объект познания. В конце своей книги он сообщил внимательному читателю волнующую весть о возможной скорой смерти этого персонажа: «Тогда – можно поручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» (Там же. С. 404). Таким предстает возможный горизонт ожидания, согласно М. Фуко, для которого «эпистема» эпохи может внезапно разрушиться, исчезнуть и уступить место новому соединению слов и вещей, новой, совершенно иной основополагающей эпистемической конфигурации. М. Фуко, философ дисконтинуитетов и разрывов, решительно отказывался устанавливать иллюзорную преемственность при переходе от одной «эпистемы» к другой; он воспринимал этот переход как разрушение старого порядка и зарождение порядка, абсолютно чуждого предыдущему.

Столь необычные идеи произвели сильное впечатление на сообщество историков. Но историки оказались более восприимчивыми к философии Фуко второго периода, когда в начале 1970-х гг. он отказался от термина «археология» в пользу «генеалогии». Тем не менее археология в том смысле, какой вкладывал в это слово Фуко, в корне изменила историю науки, заставив по-новому взглянуть на понятия «истина» и «ошибка», и, что еще более важно, в те годы, когда внимание историков было приковано к процессам большой длительности, преемственности и постоянству, она пробудила у таких авторов, как Роже Шартье и Франсуа Артог, интерес к разрывам преемственности, переходам и скачкам.

◆ *Генеалогическая история, Структурализм*

Архивы

В самом общем виде архивы можно определить как «собрания документов, образовавшиеся в результате деятельности учреждения или же физического лица» (Жан Фавье). В них собираются документы, утратившие непосредственную пользу для текущих дел, но подлежащие хранению в интересах сторон, как это бывает в случае с нотариальными архивами. Архивы состоят, в основном, из бумаг, но распространение новых типов носителей, в частности звуковых, приводит к развитию новых методик консервации. Архивисты в своей работе должны

постоянно приспосабливаться к изменениям, происходящим как в обществе (например, требования доступа к документам), так и в технологии (решать, каким образом и насколько полно следует хранить веб-страницы). В государственных архивах хранятся плоды политико-административной деятельности фондообразующих учреждений. В разных странах они являются более или менее централизованными, и повсеместно в них принят принцип публичности. В государственных архивах хранятся также частные архивные фонды предприятий, организаций, государственных деятелей, писателей и т. д. Во Франции основными фондохранилищами являются национальные архивы, но при этом некоторые учреждения, в частности Министерство иностранных дел и Вооруженные силы, имеют свои архивы и собственную архивную службу (существует, например, Историческая служба сухопутных войск). Отдельные учреждения хранят архивные фонды, доступ к которым более или менее открыт (например, Национальная библиотека, Институт изучения современного издательского дела в Арденнском аббатстве и т. д.). Доступ к государственным архивам регулируется законом и зависит от типа документов. В то же время в исследовательских целях могут допускаться отступления от установленных правил. Соня Комб вскрыла злоупотребления в этой области, показав, что открытие архивов бывает подчас произвольным и неполным,

особенно когда речь идет о спорных периодах истории (таких как режим Виши или война в Алжире) [*Combe S. Archives interdites. P., 2001 (1994)*]; ее разоблачения вызвали дискуссии по вопросу о доступе к архивам. Логика классификации и хранения архивных документов не является нейтральной: в ней находят отражение как институциональная и административная структура фондообразующих учреждений, так и борьба за власть и за конструирование исторической памяти. Как заметил Жозеф Морсель, «хранение само собой порождает смысл» (*Morsel J. Les sources sont-elles «le pain de l'historien» ? // Hypothèses 2003. P., 2004*). Привычная для историка работа в архиве представляет собой, как заметила Арлетт Фарж, особый момент непосредственного контакта с документами (*Farge A. Le goût de l'archive. P., 1989*). Архивные документы, несомненно, рождают «эффект реального» (*Там же*), тем более что подчас историк бывает первым, кто к ним обратился за все время их хранения. Долгое время архивы рассматривались как «естественный» путь к постижению прошлого, но сейчас они оказались в центре дискуссий, в ходе которых речь идет, главным образом, об их формировании и использовании самими историческими субъектами.

◆ *Источник*

Биография

Биография – это исследование, объектом которого является история жизни отдельного человека. Хотя исторические биографии всегда пользовались успехом у широкой публики, издавались специальные серии таких книг и были мастера биографического жанра, но тем не менее биография долгое время вызывала недоверчивое отношение со стороны французских историков, вышедших из школы «Анналов», поскольку те связывали ее с «историзирующей историей» конца XIX в. и с повышенным интересом историков методической («позитивистской») школы к жизнеописаниям великих исторических деятелей.

Перед лицом научного вызова со стороны дюркгеймовской социологии начала XX в. историки постепенно освободились от «индивидуального идола», которого заклеил Франсуа Симиан, и обратились к изучению масс и социальных групп. Правда, перед искушением биографией не устоял Люсьен Февр, посвятивший три книги Лютеру, Рабле и Маргарите Наваррской, но это были не классические биографии, а исследования, имевшие целью поместить индивида внутри эпохи, понять через индивида общество в целом и ментальный мир прошлого. «Анналы» способствовали измене-

нию объекта исторического исследования: теперь таковым стал не действующий индивид, а все общество в целом.

В дальнейшем под влиянием на историческую дисциплину структурализма биографический жанр по-прежнему подвергался остракизму и индивидуальный субъект изгонялся ради изучения структур. Авторитет социолога Пьера Бурдьё, разоблачившего то, что он назвал «биографической иллюзией» (*Bourdieu P. L'illusion biographique // Actes de la recherche en sciences sociales. 62/3. P., 1986*), усилил дискредитацию биографического жанра среди социологов и историков. По мнению Бурдьё, биография является искусственным жанром, поскольку она *a posteriori* определяет значительные события жизни и произвольно наделяет ее смыслом. Исходя из предпосылки, что жизнь индивида представляет собой целостную, связную и целенаправленную историю, биограф затушевывает все скрытые в ней случайности, неувязки и отклонения. Выискивая задним числом в этой жизни логику, определяя ее начало, этапы и конец, биограф постоянно попадает в телеологическую ловушку.

Однако в середине 1970-х гг. появились признаки того, что историки переменили свое отношение к биографическому жанру. Марк Ферро и Жак Ле Гофф примирили историю с биографией. Произошло это одновременно с упадком господствовавших прежде марксистской и структуралистской

парадигм, с возвращением субъекта в современные гуманитарные науки и с ростом интереса со стороны читателей к живым свидетельствам и жизнеописаниям.

Однако это возрождение биографии не является возвратом к старому, так как благодаря критике, звучавшей в его адрес, биографический жанр обогатился и существенно обновился. В настоящее время он претерпевает разнообразные методологические эксперименты и инновации. Книги, выходящие в некоторых специальных сериях, таких, например, как «Facettes» («Грани») в «Издательстве политических наук», отошли от традиции прямолинейных биографий, превозносящих или порицающих «великих людей». В этих книгах представлены разные точки зрения на героя и исследуется сам процесс конструирования биографии путем сопоставления образов героя, сформированных им самим, его биографами и его противниками, изучаются воспоминания и легенды о нем, анализируется, каким образом они создавались... Так, авторы биографии преступника Видаля Филипп Артьер и Доминик Калифа (*Artières P., Kalifa D. Vidal. Le tueur de femmes, une biographie sociale.* P., 2001) предпочли дать подборку цитат, за которыми историк как будто скрывается, и выявить тем самым процесс конструирования образа преступника. Другой подход применил Ален Корбен в книге «Обретенный мир Луи-Франсуа Пинаго» [*Corbin A. Le Monde retrouvé*

de Louis-François Pinagot. Sur les traces d'un inconnu (1798–1876). P., 1998]: он отправился по следам одного из безвестных действующих лиц истории, неграмотного башмачника XIX в., имя которого случайно нашел в архивном деле; снимая его приемом «субъективной камеры», историк создает виртуальную биографию «вероятного и возможного».

◆ *Актор (субъект)*

В

Внешняя критика

Если следовать критическому методу (имеющему целью установить истину и подлинность), которого придерживались историки второй половины XIX в., то под внешней критикой подразумеваются процедуры материального и формального анализа документа: исследование его происхождения (установление источников, которые использовал автор), носителей, почерка, различных идентифицирующих признаков, например печатей и т. д.

Внутренняя критика

Внутренняя критика как часть критического метода представляет собой анализ содержания документа путем сравнения его с другими источниками (при этом необходимо быть уверенным, что содержание его верно понято). Эта работа имеет целью определить подлинность, достоверность и значение источника: «Распознать, что именно в документе является правдой» (*Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. Introduction aux études historiques. P., 1898*). Внутренняя критика помогает выяснить, что автор хотел сказать, каковы были его намерения и, как писали Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, «были ли основания верить в то, во что он верил».

Всеобщая история/Всемирная история

Жанр всемирной хроники возник в Средние века под влиянием хроники Евсевия Кесарийского (ок. 260/264 – ок. 339/340), переведенной на латинский язык Иеронимом (ок. 347–419/420); в ней история людей вписана в христианскую временную перспективу спасения и разворачивается от сотворения мира до его конца, хотя в последней части труда хронист излагал лишь историю своей страны. Всеобщая история «более или менее явно проникнута эсхатологическими настроениями, она изображает человеческое общество на пути к осуществлению божественного промысла и концу времен как горизонту исторического развития» (*Bourgain P. Histoire universelle // Dictionnaire du Moyen Age. P. : PUF, 2002*). С первых веков христианства возникли периодизации всеобщей истории, в которых пришествие Христа являлось началом новой и последней эры. Святой Августин выделял шесть веков (от Адама до Потопа, от Потопа до Авраама, от Авраама до начала царствования Давида, от начала царствования Давида до Вавилонского плена, от Вавилонского плена до Боговоплощения, от Воплощения Христа до конца времен), и его периодизация получила широкое признание в Средние века. В раннее Новое время историки, например Ланселот де Ла Поплиньер (1541–1608), стремившийся приблизиться к «совершенству истории», ставили перед

собой задачу написать всеобщую историю, которая охватывала бы цивилизацию во всех ее измерениях. Эта цель в том или ином виде сохранялась и в последующие века. Зачастую термин «всеобщая история» (*histoire universelle*) подразумевал размышления о «законах истории», как это было, например, у Боссюэ или в совсем ином виде у Канта и Маркса; последние пользовались также термином «всемирная история» (*histoire mondiale*), распространившимся в XVIII в. (см.: *Koselleck R. L'Expérience de l'histoire. P., 1997*) и менее связанным с теологической перспективой. Как подчеркивал Поль Рикёр (*Ricoeur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli. P., 2000*), идея всемирной истории является одновременно «регулирующей», нацеленной на объединение знаний и «определяющей, созидательной» (сама история является всемирной, она есть «самопроизводящее становление»).

С развитием методической («позитивистской») историографии наступило время специализации и проект всеобщей/всемирной истории стал подвергаться критике, а затем поворот историков к исследованиям на более низовом уровне вообще отодвинул его на второй план, хотя сейчас дискуссии вокруг «истории в глобальном масштабе» и ведутся, но уже с новых позиций.

♦ *Глобальная история/Тотальная история, Масштаб, Теории истории*

Вспомогательные исторические дисциплины

Вспомогательные исторические дисциплины – это специализированные отрасли знания, которые помогают историку в его исследованиях. Мы не можем дать их канонический перечень, да это и не имело бы смысла; обычно к их числу относят палеографию, кодикологию (изучение рукописных книг), дипломатику, нумизматику, сфрагистику и геральдику (см. соответствующие статьи). Но ничто не запрещает рассматривать в этом ряду, например, историческую информатику. Каждая из названных дисциплин имеет свой предмет и методы, и в этом смысле употребление прилагательного «вспомогательные» может показаться проявлением «империализма» со стороны истории. «Вспомогательные» исторические дисциплины устанавливают правила анализа своих объектов и использования их в качестве источников, выявляют в них закономерности, в частности путем сравнения или выстраивания рядов.

◆ *Датировка, Дендрохронология, Просопография*

Габитус

Это понятие, заимствованное из социологии Пьера Бурдьё, обозначает усвоение индивидом норм, выработанных социальной группой, к которой он принадлежит. Габитус индивида проявляется в так называемых «естественных» диспозициях – позах, манере говорить, стиле жизни, политических, моральных и эстетических суждениях, являющихся в действительности социально обусловленными. С этой точки зрения наши суждения и вкусы формируются нашим положением в социальном пространстве. Хотя и не существует механического детерминизма между социальными структурами и личными вкусами, понятие габитуса позволяет тем не менее выявить здесь определенные закономерности.

♦ *Поле, Процесс цивилизации, Символическое насилие*

Генеалогическая история

Термин «генеалогия» в его общепринятом значении относится к дисциплине, предметом которой являются изучение происхождения и выяснение родственных связей. Но генеалогический метод в переносном смысле отсылает нас к трудам Ницше, и в частности к его книге «Генеалогия морали»

(1887), где он поставил перед собой задачу выявить и описать события, способствовавшие зарождению и формированию западных моральных ценностей и постепенному распространению нигилизма. Генеалогический метод Ницше в его наиболее последовательном и радикальном виде был нацелен на ниспровержение и преодоление западной метафизики и на развитие нового критического отношения к понятию истины путем смещения границ философии и истории.

В современной французской историографии генеалогический метод Ницше по-настоящему встретил отклик лишь благодаря Мишелю Фуко и осмыслению его трудов историками. Увлечшись в начале 1970-х гг. генеалогическим проектом Ницше, Мишель Фуко использовал понятие «генеалогия» для развития политической истории истины. Фуко увидел здесь метод, подходящий для исследования разнородных, не связанных между собой и малозначительных событий, в которых проявляется тесная взаимосвязь между телом, знанием и властью. Исследуя историю пенитенциарной системы, философ и историк Фуко в книге «Надзирать и наказывать» (1975) показал, как на рубеже XVIII–XIX вв. на Западе возник новый (биополитический) тип власти, воздействующий на человеческие тела с целью сделать их немыми и послушными. Появление дисциплинирующих технологий и учреждений (приютов, тюрем, фабрик, школ) и становление современных

нормативных гуманитарных наук свидетельствовали о зарождении новой исторической конфигурации – дисциплинарного общества. В первом томе «Истории сексуальности», озаглавленном «Воля к знанию» (1976), М. Фуко стремился не освободить сексуальность от гипотетического подавления, а показать, как постоянное стремление все знать о сексе распространилось на Западе и превратилось затем в «*scientia sexualis*», открывающую путь к управлению сексуальной жизнью, все более популярному в нашем современном обществе. Таким образом, отыскивая в прошлом симптомы настоящего, Фуко обратился к политической технологии тела и описал ее становление и развитие в западной истории.

Между тем от встречи Фуко и французскими историками остался тяжелый осадок взаимного непонимания, исказивший восприятие его работ в среде историков. Очевидно, что источниками недоразумения были радикальная философия, положенная им в основу генеалогии, и методологические барьеры, отделявшие последнюю от традиционной социальной истории. В своем относительно малоизвестном тексте под названием «Ницше, генеалогия, история» (см.: *Foucault M. Dits et écrits*. Т. 2. Р., 1971) Фуко попытался освободить историю от препятствий, унаследованных от метафизической традиции западного платонизма. Так, первым делом он демистифицировал понятие реального,

ссылаясь на суждение Ницше, согласно которому «фактов нет, существуют лишь интерпретации», а затем он воспринял у Ницше тему «десубъективации», означающей разрушение субъекта как эпистемологической основы исторического дискурса. Так Фуко с помощью генеалогической истории пытался лишить историков какой бы то ни было устойчивой опоры, не позволяя им судить свысока, и отвергал иллюзию тотальной истории. Более того, в пику всеобщему увлечению большой длительностью Фуко постоянно подчеркивал прерывистость истории, выявляя «в событиях уникальное и мимолетное»; тогда как все вокруг были заняты поисками сходства и преемственности, он обращал внимание на изменчивость и различия. Конечной же целью генеалогии было показать историчность истины, для чего требовалось выбрать в качестве главной темы «дискурс Истинного/Ложного», «разоблачить химеру истоков» и рассмотреть волю к знанию во взаимодействии между знанием и властью. Нетрудно заметить, что радикальный проект генеалогии Фуко поколебал сложившиеся представления об отношениях «истории и истины». Проникнутый энтузиазмом Поль Вен написал тогда небольшое примечательное эссе «Фуко революционизирует историю» (1978), в котором можно найти следующее пророчество: «То, что делает Фуко, будет называться историей и станет ею, если историки примут преподнесенный им подарок и не сочтут его

недостаточно зрелым». В действительности же возникли предвзятые мнения и непонимание между философом и большинством историков, за исключением лишь некоторых из них, таких как Мишель Перро, Арлетт Фарж или Жак Ревель. Тем не менее его влияние на историков сказалось в том, что у последних появились новые области интересов и новые предметы исследования: безумие, девиантное поведение, тюрьмы, тело, сексуальность, властные отношения... После него стало уже невозможно принимать слова за вещи и верить, таким образом, в существование вымышленных объектов. Однако его методологическое влияние, несомненно, оказалось менее заметным, результаты его появились не сразу, и только сейчас оно стало более ощутимым. В самом деле, идеями Фуко вдохновляются и гендерная история (*Scott J., Tilly L. Les femmes, le travail et la famille. P., 2002*), и история властных отношений (*Noiriel G. Etat, nation et immigration. P., 2001*). История представлений также заимствовала у генеалогического подхода нацеленность на изучение генезиса, изменений и исчезновения ценностных, поведенческих и мыслительных систем. Узаконив применительно к истории понятие эмергенции и переформулировав проблему истоков, исследователи истории представлений вслед за Роже Шартье (*Chartier R. Les origines culturelles de la Révolution française. P., 1990*; русск. пер.: *Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001*) ста-

раются теперь проследить внедрение, изобретение или распространение некоего увлечения или дискурса, на основе которых возникает новая практика. Таким образом, присутствие Мишеля Фуко в современном историографическом пейзаже является весомым и прочным, хотя и не всегда заметным.

♦ *Археология, Гендер, История представлений, Конструктивизм, Постмодернизм*

Генеалогия

Генеалогия – это дисциплина, предметом которой является изучение происхождения и выяснение родственных связей. На самом деле беглый взгляд на историю данной дисциплины показывает, что долгое время она сводилась к эрудитскому описанию королевских династий и обоснованию древности дворянских родов. В настоящее время она превращается в массовое занятие, что отражает стремление к поиску идентичности, которое охватило все общество и осуществляется в данном случае путем реконструирования семейной памяти. Однако историки не проявляют большого интереса к изучению родственных связей, несмотря на то что, как показывает ряд работ, оно могло бы обогатить некоторые направления исторических исследований. Так, в своей монографии «Общество принцев» (*Bély L. La Société des princes. P., 1999*) Люсьен Бели показал, что международные отношения при Старом порядке подчас трудно бывает отделить от лич-

ных отношений между государями и переговоры о заключении браков между принцами и принцессами из царствующих домов были также и семейным делом. В этой перспективе генеалогия может занять свое достойное место вспомогательной исторической дисциплины.

◆ *Вспомогательные исторические дисциплины, Генеалогическая история*

Гендер/Гендерная история

По словам Франсуазы Тебо, гендер можно определить как «социальный пол», т. е. как «социально конструируемую разницу полов», образующуюся из динамической совокупности представлений и практик, в которую входят допускаемые виды деятельности и роли, психологические свойства и система верований (*Thébaud F. Ecrire l'histoire des femmes. P., 1998*). Автор далее уточняет: «Пол воспринимается как нечто неизменное, тогда как гендер меняется во времени и в пространстве; мужественность и женственность – свойство быть мужчиной или женщиной или считаться таковыми – приобретают разные значения в разные эпохи и в разных культурах». Американский историк Джоан Скотт одной из первых занялась этой проблематикой и сразу связала определение гендерных различий с вопросом о властных отношениях. Во Франции гендерная проблематика разрабатывалась в русле истории женщин, которая стала развиваться в 1970-е гг. по

инициативе Мишель Перро и под влиянием американской гендерной истории; эти исследования были ориентированы на изучение не столько «женщин», сколько вопроса о различиях полов. Предпринимая исторический анализ отношений между мужчинами и женщинами, между мужским и женским, гендерная история способствует денатурализации идентитарных категорий пола. Она описывает историю социального, культурного и исторического конструирования половых идентичностей и ролей, а также свойств, приписываемых мужчинам и женщинам. Отличающаяся повышенным вниманием к современным проблемам историописания, гендерная история стала своего рода лабораторией эпистемологических инноваций и рефлексии. Она способствовала также появлению истории мужчин и маскулинности.

♦ *Представления/История представлений*

Геоистория

Этот термин часто употребляют для характеристики творчества Фернана Броделя и его основного труда «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949). В нем историк подчеркивает значение географического времени большой длительности, отмечая пену политических событий, и выступает за «квази-неподвижную историю человека в его отношениях с окружающей средой». Именно в этот период Бродель внес свой

оригинальный вклад в науку, предложив новый тип истории, в которой географическое пространство интегрируется в историческую темпоральность.

Геральдика

Геральдикой называется изучение гербов, которые появились в XII в. и представляют собой «разноцветные эмблемы, принадлежащие индивиду, семье или группе лиц; их составление подчинено особым геральдическим правилам» (Мишель Пастуро). Эти правила кодифицируют употребление фигур и цветов. Прежде геральдика вызывала интерес, главным образом, со стороны эрудитов, а в настоящее время она широко используется историками Средневековья (для датировки предметов и памятников, а также для изучения истории чувств).

Герменевтика

По словам Мишеля Фуко, герменевтику можно определить как «совокупность знаний и приемов, позволяющих заставить знаки говорить и раскрывать свой смысл» (*Foucault M. Les Mots et les choses*. Р., 1966). Это искусство чтения берет начало в долгой истории интерпретации священных текстов и символов, а позднее – в ренессансном гуманизме и его отношении к сочинениям древних; в настоящее время в самом общем виде оно представляет собой интерпретацию феноменов дискурса, рассматриваемых как знаки. Текст любого типа может сей-

час стать объектом герменевтики и быть подвергнут различным интерпретациям.

Герменевтика представляет для историка двоякий интерес. С одной стороны, он вызван тем, что историческое знание основано на документах, но история при этом не довольствуется ролью филологической дисциплины. История находится на стыке между смыслом, следующим из внутренней организации дискурса, и референтом, отсылающим к внешней по отношению к языку реальности; именно здесь совершается переход от семантики к герменевтике. Именно это, по-видимому, и имел в виду Райнхарт Козеллек, когда писал, что «историк использует письменные источники как свидетельства, позволяющие выявить выходящую за их пределы реальность. Ему, как никакому другому толкователю текстов, приходится систематизировать внетекстуальные факты, хотя и устанавливает он их при помощи языка» (*Koselleck R. L'expérience de l'histoire. P., 1997*). Так историк становится герменевтом.

С другой стороны, его интерес вызывается также возможностью создать герменевтику условий историописания, осуществить рефлексии второго уровня относительно обусловленности самого исторического дискурса. Именно этому посвящена третья часть важнейшего труда Поля Рикёра «Память, история, забвение» (*Ricoeur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli. P., 2000*). Такая герменевтика об-

ращается в первую очередь к критической философии истории. Отвергая любые претензии на тотальное историческое знание, она тем самым ставит под сомнение спекулятивную философию. Далее, она освобождает историю от влияния со стороны модели точных наук, сконцентрированной на объяснении, и предлагает взамен свойственный общественным наукам понимающий подход, который требует от историка эмпатии по отношению к людям прошлого для восстановления чуждой нам картины их жизни во всей ее полноте. Другая сторона этой герменевтики лежит в онтологически «экзистенциальной» плоскости и обращена к изучению способов нашего исторического существования в мире, где тесно переплетаются история, память и забвение. Так сама история превращается в предмет герменевтики.

◆ *Критическая философия истории*

Глобальная история/Тотальная история

Центром историографической парадигмы «Анналов», которую развивали Марк Блок, Люсьен Февр, а потом Фернан Бродель, было намерение создать глобальную историю. Выйдя далеко за пределы чисто политической истории, они привлекли внимание историков к сферам экономической активности, социальной жизни и к механизмам коллективной психологии. Синтез оставался в то время сверхзадачей для историков, которые

пытались установить соотношение между частями целого, нащупать связи между экономикой, социальной сферой и культурой, чтобы воссоздать комплексное взаимодействие различных сторон одной исторической проблемы или ситуации. Другим следствием этого стремления к тотализации было желание сделать историю открытой к диалогу с другими общественными науками. Вместе с тем, как хорошо показал Франсуа Досс в книге «История в осколках» (1987), проект «Анналов» был частью «империалистической» попытки организовать общий рынок наук о человеке, объединенных вокруг истории как места их пересечения и синтеза и вокруг глобализаторских подходов, нацеленных на создание интернауки, о которой мечтал Фернан Бродель.

Ряд заметных работ, появившихся в 1960-е гг., например труды Жака Ле Гоффа (*Le Goff J. La Civilisation de l'Occident médiéval*. P., 1964; русск. пер.: *Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада*. М., 1992), отвечали изначальной глобальной цели, поставленной первым поколением «Анналов». Между тем научный и интеллектуальный пейзаж шестидесятых годов, отмеченный вторжением структурализма и вызовами со стороны лингвистики и антропологии, заставил историков пересмотреть исходные позиции, и у представителей «новой исторической науки» 1970-х гг. возник интерес к новым проблемам, новым объектам и под-

ходам (*Le Goff J., Nora P. Faire de l'histoire. P., 1974*). Стремление к тотальной истории осталось в прошлом, и историки начали отдавать предпочтение изучению четко определенных объектов. Об этом смещении внимания и интересов свидетельствовал успех книги Эмманюэля Ле Руа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)» (1975; русск. пер. – 2001). Но в то же самое время, когда историческая дисциплина завоевала успех у широкой публики, с появлением «новой исторической науки» начался период распада исторических исследований на бесчисленное множество всевозможных частных историй. Можно по этому поводу горевать или радоваться, но все вынуждены констатировать, что французская историография отказалась от господствовавшей прежде унифицирующей научной парадигмы.

Однако в 1980-е гг., отмеченные одновременным возвратом субъекта и события, мы стали свидетелями появления проектов реглобализации. Подобные устремления породили реабилитацию и обновлением прежде дискредитированной «Анналами» политической истории. Так, по мнению Рене Ремона, политика является «центром управления глобальным обществом» и «точкой соединения разнонаправленных действий». Поэтому история, с его точки зрения, должна быть вписана «в глобальную перспективу, точкой схода которой является политика» (*Rémond R. Pour une histoire politique. P., 1988*).

Но создать из этого новую парадигму глобальной истории не удалось, вероятно, из-за свойственного политической истории недостатка рефлексивности и слабой связи с общественными науками. Между тем современные успехи культурной истории позволяют некоторым историкам – они, правда, не составляют большинства – думать, что культура может стать тем центром, вокруг которого произойдет реглобализация истории. Предлагая антропологическое прочтение человеческих обществ, они рассматривают культуру как место, где происходит их структурирование. Дебаты по этому вопросу в настоящее время продолжаются.

◆ *Структура*

Горизонт ожидания

Это понятие ввел немецкий философ и историк Райнхарт Козеллек, обозначив им будущее прошлого, т. е. присутствие будущего в сознании людей прошлого. Этот горизонт никогда полностью не открывается, и исторические субъекты ждут, когда он откроется, рискуя оказаться разочарованными. Он состоит из предвосхищений, прогнозов, желаний, надежд и страхов. Горизонт ожидания направлен на «то-чего-еще-нет» и отчасти связан с другой метаисторической категорией «поле опыта», образуя вместе с ней семантику исторических времен.

◆ *Поле опыта, Режимы историчности*

Гуманитарные науки/Общественные науки

В XIX в. термин «общественные науки» употреблялся как синоним понятия «социология»; в настоящее время им обозначают совокупность дисциплин, изучающих человека в обществе; их число может варьироваться в зависимости от того, как разные авторы определяют это понятие, а также от сложившейся структуры того или иного университета. В их число обычно включают социологию, политологию, антропологию, психологию, педагогику, историю... Разница между понятиями «общественные науки» и «гуманитарные науки» не вполне ясна и не имеет принципиального значения. Так, соответствующий отдел Национального Центра научных исследований Франции называется «Науки о человеке и обществе».

Датировка

Вопрос датировки, т. е. установления даты документа или факта, а следовательно, его места в ряду других документов или событий, с одной стороны, безусловно, является техническим, но, с другой стороны, может иметь большое значение для интерпретации (например, для выяснения причинных связей). Методы датировки варьируются в зависимости от изучаемых периодов истории и областей исследования. Так, в археологии используются научные методы стратиграфии (анализ расположения слоев) и дендрохронологии. В медиевистике широко используются вспомогательные исторические дисциплины, такие как дипломатика, палеография и сфрагистика. При изучении более поздних периодов обращаются, в основном, к источниковедческой критике. Когда речь идет о древней или средневековой истории, то датировка даже таких крупных событий, как крещение Хлодвига, не всегда точна и остается спорной.

♦ *Анахронизм, Археология, Вспомогательные исторические дисциплины, Диплом/Дипломатика, Палеография, Периодизация, Хронология*

Дендрохронология

Дендрохронология позволяет получать хронологическую информацию на основе изучения

годовых колец деревьев. Она дает возможность, в частности, оценить влияние деятельности человека на окружающую среду. Так, например, дендрохронологический анализ деревянной церкви (построенной около тысячного года) или гробов из шведского города Лунда дает сведения об историческом пейзаже, о древесных породах того времени и их изменениях, а также о бытовавших погребальных обрядах (Томас С. Бартолин).

◆ *Датировка*

Деонтология

Имеется в виду моральный кодекс, обеспечивающий соблюдение правил, свойственных данной профессии. Примерами могут служить клятва Гипократа в медицинской деонтологии или обязанность историка говорить читателю правду, т. е. сообщать ему о подлинных фактах, подтверждаемых документами.

Детерминизм

◆ *Финализм*

Диалектика

Диалектикой называется искусство и метод последовательного рассуждения в ходе дискуссии. Диалектикой называют также анализ и ход мысли путем обнаружения и снятия противоречий. По Гегелю, движущей силой истории является разви-

тие духа, подчиненное трехчастному ритму: тезис, антитезис и синтез (или становление), который соединяет в себе два предыдущих и превосходит их. Диалектический анализ был использован в материализме Маркса, у которого, в частности, историческое развитие являлось результатом противоречий между производительными силами и производственными отношениями. В более широком смысле диалектика «включает в себя любой метод исследования, основанный на принципе антиномии и ее преодоления» (*Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. P., 1992*).

♦ *Исторический материализм, Смысл истории*

Диахрония

Долгое время работа историков отличалась от работы социологов и антропологов строго исторической постановкой вопросов. В диахроническом исследовании факты рассматриваются в их временной последовательности, т. е. в истории, в отличие от неисторического исследования синхронического типа, в ходе которого преимущественно изучается взаимосвязь элементов, принадлежащих к одной системе. Действительно, историки любят работать со временем: выстраивать периодизации, доискиваться до причин, прослеживать процессы, восстанавливать ход событий, – и все это делается при помощи дат, служащих им временными маркерами. Что же касается структурного подхода, то он наце-

лен на выявление вневременных моделей и структур.

Лингвист Фердинанд де Соссюр ввел понятия *синхронии* – состояния равновесия, в котором находится язык в определенный момент своей истории, т. е. системы данного языка, и *диахронии* – истории лингвистических явлений, рассматриваемых как случайные и внешние по отношению к лингвистической системе. На основе этого разграничения сложились два различных и вместе с тем взаимодополняющих подхода, которые впервые были осмыслены в рамках теории языка. Соссюр был одним из тех, кто положил конец длившемуся на протяжении всего XIX в. преобладанию исторической лингвистики, и его вклад обычно видят в переоценке значения синхронии в ущерб диахронии.

Благодаря своему общему характеру понятие синхронии впоследствии стало применяться не только к языку, но и к другим объектам исследования. Оно оказало влияние на становление структурализма во Франции, а косвенным последствием этого влияния стало умаление значения диахронии и освобождение лингвистики, а вслед за ней и других гуманитарных наук, от преобладающего воздействия истории. В 1949 г. антрополог Клод Леви-Стросс утверждал, что история из-за присущего ей диахронического измерения не способна проникать в глубинные структуры общества и вскрывать бессознательную подоплеку социальных практик.

Поэтому мощная структуралистская волна унесла гуманитарные науки далеко от историзма, и роль истории как объединяющей дисциплины в 1960-е гг. оказалась под угрозой. Историческая наука сумела противостоять этому опасному философскому и институциональному вызову, лишь примирив некогда антиномичные понятия «история» и «структура» благодаря разработанной Фернаном Броделем концепции большой длительности, а также изучению «неподвижной истории» Эмманюэлем Ле Руа Ладюри и, в конечном счете, благодаря антропологизации исторического дискурса.

В наши дни, по-видимому, можно говорить о возврате диахронии, которому способствовал растущий интерес со стороны смежных и конкурирующих с историей дисциплин, таких как социология и антропология, к историчности социальных образований.

♦ *Историческая антропология, Историчность, Социоистория, Структурализм*

Диплом/Дипломатика

Термин «диплом» (применительно к Средним векам) означает грамоту, исходящую от императора или короля, в частности определенный тип королевских актов Капетингов. Дипломатика, или наука о письменных актах, название которой происходит от термина «диплом» в этом его значении, изучает процесс составления и форму письменных актов

(устанавливает их подлинность, датировку, происхождение, особенности языка и т. д.). Изначально сфера ее интересов охватывала, в основном, акты, имеющие юридический характер, а теперь распространяется на все архивные документы; ее задачами являются источниковедческая критика и публикация документов с целью обеспечения к ним доступа. От «диплома» происходит и термин «дипломатия» (т. к. она действует путем заключения договоров).

◆ *Внешняя критика, Внутренняя критика*

И

Идеальный тип

Это понятие, разработанное Максом Вебером, оказалось чрезвычайно плодотворным инструментом исторического исследования и интерпретации. Оно является своего рода «предельным понятием», обобщающей абстракцией, дающей возможность организовать исторический опыт и сделать интеллигибельным мир, в котором мы живем, путем выявления общих и специфических черт человеческого поведения (например, «романтического») или широкомасштабного исторического явления («западного капитализма»). По словам Макса Вебера, «идеальный тип есть мысленная картина, а не историческая реальность и тем более не “подлинная” реальность, и он никак не может служить схемой для упорядочения реальности или использоваться в качестве примера. Он представляет собой лишь чисто идеальное предельное понятие, с которым соизмеряют и сравнивают реальность, чтобы прояснить эмпирическое содержание некоторых важных ее элементов» (*Weber M. Essai sur la théorie de la science. P., 1965*). Самое главное в дальнейшем – определить степень отклонения идеи от эмпирической реальности, чтобы уточнить идею и сделать ее более применимой; при этом надо постоянно иметь в виду ее ограниченность и неадекватность под-

вижному, уникальному, противоречивому и отчасти даже хаотичному реальному миру.

Хотя работы Вебера во Франции были восприняты с опозданием (несмотря на усилия Раймона Арона), эвристическая ценность его идей, основанных, по сути, на номиналистической мысли, герменевтической традиции и понимающей социологии, вызвала интерес со стороны таких историков, как Анри-Ирене Марру и Поль Вен. В дальнейшем понятие «идеальный тип» широко распространилось среди сообщества историков и стало при этом употребляться в более расхожем значении для характеристики определенных обобщающих форм исторического описания и указания на их неизбежную неполноту.

♦ *Герменевтика, Критическая философия истории, Эвристика*

Изучение подчиненных групп (Subaltern Studies – англ.)

Течение *Subaltern Studies*, в настоящее время очень активное в Индии и в англоязычных университетских кругах, основано на критике господствующих историографий, в частности работ по колониальному вопросу. В противовес истории, изучающей преимущественно колонизаторов или зарождение национализма, приверженцы *Subaltern Studies* выявляют и исследуют «автономную область политической деятельности угнетенных»,

т. е. населения, с разных точек зрения – от кастовой до профессиональной – подчиненного (*Merle I. Les Subaltern Studies // Genèses. 2004. N 56*). Инициаторами развития *Subaltern Studies* в 1980-е гг. стали сторонник критического марксизма индийский историк Ранаджит Гуха и его команда, но в конце десятилетия это течение отклонилось от первоначального проекта. Оно отошло от критической социальной истории и увлеклось критикой западных исторических нарративов, сблизившись, таким образом, с лингвистическим поворотом. Суть проекта Гухи и его школы составляют критическое прочтение архивных источников с обозначенной выше точки зрения и критика сложившейся колониальной истории (*Ibidem*).

♦ *Исторический материализм, Культурология (Cultural studies), Лингвистический поворот (Linguistic turn), Постмодернизм, Устная история (и ее источники)*

Иконография/Изображение

Под иконографией понимают всевозможные воспроизведения сюжета методами изобразительного искусства, а также изучение этих изображений. Долгое время анализ изображений не занимал большого места в работе историка. Они служили либо простыми иллюстрациями к текстам, либо предметом изучения историков искусства. В настоящее время иконографический анализ составляет

особую область исторических исследований, хотя сомнения по-прежнему остаются как со стороны историков искусства, желающих оставить изобразительные источники в узких рамках своей дисциплины, так и со стороны историков, привыкших работать с текстами и настороженно относящихся к иконографическому материалу. Развитие истории ментальностей, а затем культурной истории значительно повысило ценность изображений как источника исторических знаний. Кроме того, расширение территории исторических исследований повлекло за собой использование самых разных изображений в широком смысле этого слова – от наглядных таблиц в письменных текстах до медалей, газетных рисунков и фотографий; работа с каждым отдельным типом изображений требует особого методологического осмысления, в то же время, учитывая эту специфику, необходимо и в целом представлять себе место изобразительного материала в работе историка (см.: *Présentation : Image et histoire // Vingtième siècle*. 2001. Octobre–décembre).

Между тем помимо проблем интеллектуального порядка работе историка с изобразительными источниками препятствует целый ряд других обстоятельств, в частности ему иногда очень трудно бывает получить доступ к документам. Копирование обычно ограничивается жесткими условиями. Безусловным прогрессом стало появление электронных баз данных, хотя зачастую все равно возникает

необходимость работать с оригиналами документов. «Как, например, по изображению на экране можно выполнить кодикологическое исследование иллюстрированной рукописи? Как увидеть на диапозитиве игру света, производимую солнечным лучом на витраже? Как обнаружить на скульптуре или архитектурном памятнике следы полихромной росписи, не имея возможности пойти посмотреть их *in situ*» (*Pastoureau M., Rabel C. Image, symbolique, imaginaire. Histoire des images, des symboles et de l'imaginaire // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen Age en France et en Allemagne. P., 2002*). Как правило, у историков не принято оценивать изображения с эстетической точки зрения, их интересуют условия появления и использование этих изображений. Художественные формы как таковые не привлекают их внимания. Они группируют изображения в серии и своды и анализируют их структуру (расположение, варианты и т. д.). Историки уже не оставляют на откуп искусствоведам даже «великие творения» и изучают их своими собственными методами. В настоящее время подвергаются критике некоторые прежние подходы: например, применительно к истории Средних веков, представление, что изображение напрямую зависит от текста или что форму и сюжет следует рассматривать по отдельности. Развивая «фигуративную мысль» Пьера Франкастеля (согласно которому живопись связана с «автономной функци-

ей сознания», порождающей «целостные системы значений», не сводимые ни к какой другой; см. ст. Bonne J.-C. в «Revue d'esthétique», 1970), современные историки подчеркивают, что изображение само производит смысл, а форма и содержание связаны между собой (*Pastoureau M., Rabel C. Op. cit.*). Кроме того, историк должен рассматривать изображение как объект, использовавшийся в определенном контексте (*Baschet J. Introduction: l'image-objet // L'image. Fonctions et usages des images dans l'Occident médiéval. P., 1996*).

◆ *Источник, Серийная история*

Интенционализм/Функционализм

Какое место и значение следует отводить Гитлеру в нацистской системе, в правительстве Рейха, в выработке антиеврейской политики и в проведении агрессивной внешней политики? Этот вопрос оказался центральным в спорах и контроверзах вокруг интерпретации нацизма между историками-«интенционалистами» и «функционалистами». Интенционализм преобладал в исследованиях нацизма в послевоенные годы, его придерживались такие немецкие историки, как Фридрих Майнеке, Герхард А. Риттер и Клаус Гильдебранд. В их работах акцент был сделан на «бесноватой» личности фюрера, его колоссальной диктаторской власти и воинствующем антисемитизме. Они хотели показать, что «окончательное решение» еврейского вопро-

са явилось результатом тщательно продуманного поэтапного плана, который Гитлер разрабатывал с 1920-х гг. и сформулировал уже в «Майн Кампф». Между тем в 1970-е гг. немецкий историк Мартин Броскат и английский историк Йен Кершо выдвинули получившие признание функционалистские подходы к интерпретации нацизма. По мнению «функционалистов», история нацизма объясняется не столько личностью, идеями и поступками Гитлера, сколько функционированием нацистского движения и гитлеровского государства, реакцией со стороны немецкого общества и изменением международной обстановки. С их точки зрения, политика Гитлера была не столь последовательной, как принято думать, и они сделали акцент не на воле и намерениях («интенциях») диктатора, а на значении структурных факторов: пружинах и логике постепенно радикализировавшейся системы. Наконец, в середине 1990-х гг. в работах американца Дэниэла Дж. Голдхагена в новом виде возродился интенционализм: он состоит в возложении ответственности за геноцид евреев на все немецкое население. Согласно этому тезису, получившему широкий отклик в немецком обществе, среди немцев существовал сильнейший и глубоко укорененный антисемитизм, из-за которого они все стали соучастниками Холокоста. Представители функционалистского течения, в частности Йен Кершо, резко выступили против этих «иконоборческих» тезисов.

Тем не менее спор между сторонниками двух основных направлений в историографии нацизма не окончен, и в настоящее время некоторые историки делают попытки преодолеть это противоречие.

Истина

◆ *Объективность, Оценочное суждение, Подлинность, Релятивизм*

Историзирующая история

Это выражение обозначает анализ или рассказ, ориентированный на хронологическое повествование. Выражение обычно имеет уничижительный смысл и характеризует рассуждение или исследование, в котором слишком большое место отведено хронологической последовательности событий, «индивидуальному объяснению» (Франсуа Симиан) в узком смысле слова. В 1978 г. Мишель Вовель написал, по-видимому, с излишним оптимизмом: «Можно сказать, что смерть так называемой историзирующей истории – в настоящее время уже свершившийся факт» (см.: La Nouvelle histoire. P. : Retz, 1978).

◆ *Историзм/Историцизм*

Историзм/Историцизм

Историзм, иногда именуемый также историцизмом, начиная со второй половины XIX в. постоянно становился предметом споров и разногласий,

в ходе которых не всегда удавалось определить смысл этого слова. В первую очередь историзмом именуют историю ради самой истории, без связи с проблемами современности. Накопление фактов предстает как самоцель. Такой подход называли «историзмом», подчеркивая его бесплодность. Под историзмом в более амбициозном смысле понимают подход к истории как к наилучшему способу понять современное общество, «идею, что все становится историчным и все опосредовано историей» (*Oexle O. G. L'histoire en débat. P., 2001*). Исторический материализм и позитивизм имеют своим истоком историзм. Начало дебатам положила критика, которой подвергся историзм Ницше, который в сочинении «О пользе и вреде истории для жизни» (1874) противопоставил «жизни» историю как бессвязный набор знаний, холодную и пассивную деятельность, иллюзорную веру в объективность, подавление творческого начала... По мнению Фридриха Майнеке (1862–1954), влияние которого в Германии было очень сильным, историзм делает акцент на индивидуальности, проявляющейся в результате эволюции, в противоположность «генерализирующему подходу к историческим и человеческим движущим силам» (см.: *Oexle O. G. Op. cit.*). Критика в адрес историзма зачастую бывает направлена против заложенного в нем релятивизма (с позиций которого каждое явление должно быть вписано в свою эпоху).

♦ *Историзирующая история, Исторический материализм, Позитивизм, Релятивизм*

Историограф

Историограф – это официальный историк, уполномоченный некой институцией, например правительством, написать ее (его) историю. Начиная с XV в. французские монархи, а вслед за ними и герцоги Бургундские назначали специальных лиц для выполнения этого задания. Иногда термин употребляется в более широком смысле, как синоним историка.

Историография

Историографию можно определить как «историю дискурса (...), который люди выработали по поводу своего прошлого» [*Carbonell Ch.-O. L'Historiographie. P., 2003 (1981)*], или как «изучение различных *историко-методических дискурсов* и различных *способов писать историю*» (*Bourdé G. et Martin H. Les Ecoles historiques. P., 1997*). Предмет ее интересов, таким образом, историки, их концепции истории, методы и продукция. Долгое время историография занималась историей исторических идей и анализом исторических трудов. В настоящее время под влиянием социологии и особенно трудов Пьера Бурдьё, а также размышлений о положении исторической дисциплины и ее методах специалисты по историографии стали рассматривать истори-

ческие дискурс и практику в социальном контексте, увязывать сочинения историков с их социальными позициями и стратегиями. Термин «историография» используется также для обозначения совокупности исторических трудов, написанных в одно время или посвященных одной теме или сюжету (например, историография коммунизма). Еще он употребляется как синоним терминов «история» («историческая дисциплина») и «труд историка», а термин «историограф» – как синоним историка. А то, что мы называем историографией, в Германии, например, именуют «историей историографии» (см. ст. «Historiographie», «Historiographiegeschichte», историко-методологические размышления в ст. «Historik» в прекрасном словаре исторических понятий: *Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe*. Stuttgart, 2003). Такое употребление понятий вызывает путаницу, и нам представляется предпочтительным избегать этого, сохраняя за историографией ее специфический смысл, которого придерживался Ш.-О. Карбонель в процитированной выше работе.

◆ *Эпистемология*

Историческая антропология

Этот подход к изучению общества получил развитие в 1970-е гг. Он характеризуется междисциплинарным методом (сочетанием, главным образом, истории, антропологии и этнологии) и специфиче-

ским интересом к некоторым традиционным антропологическим темам, таким как легенды и мифы, ритуалы, тело и жесты, отношения родства. По мнению Жака Ле Гоффа, основавшего в 1970-е гг. Группу исторической антропологии средневекового Запада, с которым полностью солидарен сменивший его на посту руководителя Группы Жан-Клод Шмитт, «суть дела состояла в том, чтобы обогатить историю путем ее сближения с социокультурной антропологией, позаимствовав у последней методы (например, структурный анализ, как его понимал Клод Леви-Стросс), а также объекты исследования и проблемы, прежде малознакомые историкам». Расцвет исторической антропологии наступил в социальном контексте, характеризовавшемся, с одной стороны, релятивизацией ценностей западного общества, которая вызвала повышенный интерес к не-западным обществам, составлявшим предмет изучения антропологов, а с другой, как подчеркивал Жан-Клод Шмитт, – пристальным вниманием к традиционному европейскому обществу (прежде всего, к крестьянству), исчезавшему в результате индустриализации и урбанизации. Книга этого автора «Святая Борзая. Гинефор, исцелявший детей с XIII века» (*Schmitt J.-C. Le saint Lévrier. Guinefort, guérisseur d'enfants depuis le XIIIe siècle. P., 1979*), в которой анализируется легенда и история культа борзой-целительницы от Средневековья до новейшего времени, демонстрирует плодотворность

такого подхода. Исследователю пришлось стать «одновременно историком, этнологом и археологом, чтобы встретиться с людьми, жаждущими рассказать свою собственную историю, причем среди самых старых из них попадались такие, кто приносил своих детей к предполагаемой могиле святого Гинефора»...

♦ *Этнология, Ментальность/История ментальностей, Структурализм*

Историческая демография

Как писал Луи Анри, историческая демография представляет собой «демографическое изучение народонаселения близкого или отдаленного прошлого на основе скудной – или вообще при отсутствии – статистической информации». Создание сразу после Второй мировой войны Национального института демографических исследований (ИНЕД) способствовало знакомству историков с возникшей в конце XIX в. наукой демографией, которая открыла им путь к изучению социальной истории безымянных низов. Роль посредника между двумя дисциплинами сыграл глубоко увлеченный историей демограф Луи Анри, который совместно с Мишелем Флери приобщил историков к обработке и исследованию дошедших из прошлых веков данных о гражданском состоянии. Сформулированная в 1950-е гг. «модель Анри» являлась стандартизованным методом, позволявшим на ос-

нове церковно-приходских книг (содержавших записи о крещениях, браках и смертях) реконструировать семейные связи и изучать демографические процессы в прошлом (число рождавшихся детей на одну женщину, рождаемость и смертность, брачный возраст, структуры семей и т. д.). В свое время она оказала заметное влияние на историческую науку, примером чему служат, в частности, крупные коллективные проекты количественных исследований, начатые под руководством Эрнеста Лабрусса, или вызвавшие широкий резонанс диссертации историков раннего Нового времени Пьера Губера и Эмманюэля Ле Руа Ладюри. Эти диссертации, в свою очередь, стали основой для развития исследований в области исторической антропологии в 1970-е гг.

Тем не менее в 1980–1990-е гг. наступил глубокий кризис исторической демографии, от которого она не оправилась и по сей день. Присущие ей яростный гиперобъективизм, сциентистская вера в количественные подсчеты, однообразные методы и крайняя слабость нарративной конструкции не выдержали испытания деконструкционизмом М. Фуко, который перенес внимание с цифр на изучение процесса конструирования источников и аналитических категорий, а затем и генезиса эгатического знания. Хотя некоторые исследователи, по примеру Жака Дюпакье, и продолжают отстаивать историческую демографию с ее претензией на всеохватность, другие вслед за Полем-Андре Розенталем

предпочитают говорить о «науке о населении» и пытаются выстроить позитивное знание другого типа, учитывающее современный поворот историографии к качественной и понимающей истории, примером которой могут служить исследования истории на микроуровне или изучение конструирования гендерных идентичностей.

◆ *Серийная история*

Историческая школа

Историческая школа – термин «школа» употребляется в данном случае в абстрактном смысле – объединяет историков, как правило, связанных институционально (одним университетом, исследовательским центром, журналом и т. д.) и развивающих общую концепцию исторической дисциплины и общую методiku анализа в своих областях исследования. Примером может служить школа «Анналов». Границы исторической школы не всегда четко очерчены, и принадлежность к той или иной школе зачастую весьма условна.

Исторический материализм

История несомненно занимает центральное место в работах Карла Маркса (1818–1883): как «история современности», о которой философ регулярно писал (революции 1848 г., Парижская коммуна...), так и исторический материализм – разновидность теории истории, охватывающая развитие челове-

ства в целом. Отталкиваясь от диалектики Гегеля, в которой непомерно большое место отведено Духу, и от слишком абстрактного и статичного материализма Фейербаха, Маркс вместе с Фридрихом Энгельсом постепенно выработал целостное видение истории человечества сквозь призму исторического материализма. Динамика этой истории определяется человеком, который не уносится водоворотом событий, а призван действовать в качестве субъекта. Однако действия людей детерминированы их отношением к средствам производства и положением внутри определенного общественного класса: «То, что они [индивиды] собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством – совпадает как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят» (*Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология). Таким образом, общественное развитие, показателем которого является разделение труда, обусловлено производственными отношениями и характеризующим их способом производства. Над этим «конкретным базисом» возвышается «политико-юридическая надстройка». Согласно историческому материализму, мир политики, мир идей и верований не могут ни объяснить историю, ни служить ее движущими силами. Они, напротив, сами детерминированы объективными жизненными условиями, связанными с производственными отношениями. По мнению Маркса, было много «иллюзий» (*Там же*) в рассуждениях об определяющей

роли политики или религии, в рассуждениях, которые историки некритично повторяли друг за другом (*Там же*). История есть диалектический процесс, состоящий из борьбы классов и приводимый в движение противоречиями, которые возникают между производительными силами и производственными отношениями и вызывают социальные потрясения. Маркс различал несколько следующих друг за другом способов производства: азиатский, античный, феодальный, затем капиталистический. Коммунизм появляется как завершение истории. Перечисленные выше тезисы схематично излагают сложную мысль, постоянно развивавшуюся и не столь застывшую, как ее зачастую изображают. Так, анализ античного способа производства у Маркса не сводится к рассмотрению рабства. Марксисты, отличавшиеся большой широтой взглядов, такие как Антонио Грамши (1891–1937) в Италии и Луи Альтюссер (1918–1990) во Франции, обогатили теории отцов-основателей, привнесли в них большую гибкость и соединили марксизм с историческим анализом культуры и, в частности, идеологии.

Влияние исторического материализма испытали на себе, в первую очередь, историки левого толка, например Жан Жорес, затем, после Второй мировой войны, сфера его притяжения расширилась, что в то время было связано с авторитетом коммунистических партий. Его влияние проявлялось по-разному: от простого усвоения, приводившего к социально-

экономическому детерминизму в объяснении истории, до ортодоксального воспроизведения марксистских схем. Марк Блок, например, с интересом читал Маркса, его он помещал в ряд «патриархов» обновления истории, хотя сам никогда в точности не следовал его методам анализа и тем более не разделял политических выводов из исторического материализма. Этот интерес основателя «Анналов» является в настоящее время предметом дискуссий и вызывает противоречивые мнения (*Dumoulin O. Marc Bloch. P., 2000*). Другой медиевист, Жорж Дюби, не считая себя материалистом, признавал все же, что многим был обязан методам анализа Маркса и Альтюссера («Мой долг перед марксизмом велик»), восприняв у них, в частности, понятия «класс» и «производственные отношения» (*Duby G. L'histoire continue. P., 1991*). Исторический материализм, весьма далекий как от эпистемологического, так и от открытого марксизма, стал официальной наукой в странах Восточного блока и у ортодоксальных историков-коммунистов. Если отвлечься от политических разногласий, то можно поддержать Мишеля Вовеля, который недавно написал по поводу марксизма: «Как бы то ни было, история показала его если не исследовательские возможности, то, по крайней мере, долгое время сохранявшуюся способность поддерживать рефлексию и анализ» (*Vovelle M. Karl Marx // Les historiens. P., 2003*).

◆ *Диалектика, Финализм*

Историчность

Термин употребляется для обозначения того, что является историческим, имеет историю. Все общества являются историческими и имеют равную степень историчности, но свою историчность они воспринимают по-разному. Крайний случай – изучавшиеся Филиппом Декола индейцы ачуара Верхней Амазонии (*Descola Ph. Les Lances des Crépuscules. P., 1993*), для которых история и память о прошлом не имеют никакого значения. В 1960 г. Клод Леви-Стросс предложил свое знаменитое, вызывавшее бурные споры и зачастую неверно понимаемое различие между «холодными» и «горячими» обществами. Первые (этнографические общества) приближаются к «нулевому градусу исторической температуры» и стремятся всеми силами сохраниться такими, какие они есть. Во вторых (главным образом, в западных обществах) наблюдается большая разница температур, высокий уровень событийности, и история становится движущей силой развития. Те и другие совершенно по-разному переживают и осмысливают свою историчность, по-разному воспринимают историю и существуют в ней.

Помимо этих споров, термин «историчность» занимает центральное место в противостоянии натуралистским объяснениям человеческого поведения. Он напоминает, что человек есть по сути существо культурное. Можно заметить, что человеческие

функции, кажущиеся нам самыми естественными (например, эмоции) или отвечающими первичным физиологическим потребностям (есть, пить, спать, испытывать сексуальное влечение и т. п.), «непосредственно» формируются культурой и, следовательно, имеют свою историю. В отличие от обыденного сознания, напрямую связывающего различие полов с биологическими свойствами, гендерная история показывает, что половая идентичность является, главным образом, результатом исторического, социального и культурного конструирования маскулинности и фемининности, меняющегося во времени и в пространстве. Подобным же образом история чувств исходит из постулата, что наши чувства (зрение, слух, обоняние, осязание и вкус) имеют историю. Согласно Алену Корбену, историчность того, каким образом человек прислушивается к себе и воспринимает сигналы извне, какое значение он придает миру чувств, историчность его оценок и порога терпимости делает возможным появление генеалогии нашего чувственного мира и изучение систем восприятия во времени, в пространстве и в разных обществах. Интерес к понятию историчности является, таким образом, частью культуралистского подхода к изучению человеческого общества, при котором «дифференциальное отклонение культур» становится главным вопросом наук о человеке.

♦ *Гендер, Диахрония, Конструктивизм, Режимы историчности, Событие, Чувства/История чувств*

История повседневности
(Alltagsgeschichte – нем.)

Данное направление исторических исследований получило развитие в Германии в начале 1980-х гг. и представлено, в частности, работами Альфа Людтке. Историки этого направления сосредоточили свое внимание на увиденных «изнутри» специфическом опыте и поведении индивидов в повседневной жизни. Их подход в определенном смысле противоположен традиционной социальной истории, изучающей преимущественно группы, классы и структуры. Не случайно представители последней болезненно отреагировали на появление *Alltagsgeschichte*. Занимаясь жизненными историями индивидов, историки повседневности ломают барьеры между академической и любительской историей, создавая, например, совместные исследовательские группы (см. об этом ст. Тьерри Надо в «Actes de la Recherche en Sciences Sociales». 1990. N 83). Область их исследований, главным образом, новейшая история, причем преимущественно история эксплуатируемых, «безымянных» (по словам А. Людтке) индивидов, таких как рабочие или домашняя прислуга. Для них характерно обращение к источникам (изобразительным материалам, устным опросам), которые долгое время оставались в небрежении. По мнению ее сторонников, история повседневности со свойственным ей четко сфокусированным подходом способна объяснять проблемы

общего порядка (например, поведение немцев при нацизме) не хуже, чем более глобальные методики.

♦ *Актор (субъект), Микроистория, Устная история (и ее источники)*

История понятий (Begriffsgeschichte – нем.)

История понятий исходит из того, что исторический опыт и человеческая деятельность находят отражение в языке, терминах и концептах. «Понятия достигают определенного уровня конкретной обобщенности» и «наделены одновременно несколькими смыслами» (*Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1979*), примерами чего могут служить понятия «союз» или «история». Таким образом, история понятий заявляет о себе как о «специализированной методике критики источников, обращающей внимание на употребление основных понятий общественно-политического языка» (*Там же*) в документах изучаемой эпохи и на изменения в их употреблении.

Кроме того, историческое познание, используя язык в качестве сырья, зависит от осуществленной с его помощью формализации человеческого опыта. Таким образом, резюмирует Михаэль Вернер (см.: *Koselleck R. L'expérience de l'histoire. P., 1997*), понятия «обуславливают [...] одновременно и исторический опыт, и историческое познание». Козеллек полагает даже, что «в настоящее время любое обращение к объекту исследования, находящему-

ся в прошлом, содержит в себе историю понятий». История понятий, которую активно развивают немецкие историки, соединяет структуралистский подход с традицией немецкой филологии. В отличие от истории идей история понятий не отделяется от социальной истории, но, напротив, опирается на нее, хотя бы для того «чтобы осознавать всегда существующее непреодолимое расхождение между исчезнувшей реальностью и языковыми свидетельствами о ней» (*Там же*). Так, подчеркивает Козеллек (в кн. «*Vergangene Zukunft*»), чтобы изучать конфликт между реформаторами и юнкерами в Пруссии XIX в., следовало бы проанализировать их «семантическую битву» вокруг таких терминов, как «собственность» и «гражданин». Крупнейшим трудом, выполненным в духе истории понятий, является большая энциклопедия под редакцией Отто Бруннера, Вернера Конце и Райнхарта Козеллека «Основные исторические понятия. Историческая энциклопедия общественно-политического языка Германии» («*Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*». Stuttgart, 1972–1997), в которой имеются, в частности, статьи о таких понятиях, как «мир», «демократия» и «прогресс».

Источник

Источники представляют собой совокупность следов, оставленных субъектами прошлого и слу-

жащих основой для работы исследователя. Для историка любой документ или предмет – остатки пищи, топонимы, надписи, изображения, тексты и т. д. – могут стать источниками при условии правильной его критики. Историк работает, собирая *корпус* (совокупность) источников, в наибольшей мере соответствующий целям его исследования. Разумеется, время накладывает на них свой отпечаток (идет естественный износ носителей, например бумаги, или умышленное и неумышленное их уничтожение). Но умышленное уничтожение или, наоборот, сохранение – это социальные процессы, которые имеют смысл и не являются нейтральными (см.: *Morsel J. Les sources sont-elles «le pain de l'historien»?* // *Hypothèses*. 2003. N 1). Существуют различные типологии источников, подразделяющие их, в частности, на письменные и неписьменные или на остатки и традицию (*Überreste/Tradition*), т. е. на то, что дошло до нас «как есть», ничем не опосредованное, и нарративные источники, составленные с целью передать определенное свидетельство; примером последних могут служить средневековые хроники. Корпус источников сам по себе никогда не бывает хорошим или плохим; все зависит от вопросов, которые ему задают, от умелой его обработки и от способности объяснить его происхождение. Как писал Ален Коттро, «каждый оставшийся в архиве след есть исторический феномен; не бывает хороших или плохих источников, как не бывает

хороших или плохих исторических феноменов»
(Cottureau A. Justice et injustice ordinaire sur les lieux
de travail d'après les audiences prud'homales (1806–
1866) // Le Mouvement social. 1987. N 141).

♦ *Архивы, Внешняя критика, Внутренняя кри-
тика, Иконография/Изображение*

К

Компаративистика/ Сравнительная история

Сторонниками компаративистики как исследовательской практики в прошлом были такие выдающиеся историки и специалисты по общественным наукам, как Анри Пиренн, Марк Блок, Отто Хинце и Макс Вебер. В статье, опубликованной в «Журнале исторического синтеза» («Revue de synthèse historique») в 1928 г., Марк Блок писал: «Сравнительный метод способен на многое; его распространение и совершенствование представляется мне одной из самых насущных потребностей современных исторических исследований». Как правило, работы по сравнительной истории охватывали ограниченный круг тем и объектов (например, несколько стран). Сравнение позволяет обнаружить сходство и различие между одним и другим обществом, но при этом его цели и методы могут быть самыми разнообразными. Сравнение позволяет восполнить пробел в источниках в какой-либо области при помощи аналогии, лучше понять отдельно взятое общество, изучая его в сопоставлении с другими, или выявить общие модели развития (такие как государство всеобщего благоденствия). Компаративистскую программу обычно выдвигают, критикуя ограниченность национальной истории, но на практике ее

реализация ставит вопросы и вызывает дискуссии среди историков. Некоторым представляются опасными поиск общих закономерностей и перенос вопросов, касающихся одной конкретной области, на другую; высказываются сомнения и относительно возможностей типологического анализа. Местные источники и историографические традиции зачастую так сильно различаются, что сравнение заставляет всерьез задуматься над самим предметом исторического исследования (*Kott S., Nadau Th. Pour une pratique de l'histoire sociale comparative. La France et l'Allemagne contemporaines // Genèses. 1994. N 17*). Развитию сравнительной истории препятствует то, что исторические труды в большинстве своем ограничены национальными рамками. Кристоф Шарль во введении к сравнительной истории французского, английского и немецкого общества первой половины XX в., которые он определяет как «имперские общества», пишет: «Надо не сводить каждый национальный случай к общему знаменателю [...], а рассматривать в европейской перспективе заимствованные из общественных наук экспликативные схемы, которые с узконациональной точки зрения кажутся нам универсальными» (2001). Интерес к компаративистике возрос в 1960–1970-е гг. в связи с ослаблением позиций национально ориентированной истории и поворотом истории к диалогу с более компаративистскими по характеру дисциплинами, в частности с антропологией (Хартмут Кельбле).

В отличие от «кантональной истории» сравнительная история включает в сферу своих интересов политическую антропологию, формы доминирования, отношение к времени (см.: *Detienne M. Comparer l'incomparable*. P., 2000). В последние десять лет получил развитие также исторический анализ «культурных трансфертов» (Мишель Эспань и Михаэль Вернер). При том, что сравнению свойственна синхрония, исследование трансфертов изначально ведется в диахронической перспективе и имеет целью понять, каким образом идеи циркулируют во времени от одного общества к другому и связывают между собой более или менее чуждые друг другу культуры. Разрушая мифологию национального единообразия, такая история межнациональных культурных отношений способствует выявлению порожденных обменом заимствований, аккультураций, смешений и противодействий. Являясь разновидностью понимающей культурной истории, она уделяет особое внимание феноменам рецепции, апроприации и отклонений. В то же время термин «культурный трансферт» можно использовать, с точки зрения его авторов, не только в исследованиях происходящего на национальном уровне; его эвристические возможности проявляются и на региональном и локальном уровнях, а также при анализе взаимоотношений между разными научными дисциплинами и между художественными практиками. Биография тоже может дать ценный материал для изучения

трансфертов, примером чему служит недавно вышедшая превосходная биографическая работа Яна-Кристофа Хаушильда и Михаэля Вернера, посвященная Генриху Гейне – важнейшему культурному посреднику между Францией и Германией первой половины XIX в.

♦ *Глобальная история/Тотальная история, Всеобщая история/Всемирная история*

Конструктивизм

В небольшой работе, посвященной метаморфозам современной социологии (*Corcuff Ph. Les nouvelles sociologies. P., 1995*), Филипп Коркюфф удачно сформулировал суть конструктивистского подхода: «В конструктивистской перспективе социальные реалии рассматриваются как исторические конструкции, ежедневно создаваемые индивидуальными и коллективными субъектами». То есть конструктивизм предлагает рассматривать социальную реальность не как данность, а как исторический продукт непрерывного социокультурного конструирования и открывает возможности для рефлексии и постановки вопросов, представляющих интерес для всех современных общественных наук и обнаруживающих явное эпистемологическое родство между ними. Подобная смена эвристической перспективы позволяет опровергнуть и преодолеть классические антиномии, организованные на основе концептуальных пар индивид/общество,

субъект/объект, материальное/идеальное, реальность/вымысел, которые в результате их реификации превратились в препятствия для развития общественных наук.

Истоки этого подхода можно найти, в частности, в работах Норберта Элиаса, Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё, у которых историки научились осторожнее относиться к объекту своего исследования и рассматривать его (стыдливость, безумие, человек, сексуальность, мужественность и т. д.) не как естественный объект, существующий сам по себе, а как исторический продукт, выяснять его происхождение и фиксировать изменения его значений. Такой подход требует особого внимания к истории и имеет целью изучить процесс объективации, интериоризации и натурализации социальных феноменов. Недавно Анна-Мари Тьесс предложила рассмотреть под этим углом зрения национальный вопрос (*Thiesse A.-M. La création des identités nationales. Europe XVIIIe – XXe siècles. P., 1999*) и показала, что национальные идентичности в Европе представляют собой сравнительно недавние конструкции и появляются не раньше XVIII в. Она показала процесс формирования идентичности, заключающийся в определении своего национального достояния – что повсеместно происходит путем изобретения материального и символического наследия – и превращении его в предмет культа. Ведущая роль в распространении этого культа при-

надлежит школе, внушающей населению чувство общности.

◆ *Генеалогическая история, Представления/История представлений*

Контрфактическая история

«Часто повторяют, что история “не знает сослагательного наклонения”. Еще как знает!» – заметил Антуан Про. Контрфактический подход представляет собой попытку пройти те пути, по которым история не пошла, восстановить то, что не получило развития, и оценить его виртуальные последствия («что будет, если...»). Контрфактическая история дает возможность изучить причинные связи. В частности, специалисты по экономической истории размышляли, произвольно меняя данные, каким могло бы быть экономическое развитие, например, при отсутствии в США железных дорог. Джей Уинтер представил контрфактический расчет смертности в Великобритании, если бы не было Первой мировой войны. И у него получился удивительный результат: уровень смертности среди мужчин (если не принимать в расчет погибших на фронте) был бы выше, т. е. оказалось, что война способствовала улучшению условий жизни гражданского населения (см.: *Prost A., Winter J. Penser la Grande Guerre. P., 2004*). Найелл Фергюсон (*Ferguson N. The Pity of War. London, 1998*) попытался с помощью контрфактической истории по-

новому осмыслить Первую мировую войну и пришел к выводу, что если бы англичане не вступили в войну, то немцы бы выиграли...

◆ *Причинная связь*

Конъюнктура

В начале XX в. экономисты, описывая ситуацию в экономике и пытаясь предсказать, насколько это возможно, ее развитие, стали употреблять в своих трудах понятие «конъюнктура». Сопоставляя кривые, построенные на основании статистических данных, они устанавливали их совпадения и расхождения, благодаря чему постепенно удавалось выявлять некие общие закономерности. В межвоенный период это понятие освоили историки, а роль инициатора и посредника сыграл Франсуа Симиан. Новаторской для своего времени работой стал «Очерк движения цен и доходов» Эрнеста Лабрусса (*Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus. P., 1933*), проследившего эволюцию хлебных цен: в данном случае для описания конъюнктуры и выявления ритмов экономической жизни XVIII в. автор использовал только этот показатель. В более поздней его работе «Кризис французской экономики в конце Старого порядка и в начале Революции» (*Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. P., 1943*) использование понятия «конъюнктура» окончательно утвердилось и способствовало исто-

риографическому успеху лабруссовской модели. Работая на стыке экономической и социальной истории, Лабрусс выяснял на основе движения цен эволюцию доходов, составлявших экономическую основу общественных классов, контуры которых он стремился обрисовать. Его исследование выявило три типа движения цен со своими несовпадающими и даже противоречащими друг другу ритмами, которые характеризовали эволюцию экономической конъюнктуры XVIII в. и позволили увидеть Французскую революцию в новом свете.

В течение «тридцати славных лет» (1945–1975) интересы историков в области изучения конъюнктуры сместились, что свидетельствовало об историчности самого вопроса, с которым историк обращается к изучаемому материалу: в это время внимание исследователей переключилось с кризисных моментов на периоды экономического роста, отмеченные расцветом производительных сил. Вместе с тем в 1950–1960-е гг. влияние броделевской трехчастной концепции времени привело к сокращению числа исследований конъюнктуры. В построениях Ф. Броделя конъюнктуре было отведено промежуточное место между коротким временем событий и почти неподвижным временем большой длительности, представлявшим собой краеугольный камень всего здания. В ту эпоху, отмеченную структуралистским вызовом со стороны других общественных наук, большая длительность стала

соблазном, перед которым не смогло устоять целое поколение. Об этом свидетельствует, в частности, радикальный проект «неподвижной истории», выдвинутый Эмманюэлем Ле Руа Ладюри. На время движения конъюнктуры и социальные движения оказались полузабыты, несмотря на то что циклы конъюнктуры, наряду с событиями, приводят к изменению той структуры, внутри которой они совершаются.

◆ *Глобальная история, Структура, Структурализм, Цикл*

Критическая философия истории

Только в конце 1930-х гг. с появлением работы Раймона Арона «Критическая философия истории» («La philosophie critique de l'histoire») во Францию проникла долгое время остававшаяся там неизвестной немецкая традиция исторической мысли, представленная именами четырех философов и социологов: Вильгельма Дильтея (1833–1911), Генриха Риккерта (1865–1936), Георга Зиммеля (1858–1918) и Макса Вебера (1864–1920). Эта критическая философия истории возникла в противоположность традиционной философии истории гегельянского типа, в которой история рассматривалась как нечто целое, наделенное смыслом и доступными познанию закономерностями. В отличие от последней она не ставила перед собой цели обнаружить высший смысл исторического развития

и не претендовала на роль хранительницы провиденциальных тайн, но, наоборот, была направлена на критику исторического разума и на выявление специфики исторических наук путем изучения того, как делается и пишется история, и, в частности, той активной роли, которую играет историк в конструировании исторического знания. Разумеется, не следует считать эту традицию единой и однородной и преуменьшать особенности каждого из принадлежащих к ней мыслителей, но тем не менее надо признать, что всех их объединяет общность восприятия и горизонта: ответ на центральный вопрос об исторической истине они стремились дать, изучая саму логику и ход ее поиска.

В своей главной книге «Об историческом знании» («*De la connaissance historique*», 1954) французский историк Анри-Ирене Марру, усвоивший эту традицию, предпринял «размышление об истории, посвященное проблемам логического и гносеологического [относящегося к познанию] порядка, которые ставит движение мысли историка». Так, он намеревался выяснить «логическую структуру и правила», свойственные историческому знанию и ремеслу историка. Следуя за Дильтеем в его известном определении различия между объяснением и пониманием («Природу мы объясняем, духовную жизнь мы понимаем». См.: *Дильтей В.* Описательная психология, 1894), Марру, в противовес господствовавшему в то время сциентизму, стремился

подчеркнуть специфику гуманитарных наук. Если объясняющий подход следует из механистичной каузальной модели, свойственной наукам о природе, то в понимающей точке зрения выражается психологический подход, свойственный «наукам о духе». Отдавая предпочтение последнему, он призывал историков и вообще специалистов по гуманитарным наукам не поддаваться соблазну со стороны наук о природе и противостоять опасности быть ими поглощенными. Однако в настоящее время антагонизм между объяснением и пониманием несколько сгладился, и в практике исторических исследований возобладали более диалектические сочетания обоих типов интеллигибельности.

◆ *Гуманитарные науки/Общественные науки, Сциентизм, Эпистемология*

Культура/История культуры

Культура в узком смысле этого слова означает совокупность произведенной обществом интеллектуальной продукции – искусство, науку, идеи, литературу и т. д. В более широком и антропологическом смысле она, по словам Марселя Мосса, представляет собой «совокупность форм поведения, принятых в человеческих обществах». То есть она включает в себя поступки, верования, коллективные ритуалы, навыки, видение мира, способы любить, чувствовать, страдать, воспринимать время и пространство... Пытаясь объединить эти два толкования, Па-

скаль Ори определил культуру как «совокупность свойственных обществу коллективных представлений» (*Ory P. Qu'est-ce que l'histoire culturelle? // L'Histoire, la sociologie, l'anthropologie, Université de tous les savoirs. P., 2002*).

Однако весьма популярная в настоящее время культурная история свидетельствует о сохранении такого двойственного толкования и охватывает чрезвычайно широкие и разнообразные области исследования. Пожалуй, наиболее эвристическое деление предложил Мишель Требич, сгруппировав культурную историю в соответствии с тремя уровнями проблематики, каковыми являются социокультурная история представлений и практик (Роже Шартье, Ален Корбен), «вторая стадия» истории символического (Марсель Гоше, Пьер Нора) и культурная история политических явлений (Жан-Франсуа Сиринелли, Жан-Пьер Риу). Ввиду множественности и гетерогенности культурной истории нам представляется, что всякая попытка ее определить и ограничить ее поле остается, по сути, совершенно искусственной и, скорее, скрывает существующие противоречия, нежели помогает развивать и направлять культурологический подход применительно к истории. Как бы то ни было, этот подход способствует расширению исторической проблематики, группирующейся вокруг понятия «представления», и, возможно, становлению новой глобальной истории на основе изучения культуры.

♦ *Гендер, Историчность, Ментальность/История ментальностей, Представления, Чувства/История чувств*

Культурные трансферты

♦ *Компаративистика/Сравнительная история*

Культурология (Cultural studies)

Сравнительно малоизвестная во Франции, культурология (*cultural studies*) представляет собой плодотворное направление исследований, возникшее в Англии в 1960-е гг. и к настоящему времени получившее официальный статус. Это новый подход к исследованию взаимоотношений культуры и общества. Важнейшая инновация состоит в отказе от междисциплинарных барьеров и, соответственно, от узкой специализации, в соединении различных научных дисциплин и преломлении их сквозь культурологическую призму (ее можно назвать «антидисциплиной», см.: *Van Dam S. Comprendre les Cultural Studies... // Revue d'histoire moderne et contemporaine. BSHMC. Supp. 2004*). Культура, понимаемая в широком, антропологическом смысле как совокупность способов мыслить, чувствовать и жить, не сводится лишь к набору великих произведений так называемой «высокой» культуры и включает в себя сферы повседневного и обыденного. *Cultural studies* осуществили принципиальное смещение интереса в сторону всего того, что

составляет культуру социальных групп. При этом проблематика исследований была сильно политизированной: они преследовали цель «понять, как культура группы, и в первую очередь культура народных масс, формирует протест против социального порядка или, наоборот, принятие существующей власти» (*Mattelart A., Neveu E. Introduction aux Cultural studies. P., 2003*).

Первым крупным исследованием этого направления, несомненно, стала работа Ричарда Хоггарта (*Hoggart R. The Uses of Literacy: Aspects of Working Class Life. Chatto and Windus, 1957*), который захотел выяснить, как культура, распространяемая современными средствами коммуникации, воздействует на рабочий класс, и убедительно показал, что классовое сознание участвует в восприятии культурного меседжа и в значительной мере определяет процесс потребления культуры. Впоследствии, в 1960–1970-е гг., под влиянием Хоггарта появляются работы Центра современных культурных исследований (*Center for Contemporary Cultural Studies*) в Бирмингеме. Исследователи занимались преимущественно процессом конструирования коллективной идентичности общественного класса путем изучения представлений, которые складываются у общественного класса о самом себе и передаются другим группам. основополагающей работой стал труд Эдварда Томпсона «Формирование английского рабочего класса» (*Thompson E. P. The Making*

of the English Working Class. London, 1963); эта книга, в которой внимание уделялось преимущественно опыту субъектов, открывала путь к обновленной социальной истории. Исследователи Центра проявили необычное в то время новаторство, обратившись к изучению молодежных субкультур, например движений байкеров, хиппи и панков.

Но все же эта область исследований оставалась пока маргинальной. Подлинный и несомненный успех ее пришелся на 1980-е гг., отмеченные политическими, экономическими и социальными потрясениями периода правления М. Тэтчер. Но, как замечают А. Маттлар и Э. Невё, этот расцвет сопровождался рядом существенных эпистемологических и интерпретационных сдвигов, в частности возникшими сомнениями в примате классового подхода и переоценкой значения генерационных, гендерных и этнических различий. В это время популярностью в среде культурологов пользовалась книга Мишеля де Серто «Изобретение повседневности» (*Certeau M. de. L'invention du quotidien. Arts de faire. P., 1980*), которая показала, что в каждом потребительском акте есть творческая сторона, что потребители обладают критическими способностями и могут как усваивать предлагаемые культурные модели, так и ежедневно оказывать сопротивление воздействию со стороны массмедиа.

Кроме того, в 1980-е гг. это направление исследований выходит за границы Великобритании

и становится международным. Особое развитие оно получает в США, где появляется большое количество публикаций, создаются многочисленные исследовательские центры и объекты изучения становятся все более разнообразными. Занимаясь преимущественно исследованием маргинальных культур, защитой всех меньшинств и социально угнетаемых категорий населения, представители *cultural studies* выявляли формы господства в США мужской, буржуазной, гетеросексуальной модели WASP (Белый/Англо-Сакс/Протестант). В то же время их активная гражданская позиция подчас противоречила заявленному стремлению к беспристрастности и создавала впечатление, что *cultural studies* стали прибежищем разного рода коммунарства. Расширение аудитории породило новые проблемы и споры (см.: *Van Damm S. Op. cit.*).

В настоящее время *cultural studies* переживают кризис: парадигма утратила прежнюю цельность и разделение исследовательского поля привело к образованию научных сообществ, не желающих знать друг о друге. Одним из симптомов кризиса является возникшее у некоторых исследователей нежелание причислять себя к этой дисциплине и вставать под ее знамя.

◆ *Изучение подчиненных групп (Subaltern Studies), Культура/История культуры, Парадигма научная, Постмодернизм*

Лингвистический поворот (Linguistic turn)

Термин указывает на разрыв с традиционной социальной историей, произошедший в американской историографии в 1970-е гг. Заявившие о нем критически настроенные историки под влиянием литературной критики и французских философов-деконструктивистов (Барт, Деррида, Фуко, Делёз) заинтересовались текстуальными, нарративными и синтаксическими процедурами, с помощью которых историческая наука выражает свой режим истины. Внимание историков, как полагают эти исследователи, обязательно должно быть обращено на «текстуальность», дискурс и формы историописания. В противовес любому взгляду на историю как номологическую науку, пытающуюся найти исторические законы, они рассматривают историческое повествование как особую область знания и считают, что историк может добраться до социальной реальности лишь через изучение дискурса о социальном, т. е. через дискурсивные представления, так как всякая реальность является прежде всего языковой и текстуальной. Для самых радикальных из них, таких как Хейден Уайт (*White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe. Baltimore, 1973*), история есть лишь один из литературных жанров, который обладает ре-

жимом истины не выше, чем у романа, и который обязательно должен быть подвергнут текстуальной критике, обновленной под воздействием структурной лингвистики и психоанализа. Для Уайта не существует никакой принципиальной разницы между историческим и беллетристическим сочинением. Восприятие этих дискуссий во Франции, произошедшее благодаря Жерару Нуарьелю и Роже Шартье, было долгим и трудным. Лингвистический поворот, потрясший такие основы исторического знания, как истина, объективность и соотношение между «реальностью» и «представлениями», по-прежнему вызывает оживленную полемику среди историков.

◆ *Постмодернизм*

Масштаб

Принятое в оптике, картографии и архитектуре понятие масштаба связано с идеей порядка величин. В географии масштаб постоянно используется как инструмент наблюдения, имеющий эвристическую ценность; что же касается историков, то они сравнительно поздно овладели искусством применять различные масштабы анализа в своих исследованиях. Дело в том, что модели исторического познания, получившие развитие во Франции под влиянием школы «Анналов», были связаны с макроисторическим подходом. Стремление к тотальной истории, интерес к массовым явлениям, предпочтение, отдаваемое большой длительности, и забота о репрезентативности благоприятствовали макросоциальному подходу, который фактически спонтанно преобладал в исторических исследованиях на протяжении десятилетий.

Только с наступлением кризиса французской модели социальной истории в начале 1980-х гг. и появлением в других странах альтернативных проектов, таких как итальянская микроистория, вопрос о масштабе по-настоящему выступил на историографическую авансцену. По словам Жака Ревеля, «появление микроистории было симптомом этого кризиса доверия, и в то же время имен-

но она, в первую очередь, сумела его определить и описать» (*Revel J. Jeux d'échelles. La micro-analyse à l'expérience. P., 1996*). Работы таких историков, как Карло Гинзбург и Джованни Леви, доказали правомерность исследований на микроисторическом уровне, продемонстрировав, что изучение судьбы индивида или истории небольшой общины позволяет по-иному увидеть устройство социума. Как писал Поль Рикёр, «история тоже может работать как лупа, микроскоп или телескоп» (*Ricoeur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli. P., 2000*). Применение историком другого масштаба меняет содержание анализа, позволяя увидеть взаимоотношения, незаметные при макроисторическом масштабе, и добиться, таким образом, несомненных познавательных результатов: «При изменении фокусного расстояния объектива не только увеличиваются (или уменьшаются) размеры предметов в видоискателе, но и меняются их форма и расположение» (*Revel J. Ibid.*). Иными словами, наблюдаемая социальная реальность меняется в зависимости от масштаба наблюдения.

Микроистория убедительно продемонстрировала плодотворность смены масштаба исторического исследования, позволяющей реконструировать сложные объекты и отражать «слоистую структуру социального» (Ж. Ревель). За микроисторией стоит также желание принимать субъекта всерьез и максимально приблизить к себе его индивидуальный

опыт, пристально изучая малейшие детали и обстоятельства этого опыта, на основании которых можно воссоздать социальные логики и символические системы, свойственные группе в целом. В конечном счете, признавая равные эпистемологические возможности любых масштабов анализа, историк обретает гибкость и свободу, потому что выбор масштаба зависит теперь только от самого исследователя. В условиях сосуществования различных масштабов исследования остается нерешенным вопрос: стремимся ли мы все еще к историческому синтезу, подразумевающему переход от микроистории к макроистории, или от этой цели надо окончательно отказаться.

♦ *Глобальная история/Тотальная история, Микроистория*

Мемуарист

Мемуарист – это писатель, рассматривающий свое произведение как свидетельство о времени, в которое он живет. Одним из самых знаменитых мемуаристов был герцог де Сен-Симон, оставивший воспоминания об эпохе Людовика XIV.

Ментальность/История ментальностей

Понятие «ментальность», заимствованное у этнолога Люсьена Леви-Брюля Марком Блоком и Люсьеном Февром, а затем, в 1930-е гг., – Жоржем Лефевром, в том виде, в каком его употребляли исто-

рики, не поддается точному определению, и многочисленные его истолкования требуют отдельного изучения. Желая подчеркнуть сопротивление этого понятия строгому определению, Альфонс Дюпрон сказал, что оно вызывает «головокружение от избытия». Историей ментальностей занимались, не осмысливая ее теоретически. По сути, начало ей положили некоторые работы основателей «Анналов», но настоящий расцвет ее наступил в 1960–1970-е гг., когда историки Филипп Арьес, Робер Мандру, Жорж Дюби, Мишель Вовель и Жак Ле Гофф сделали ее ведущим направлением французской историографии. Их работы по истории ментальностей способствовали небывалому успеху школы «Анналов» как у широкой французской публики, так и за рубежом.

Обращение к истории такого типа повлекло за собой значительное расширение территории историка за счет появления новых, ранее не изучавшихся объектов, таких как страх, смерть, тело, стыд, сексуальность, родственные отношения, бессознательное, верования и коллективные ритуалы и т. д. История ментальностей с самого начала отдавала предпочтение бессознательным, безличным и автоматическим механизмам социальных практик, не обращая внимания на их осознанную и интенциональную составляющую. Предпочитая изучать не индивидов, а коллективные феномены, она в противовес традиционной истории идей уделяла внима-

ние преимущественно не ярким интеллектуальным явлениям, а коллективной психологии, пристально исследуя ментальные привычки, коллективное бессознательное и спонтанную речь. По словам Робера Мандру, ее целью было «воссоздание поведения, выражений и умолчаний, способных передать коллективные чувства и видение мира».

Между тем, хотя история ментальностей, вне всякого сомнения, привела к появлению новаторской и творческой культурной истории, она зачастую довольствовалась использованием проблематики и методов, обеспечивших успех социально-экономической истории в 1950-е гг.: отсюда в историю ментальностей перешли серии, выбор массовых источников, позволяющих делать подсчеты, преимущественное внимание к процессам большой длительности, дихотомия народной и ученой культуры, отождествление культурных различий и социальных границ... В сознании историков ментальностей жила идея истории «третьего уровня», изучающей соответствия между «ментальным», социальным и экономическим. Так что современный отказ от понятия ментальности, к которому призывал Джеффри Ллойд (*Lloyd G. Pour en finir avec les mentalités*. Р., 1993), связан, с одной стороны, с его слишком неопределенным значением, а с другой – с использованием методов, которые в настоящее время выглядят сомнительными. Это понятие было слишком глобальным, оно допускало чрез-

мерные и упрощенные обобщения, позволяя историкам говорить о ментальности общества в целом. А серийные и количественные методы истории ментальностей, ее преимущественный интерес к времени большой длительности приводили к тому, что эта история не уделяла внимания индивидуальным вариациям и особенностям, сложным процессам конструирования смысла, пространственным вариациям и пересечению темпоральностей.

В настоящее время развитие истории представлений (Роже Шартье, Ален Корбен, Пьер Лабори, Доминик Калифа и др.) означает одновременно как восприятие наследия истории ментальностей, так и установление по отношению к ней критической дистанции путем расширения корпуса изучаемых источников и применения методов качественного анализа, более подходящих для данных исторических объектов.

♦ *Историческая антропология, Культура/История культуры, Представления/История представлений, Психоистория*

Микроистория

По словам французского приверженца микроистории Жака Ревеля, «история какого-то места, если ее рассматривать на низовом уровне, вероятно, будет отличаться от истории других мест». Микроистория возникла в Италии, ее лидерами стали Карло Гинзбург (*Ginzburg C. Il formaggio e i vermi. Il*

cosmo di un mugnaio del Cinquecento. Torino, 1976; русск. перев.: *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000) и Джованни Леви (*Levi G.* L'eredità immateriale: Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento. Torino, 1985); представителям этого историографического течения свойственна рефлексия по поводу масштабов исследования. В противовес традиционной социальной истории, т. е. количественным подходам и региональным монографиям, они задались вопросом, не дает ли малое больше пищи для размышлений, чем большое, деталь – больше, чем целое, а локальное – больше, чем глобальное. Они стали отдавать предпочтение изучению не больших социальных структур, масс или классов, а индивидуального жизненного опыта, жизненных путей и стратегий отдельных субъектов. И это укрупнение масштаба исторического исследования, разглядывание «под лупой» судьбы человека или небольшой общины принесли значительные плоды, позволив увидеть социо-культурные практики прошедшей эпохи иначе, чем это делали прежде авторы канонических макроисторических работ.

Преимуществом такого квалитативного и экспериментального подхода, отдающего предпочтение интенсивному изучению небольших объектов, является открытие новых эвристических перспектив в области конструирования социального. Но остается главная апория исторической дисципли-

ны: если с эпистемологической точки зрения оба уровня анализа одинаково легитимны, то каким образом затем соединить между собой работы, выполненные в микроисторическом и макроисторическом масштабе?

◆ *История повседневности, Масштаб*

Миф/Мифология

Не существует одного-единственного определения мифа, так как мифами по-своему занимаются и этнологи, и специалисты по истории религии, а также психоаналитики. Если, с точки зрения последних, в мифах выходят наружу глубинные конфликты психики, то выдающийся исследователь религиозных верований Мирча Элиаде считал, что «миф рассказывает священную историю, т. е. повествует о главном событии, случившемся в начале Времени, *ab initio*» и наделяющем смыслом мироздание и человеческое существование. Клод Леви-Стросс видел в мифах аллегорические повествования, призванные объяснить людям, принадлежащим к некой группе, происхождение установленных порядков; он обнаруживал в мифах образ мыслей, свойственный всем людям и связанный со «структурными законами мышления». Мифологией же называют цельную и упорядоченную совокупность мифов, принадлежащих определенной культуре.

Многие историки начали заниматься анализом мифов в разгар повального увлечения структу-

рализмом. Примерами могут служить работы по исторической антропологии Древней Греции Жан-Пьера Вернана и Пьера Видаль-Наке (см., напр., *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. Mythe et tragédie en Grèce ancienne*. P., 1972) или содержательная, новаторская диссертация Альфонса Дюпрона, посвященная многовековой истории бытования на Западе мифа о крестовых походах (она была опубликована только в 1997 г., см.: *Dupront A. Le Mythe de la Croisade*. P., 1997). В дальнейшем интерес историков к мифу и его месту в коллективном воображаемом постоянно нарастал, ставились новые вопросы (*Veyne P. Les Grecs ont-ils cru à leurs mythes?* P., 1983), а хронологические рамки исследований расширялись вплоть до современности (*Girardet R. Mythes et mythologies politiques*. P., 1990).

♦ *Историческая антропология, Культура/История культуры, Ментальность/История ментальностей, Этнология*

Модерность/Модернизация

Пришедшее из социологии понятие «модерности» подразумевает процесс распада различных форм организации традиционного общества при зарождении индустриального общества. Религия, традиции, сельская община, корпорации, ремесло, местные нотабли исчезают, уступая дорогу дехристианизации и «расколдованному миру», рациональному поведению, росту индивидуализма, ур-

банизации, индустриализации, разделению труда и разделению общества. Однако, значение, в котором это понятие употребляют историки, остается весьма расплывчатым и в настоящее время подвергается переосмыслению (Кристоф Шарль).

◆ *Постмодернизм*

Монография

Монографией называют углубленное исследование четко обозначенной темы. Для историка выбор монографического жанра предопределен тем, что подбор и анализ отдельных частных случаев, совпадающих или нет во времени, в зависимости от области исследований, рассматриваются как средства формирования целостного взгляда на изучаемую проблему: так, каждая региональная монография по истории классического Средневековья (Каталонии, Маконне, Вандомуа и т. д.) вносит свой вклад в понимание феодальной системы и сеньориального господства. Всякая монография предполагает выбор географических, тематических и хронологических рамок и подходящего масштаба исследования в соответствии с поставленными вопросами. Предметы монографического исследования могут быть самыми разными (профессиональная группа, культурная практика, литературный жанр и т. д.), но при этом у историков оно долгое время обычно ограничивалось региональными рамками. По мнению Люсьена Февра, регион является «естественным» кадром,

соответствующим возможностям индивидуального исследователя, и фактором поступательного развития научной дисциплины. В то время регион занимал центральное место и в трудах по географии школы Видаль де ла Блаша, тогда как представители дюркгеймовской социологии критиковали региональные монографии за узкие рамки и отсутствие сравнительного подхода, считая, что в силу этих причин они по определению «не в состоянии что-либо доказать» и не могут дать общие знания (Франсуа Симиан). В 1950-е гг. и позже региональная монография утвердилась в качестве «ведущего жанра» докторских диссертаций по истории, примером может служить диссертация Пьера Губера о Бовези: «Подход в общих чертах один и тот же, внимание обращено на большие группы, на время большой длительности (целый век и более того), на описание самых основных демографических, экономических и социальных структур» (*Chartier R. Au bord de la falaise. P., 1998*). В настоящее время монография, представление о которой изменилось вслед за расширением территории историка, остается основным типом труда по истории, но регион, несмотря на его выросшую политическую значимость, уже перестал быть преобладающим кадром исследований (*Ibidem*).

◆ *Глобальная история, Масштаб*

Н

Негационизм

Негационизмом называют течение (его отцами-основателями являются Морис Бардеш, Поль Рassinье и Робер Фориссон), приверженцы которого с сомнительной идеологической целью – оправдать возврат к антисемитизму – отрицают существование газовых камер и сам факт геноцида евреев во время Второй мировой войны или преуменьшают его масштабы. Негационистское течение существует в разных странах и объединяет как крайне правых, так и антиколониалистски и антисемитски настроенных ультралевых. Негационисты внешне следуют историческому методу, т. е. изучают документы, рассматривая их гиперкритически (подвергая сомнению), выборочно и искаженно. Они отвергают противоречащие их точке зрения показания свидетелей. Как пишет Жорж Бенсуссан, «их выводы предшествуют анализу».

Новая историческая наука

Появление этого выражения связано с периодом в развитии историографии, который начался в конце 1960-х гг. и был отмечен большим успехом истории у широкой публики. В это время, когда наступил определенный упадок структурализма и обновленных гуманитарных наук, историки

усвоили их понятия и подходы, начали ставить их проблемы применительно к истории и ввели в ее эпистемологическое поле новые объекты. В некотором роде манифестом «новой исторической науки» являются опубликованные в 1974 г. три тома «Faire de l'histoire» («Делать историю») под редакцией Жака Ле Гоффа и Пьера Нора. Это издание свидетельствовало о том, что территория историка расширилась, а его взгляд стал в большей мере антропологическим. Развитие исторической антропологии, истории ментальностей и серийной истории привело к появлению таких крупных фигур историографии, как Жорж Дюби, Эмманюэль Ле Руа Ладюри, Пьер Шоню и многие другие. Как правило, за определением «новая историческая наука» в действительности стоит принадлежность этих историков к третьему поколению школы «Анналов», продолжающему и обогащающему ее традиции. Между тем некоторые историки, например Франсуа Досс в книге «L'Histoire en miettes» («История в осколках»), критикуют «новую историческую науку» за отклонение от парадигмы «Анналов» и переход от «Истории (с большой буквы) к историям» (Пьер Нора), т. е. за дробление дисциплины и отказ от стремления к синтезу. В настоящее время выражение «новая историческая наука» употребляется в историческом дискурсе очень часто и теряет смысл, так как научная и институциональная логика поведения в дисциплинарном поле постоянно за-

ставляет многих историков делать выбор в пользу стратегии историографического и эпистемологического разрыва, чтобы выделиться и стать интеллектуально более заметными в своем профессиональном сообществе.

♦ *Историческая антропология, Ментальность/История ментальностей, Серийная история*

Новейшая история

♦ *Новейшее время/История новейшего времени*

Новейшее время/

История новейшего времени

Новейшее время – это самый близкий к нам исторический период. Разные авторы могут по-своему определять его исходную точку: 1917, 1939 г. и т. д. Некоторые рассматривают потрясения 1990-х гг., крах восточноевропейских режимов и конец биполярного мира как конечный рубеж, требующий пересмотреть это определение. Критерием, отличающим историю новейшего времени, можно считать присутствие все еще живых субъектов, действовавших в этот период. К такому хронологическому определению добавляется тематическое. История новейшего времени, с этой точки зрения, представляет собой особую область истории со своими правилами и методами, отличающуюся сильным влиянием, которое на нее оказывает память (*Roussio H. La hantise du passé. P., 1998*). Кристиан Делакура харак-

теризует ее как «активное вмешательство историка в практикующееся различными социальными силами в своих интересах манипулирование прошлым, которое еще не вполне стало историей, и еще не остывшей памятью» (*Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France, XIXe – XXe siècle. P., 1999*). Среди историков принято употреблять название «история новейшего времени», хотя наряду с ним используется и термин «непрошедшая история», несущий на себе отпечаток журнализма (аргументы Жана-Франсуа Суле в пользу последнего термина см.: *Soulet J.-F. L'histoire immédiate. P., 1994*). Пьер Лабори отдает предпочтение определению «современная история», так как идея современности представляется ему «более открытой различным толкованиям, чем идея новейшего времени, и в большей мере способной отражать прерывистость времени». По мнению автора, эта история должна быть особенно чуткой к различным «темпоральностям» и «критериям современности» [*Laborie P. Les Français des années troubles. P., 2004 (2001)*].

Новейшей историей в широком смысле этого слова занимались всегда. Древнегреческие историки писали о событиях, современниками которых были они сами, а позднее, например в период между двумя мировыми войнами, историки Пьер Ренувен или Жюль Изаак исследовали причины Первой мировой войны – острейший для того вре-

мени вопрос, значение которого выходило далеко за пределы научной сферы. Между тем в 1970-е гг. понятие «история новейшего времени» обрело более точный смысл и стало обозначать направление исследований, проводимых под руководством созданного в 1978 г. Института истории новейшего времени (Institut d'histoire du temps présent). Этот расцвет истории, в которой заметное место занимает живая память, был связан, как подчеркивал первый директор института Франсуа Бедарида, со специфическим контекстом: его характеризовали конец экономического роста, развенчание идеологии прогресса, культурная эволюция, символом которой стал май 68 года, «всеобщие поиски идентичности», вновь возникший интерес к понятиям «событие» и «субъект» и т. д. (см.: *Delacroix Ch. Demande sociale et histoire du temps présent: une normalisation épistémologique? // La concurrence des passés. Usages politiques du passé dans la France contemporaine / M. Crivello, P. Garcia, N. Offenstadt éd. P., 2005*). Сразу же встал вопрос о легитимности этой области исследований, которая казалась очень злободневной и не располагала ни привычной для историка временной дистанцией, ни обычными архивными источниками. Историки новейшего времени постепенно выработали свою систему контраргументов и оправдательный дискурс, в котором подчеркивается, в частности, редкая возможность использовать устные свидетельства и осу-

ществлять контроль над свидетелями. Они отмечают также изобилие документов для изучения недавнего прошлого. Исследователи, работающие в этой области, создали большое количество крупных трудов, посвященных, например, Второй мировой войне и памяти о ней, и внесли значительный вклад в эпистемологические споры об исторической дисциплине в целом (Франсуа Доссе считает, что история новейшего времени самым своим положением нацелена преимущественно на «поиски смысла»; см.: *Dosse F. L'Empire du sens*. P., 1995). Между тем вопрос о связи с социально-политическим заказом и давлением все еще остается открытым. Историки новейшего времени, по-видимому, то и дело сталкиваются с противоречием между желанием удержаться на дистанции от социального заказа и ролью экспертов, в которой им зачастую приходится выступать (например, в созданной католической Церковью комиссии по делу шефа лионской милиции в годы Второй мировой войны Поля Тувье, осужденного в 1994 г. за преступления против человечности). Таким образом, как подчеркивает Жерар Нуарьель (*Noiriel G. Les origines républicaines de Vichy*. P., 1999), некоторые историки новейшего времени могут отстаивать сциентистскую позицию, ратуя за «объективность» и отбрасывая груз памяти, и одновременно участвовать в экспертных комиссиях, в которые историки зачастую входят наряду с представителями правящих кругов, и даже

давать прогнозы (*Ibidem*). Кроме того, часто историки новейшего времени изучают вопросы, живо интересующие их современников, и говорят на одном языке с «агентами памяти» (Ж. Нуарьель). А это заставляет их избегать социологических подходов к поставленным вопросам и отдавать предпочтение политической и культурной истории. Некоторые исследователи предлагают способы обходить все эти подводные камни. Так, провозгласив «другую новейшую историю», Жерар Нуарьель призывает отказаться от классической политической истории, от «взгляда сверху», от дискурса «выразителей» чьих-то взглядов и от изначально заданных неэвристичных категорий, таких как «французы» или «общественное мнение», и соединить историю новейшего времени с обновленной социальной историей, изучающей связи между индивидом и обществом. Пьер Лабори настаивает на том, что политическая история должна больше обращать внимание на мир представлений, на «ментально-эмоциональные» аспекты, в частности, «исследуя, каким образом социальные субъекты осуществляли свое присутствие в мире», «избегая ложных сближений и не допуская ретроспективных реконструкций или искусственных построений из произвольно соединенных категорий».

◆ *Объективность, Память, Представления/История представлений, Устная история (и ее источники)*

Номинализм

Этот термин относится к оживленно обсуждавшейся в Средние века доктрине, согласно которой сущности, или общие идеи, представляют собой лишь условные знаки, слова, а не реальные существа или вещи. В конце XI – XII в. в средневековых университетах среди схоластов разгорелся бурный спор, известный под названием «спора об универсалиях». Универсалии – это универсальные, родовые понятия, сущности (например, *человек*), в отличие от единичных вещей. По сути, проблема заключается в том, чтобы понять, как эти общие идеи соотносятся с реальностью. Они предшествуют вещам, которые являются их следствием, или же они существуют лишь в языке? Сторонники реальности универсалий, например Гийом де Шампо (1070–1121), считали, что только универсалии существуют сами по себе, тогда как единичные вещи – всего лишь формы, подчиненные общей для них сущности. Номиналисты же отвергали эту концепцию в духе платонизма, приписывавшую универсалиям имманентное априорное существование, и полагали, что они представляют собой условные порождения рассудка и языка, а существуют только единичные, конкретные индивиды. Приверженность этой доктрине сохраняли несколько выдающихся средневековых мыслителей, например Пьер Абеляр (1079–1142), чья концепция близка к номинализму, а позднее – Вильгельм

Оккам (ок. 1285–1348), в трудах которого номинализм получил дальнейшее развитие.

В широком смысле научный номинализм в настоящее время является теорией познания, согласно которой научные законы и теории представляют собой не реальные и объективные знания о вещах, а умственные конструкции, имеющие чисто инструментальную ценность. В сфере общественных наук эссенциализм долгое время сохранялся, подчас не вполне осознанно. Однако творчество Мишеля Фуко в интерпретации Поля Вена можно рассматривать как номиналистскую критику истории. Он непрестанно стремился показать, что слова вводят нас в заблуждение, что наши мыслительные категории заставляют нас верить в естественный характер вещей, тогда как все исторично. Одной из несомненных больших заслуг Фуко перед историками является следующее: он показал им, что они слишком часто принимают слова за вещи и что изучаемые ими объекты (безумие, преступность, сексуальность и т. д.) оказываются вырванными из исторического контекста, в который их надо поместить и исследовать их зарождение и конструирование. Норберт Элиас, который принципиально противостоял любому эссенциализму и метафизике субстанций, также был в полной мере мыслителем-номиналистом, рассматривавшим понятия как ментальные конструкции. В конечном счете влияние номинализма на историческую науку осуществилось именно

благодаря успеху релятивистских, антиметафизических, конструктивистских идей Мишеля Фуко, Норберта Элиаса, а также Пьера Бурдьё. В настоящее время определенное влияние лингвистического поворота и нарративистских постулатов можно рассматривать как усиление позиций номинализма в исторической науке.

◆ *Лингвистический поворот (Linguistic turn)*

Нумизматика

Нумизматика – это наука о монетах, которая развивалась с XVI в. и обрела более систематическую форму в XVIII в. (во многом благодаря австрийскому ученому Йозефу Хилариусу Экхелю). Опираясь на целый ряд институтов (журналы, конгрессы и др.), нумизматы работают над составлением каталогов и сводов; они используют как методы точных наук (анализ металлов и сплавов), так и классические исторические источники. Изучение монет дает ценную информацию во многих областях исторической науки: экономической (например, о торговых путях), политической (монеты можно рассматривать как зеркало власти) или культурной истории (как источник по истории символики).

◆ *Вспомогательные исторические дисциплины*

О

Объективность

Вызывавший споры со времен Античности вопрос об объективности того, кто пишет историю, утратил свою остроту. В то время как такие отцы-основатели современной исторической науки, как Леопольд Ранке или французские историки-позитивисты отстаивали объективную точку зрения, сейчас признано, что историк не может описывать общество и события в точности такими, какими они были. Сокрушительные удары с самых разных сторон, особенно лингвистический поворот и постмодернизм заставили подвергнуть сомнению представление о единственной и в целом познаваемой объективной реальности. Сохранившаяся документация неполна и никогда не исчерпывает реальности. Изменение фокусного расстояния, новый подход к известным источникам или открытие новых документов заставляют пересмотреть прежние выводы. Кроме того, после появления работ П. Бурдьё и его последователей историк уже не может считать себя объективным и холодным наблюдателем, способным смотреть на прошлое строго научным взглядом и воссоздавать его во всей подлинности. В действительности на него влияет окружающее общество, и его анализ зависит от контекста, т. е. от времени написания работы и от личной ангажированности историка. Как заметил Мишель де

Серто (*Certeau M. de. L'écriture de l'histoire. P., 1975*), следует всегда соотносить исторический дискурс с местом и институциями, которые его порождают и делают возможным, но в то же время постоянно его ограничивают и накладывают на него несмысленный отпечаток. Поль Вен отмечает еще, что «граница исторической объективности [...] соответствует многообразию опыта», так как опыт историка помогает восполнить лакуны и нехватку документов, увязать друг с другом имеющиеся данные. В общем, по словам Антуана Про, «историк устанавливает со своим объектом тесную связь, в ходе которой постепенно проявляется его собственная идентичность». Наконец, Поль Рикёр напоминает, что ограничение исторической объективности заложено «внутри историографической операции в виде корреляции между стремлением к истине и интерпретационной составляющей самой операции. Речь идет не просто о субъективном участии историка в формировании исторической объективности, но о последовательности выборов, которыми отмечены все фазы операции, от архивной работы до исторической репрезентации» (*Ricoeur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli. P., 2000*).

Невозможность быть строго объективным – так как сам историк находится в специфическом и по определению меняющемся контексте – не означает отказа от беспристрастности и стремления к истине. От исследователя, таким образом, требуется не столько объективность, сколько дистанцирование и беспристрастность, подразумевающие, что он должен за-

глушить свои личные мнения и пристрастия, оставить в стороне оценочные суждения и избегать использования истории для обслуживания чьих-либо целей. В этом смысле история не трибунал; историку следует не судить людей прошлого, но пытаться их понять.

♦ *Лингвистический поворот (Linguistic turn),
Оценочное суждение, Постмодернизм*

Оценочное суждение

Считается, как правило, что историк не должен судить и оценивать предмет своего исследования. И действительно, не следует смешивать мораль и историю. Историку ничего не дает позитивная или негативная оценка мотивов и поступков изучаемых им субъектов. Если, несмотря ни на что, подобные суждения все же появляются, они выглядят комичными, тем более что высказывать их очень легко ввиду временной дистанции. Более того, давая свою оценку, историку легко впасть в анахронизм, так как ценности сами по себе историчны. Вместе с тем историк и его труд неизбежно существуют во времени и более или менее явно зависят от его социального положения и личных взглядов. Некоторые историки считают нужным, чтобы ввести читателя в курс дела, рассказать о себе во введении и ясно обозначить свое отношение к объекту исследования, но тем самым не освобождая себя от стремления к объективности.

♦ *Анахронизм, Деонтология, Объективность, Релятивизм*

П

Палеография

Это наука о дешифровке и чтении старинных почерков, основы которой заложил мавристанец Ж. Мабильон (1632–1707). В силу специфики почерков Средневековья и раннего Нового времени требуются определенные навыки, чтобы правильно их читать и понимать условные знаки и аббревиатуры. Палеография также изучает хронологию и историю почерков, что помогает при датировке документов.

♦ *Диплом/Дипломатика*

Память

Зачастую противопоставляют память и историю. Память в этом смысле рассматривается как субъективно искаженное и зависящее от взглядов ее носителей присутствие прошлого в том или ином виде в обществе, в представлениях социальных групп и индивидов. История, напротив, представляет собой развитие событий, описанное историками в соответствии с научными критериями. Характеризуя память социальных групп, Жерар Нуарьель пишет: «Хотя их память чаще передает более глубокую и насыщенную (потому что более жизненную) правду, чем правда историка, она в то же время обычно является выборочной, неполной и пристрастной». Но это различие проблематично,

так как сам историк по отношению к памяти небеспристрастен, являясь или сам заинтересованным лицом, или свидетелем, симпатизирующим какой-либо из сторон.

Конечно, следует различать виды памяти. Индивидуальная память выходит далеко за рамки истории и относится к области неврологии, тогда как групповая память, т. е. конструирование групповой идентичности на основе обычаев и воспоминаний прошлого, все чаще и чаще становится полем исторических исследований. Социолог Морис Хальбвакс (1877–1945) посвятил часть своей работы изучению «коллективной памяти», подчеркивая социальный характер индивидуальной памяти и воспоминаний и их связь с настоящими интересами и целями.

Следы событий и память о них стали в настоящее время самостоятельным предметом исторических исследований. Примером может служить изучение того, как на протяжении почти ста лет, вплоть до наших дней жила память о солдатах, расстрелянных в 1914–1918 гг.; исследовались различные проявления этой памяти (правовые документы, художественная литература, памятные годовщины и др.), ее интенсивность и цели, которые преследовало обращение к прошлому (это могла быть защита ветеранами своих боевых товарищей, критика милитаризма со стороны левых, забота о «жертвах» истории и т. д.). Выяснилось, что образ расстре-

лянного сохранялся в памяти постоянно со времен Первой мировой войны, видоизменяясь при этом в разных социальных группах и в зависимости от исторической обстановки [*Offenstadt N. Les Fusillés de la Grande Guerre et la mémoire collective. P., 2002 (1999)*]. В современных западных обществах, где горизонт ожидания затуманен и организующее влияние коллективных политических проектов ослабло, значение памяти настолько возросло, что, по мнению ряда авторов, появилась новая болезнь – «коммеморит» (так Франсуа Досс назвал страсть к увековечиванию памяти всего и вся). Пьер Нора, объединив усилия сотни историков в крупном коллективном труде (*Les Lieux de mémoire. P., 1984–1992*), попытался собрать и описать французские «места памяти» в широком и символическом смысле этого слова (речь шла о памятниках; исторических деятелях национального масштаба, таких как историк Лависс или Жанна д'Арк; классических литературных произведениях, например «Путешествие двух детей по Франции», и т. д.). Недавно появилось подобное немецкое издание (*Deutsche Erinnerungsorte. München, 2001*). Издание под редакцией Пьера Нора критиковали за телеологический характер, иначе говоря, за содержащуюся в нем более или менее явную поддержку некоего национального мифа (*Englund S. De l'usage de la Nation par les historiens, et réciproquement; L'histoire des âges récents. «Les France» de P. Nora //*

Politix. 1994. N 26). И в самом деле, распространенное понятие «долг памяти» не может не вызывать сомнений, так как содержит в себе идею однозначного прочтения прошлого, близкого к официальной памяти и противостоящего гибкому и разнообразному восприятию того же самого прошлого. Наряду с ним употребляется более нейтральное и подразумевающее некий процесс понятие «работа памяти».

◆ *Устная история (и ее источники)*

Парадигма научная

Понятие «научная парадигма» обозначает образ мыслей, свойственный данной эпохе и преобладающий внутри научного сообщества. Оно было введено в 1960-е гг. философом и историком науки Томасом Кюном в работе «Структура научных революций», чтобы описать кризисные моменты, переживаемые наукой в ходе ее эволюции. По его словам, «парадигма представляет собой совокупность верований, признанных ценностей и технических приемов, свойственных членам данной группы». Научная революция происходит, когда долгое время оставшаяся общепризнанной научная теория отвергается научным сообществом в пользу другой теории. Этот переход свидетельствует о смене парадигмы: о смещении интересующей исследователей проблематики, появлении иных критериев легитимации научных проблем и выводов, обновлении

научного воображения и изменении условий, в которых проводится исследование.

Хотя это понятие оставалось неопределенным и не раз становилось предметом споров, некоторые историки, в частности Марсель Гоше и Франсуа Досс, нашли ему эвристическое применение для осмысления тех перемен, которые происходят в настоящее время в общественных науках. В книге «Империя смысла. Гуманизация гуманитарных наук» (L'Empire du sens. L'humanisation des sciences humaines. P., 1995) Франсуа Досс показал, что конец великих объединяющих парадигм, каковыми в области гуманитарных наук на протяжении двух десятилетий являлись марксизм и структурализм, не оставил после себя пустого места в идейном смысле и не привел к полной научной дезориентации. Напротив, в интенсивной, сложной и многообразной активности современных общественных наук он усматривает признаки эпистемологической конвергенции дисциплин и даже появления новой интеллектуальной конфигурации, прагматической и герменевтической одновременно. За этой сменой парадигмы в общественных науках стоит общая для них философия: возвращение субъекта, или актора, в противовес структуре, реабилитация эксплицитной и осмысленной стороны человеческого поведения в противовес «философии подозрения», поощрявшей поиски бессознательных мотивов. В то же время Франсуа Досс пользуется данным поняти-

ем осторожно, не пытаясь заключить в его строгие рамки столь разные по своему происхождению и по декларируемым целям исследования, хотя и признает за ними «семейное сходство» и интригующие совпадения, позволяющие ему говорить о «гуманизации гуманитарных наук».

◆ Структурализм

Периодизация

Чтобы «заменять неуловимую непрерывность времени некой означающей структурой» (*Prost A. Douze leçons sur l'histoire. P., 1996; русск. пер.: Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 117*), историк должен разделять движение истории на фрагменты, т. е. вводить периодизацию. Без такой практики, состоящей в придании историческому времени пространственного измерения, это время превратилось бы в своего рода совершенно непознаваемый непрерывный поток. Чтобы этого не произошло, необходимо выявить в нем главные изменения и разрывы. Вся трудность в том, что результаты надо убедительно обосновать. Необходимо отличать условные, в некотором роде унаследованные периодизации от тех, которые историк выстраивает в ходе исследования.

Периодизация, наиболее общепринятая во французских университетах, включает в себя четыре крупных периода: Античность, Средние века, Новое время и новейшую историю. Что касается понятия

«век», то оно, как показал Даниэль С. Мило [*Milo D. S. Trahir le temps (Histoire)*. Р., 1991], в качестве одной из основных форм репрезентации времени утвердилось в начале XIX в. Историки, конечно же, сознают всю ограниченность этих традиционных периодизаций – речи нет о том, чтобы понимать их буквально (XX век часто начинают 1914 годом), и историки подвергают их переосмыслению, выделяя, например, «короткий двадцатый век» с 1914 г. до краха коммунистических режимов, – но они тем не менее по-прежнему определяют университетскую структуру и оказывают неосознаваемое негативное воздействие на саму исследовательскую практику.

На эти унаследованные историком канонические периодизации может накладываться – или даже вытеснять их – «живая периодизация», которую он вырабатывает в процессе изучения конкретного предмета (Антуан Про). Такие живые периодизации в большей мере отвечают задачам научного анализа, тогда как «окаменевшие» периодизации не только втискивают историю в жесткие и совершенно произвольные рамки, но и образуют соответствующие организационные структуры, в частности определяют порядок доступа к документам. Периодизация редко устанавливается сама собой, и выбор момента разрыва или перехода обычно предполагает некую интерпретацию. В этом смысле вырабатывать периодизацию означает в то же время анализировать, делать выбор и определять направления исследо-

ваний. Установленные разрывы, разумеется, не являются полными изменениями во всем. Зачастую темпоральности накладываются друг на друга, пережитки старых порядков могут сохраняться очень долго (современность несовременного, или симультанность несимультанного, если воспользоваться известной терминологией Эрнста Блоха), и различные временные серии между собой не совпадают. Кстати, в последние десятилетия среди французских историков заметно стремление рассматривать каждый исторический феномен в его собственной временной протяженности. Что же касается тройственной модели времени, предложенной Фернаном Броделем, который различал длительное время (время географических и материальных структур), промежуточное время (время конъюнктуры) и короткое время политики (время событий) и отдавал приоритет исследованию устойчивого и инерционного, то она подверглась серьезной критике со стороны философов-дисконтинуистов (Мишель Фуко), и в настоящее время ей на смену пришли свобода выбора временной шкалы и неопределенное множество исторических времен.

♦ *Датировка, Поздняя античность, Средние века, Старый порядок, Хронология*

Подделка (историческая)

♦ *Внешняя критика, Внутренняя критика, Подлинность*

Подлинность

Для историка установить подлинность документа означает определить его дату, происхождение, автора и, возможно, обнаружить фальшивку – эти задачи составляют часть того, что историковеды называют внешней критикой источника, – и при необходимости отделить в самом тексте подлинник от позднейших исправлений или подделок. Методы установления подлинности меняются в зависимости от периодов истории и типов документов. Например, в Средние века многочисленные подделки фабриковались с целью присвоения прав или захвата власти (такова примерно половина сохранившихся актов, составленных от имени меровингских правителей). В то же время понятие подделки многообразно и нуждается в уточнении (см.: *Guyotjeannin O., Puycke J., Tock B.-M. Diplomatique médiévale. P., 1993*). Историк, как того требует дипломатика, должен выяснить и учесть все обстоятельства происхождения изучаемых им документов. Однако даже если документ является полностью или частично подложным, это вовсе не означает, что его надо отбросить. Он свидетельствует о целях, которые преследовались при его составлении. Исторiku следует задуматься о мотивах составления фальшивки, а ее корректно проанализированное содержание может быть информативным. Само понятие «подделка» не одинаково во все времена,

и при выяснении подлинности документа следует учитывать своеобразие эпохи.

◆ *Внешняя критика, Внутренняя критика*

Поздняя античность

Последние века Римской империи долгое время осмысливались в терминах разложения и упадка, и потому им зачастую давались негативные оценки. За последние тридцать лет с развитием историографии, менее склонной к морализаторству и отчасти находящейся под влиянием антропологии, сложилось понятие Поздней античности. Им обозначают период между Античностью и Средними веками, рассматриваемый как переход и/или как самостоятельная эпоха («другая античность, другая цивилизация», см.: *Marrou H. I. Décadence romaine ou Antiquité tardive? IIIe – VIe. P., 1977*), которая продолжалась, согласно авторам, придерживающимся различных подходов, с III (или даже с конца II в.) или с IV в. до IV–VIII вв. Некоторые ограничивают ее IV–V вв., тогда как другие предлагают ввести внутреннюю периодизацию. Ей посвящен специальный журнал «*Antiquité tardive*», в котором охватывается период IV–VIII вв. Этот разнобой показывает, что вопрос о периодизации остается спорным для специалистов. Такие историки как Анри-Ирене Марру и Питер Браун, изучая Позднюю античность, пытались установить именно ей характерные черты. Работы Питера Брауна способствовали реабилитации

этого периода истории: «Поздняя античность была концептом, а теперь она превратилась в университетскую дисциплину со своими кафедрами, журналами и посвященными ей коллоквиумами; произошло это во многом благодаря таланту Питера Брауна» (*Inglebert H. Peter Brown // Les Historiens. P., 2003*). По его мнению, Поздняя Римская империя представляла собой «вполне упорядоченное образование» с «удивительной созидательной силой», которое заложило основы развития на будущие века (великие правовые кодексы, Церковь и ее институты, в частности монашество...). Вслед за Санто Мадзарино Питер Браун так характеризует Позднюю античность: «Общество, в котором императоры царствуют, епископы управляют, а мужчины и женщины, в большинстве своем на удивление низкого происхождения – артисты, мыслители, организаторы и святые, – наполняют Средиземноморье на века вперед удивительной, постклассической созидательной силой, творческой силой людей, действующих по благословению Божьему» (*Brown P. Genèse de l'Antiquité tardive. P., 1983*). Таким образом, Поздняя античность является продолжением античной культуры, которая в это время соединяется с торжествующим христианством. Среди медиевистов существует целое направление, сторонники которого настаивают на долговременной устойчивости античных структур, что, впрочем, оспаривается другими историками. Так что вопрос

о хронологических рамках периода представляет не только научный, но подчас и политический в широком смысле слова (связанный, например, с оценкой роли христианства или социальных потрясений) и даже институциональный интерес (споры между историками Античности и медиэвистами).

♦ *Средние века, Периодизация*

Позитивизм

В настоящее время определение «позитивистский» звучит для историков осуждающе и обозначает автора или его труд, сосредоточенный на описании фактов и рассказе о событиях в самом узком смысле слова. Оно восходит к концепции истории, приписываемой историкам методической школы конца XIX в. и нашедшей выражение, в частности, в учебнике Шарля-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса «Введение в изучение истории» (*Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. Introduction aux études historiques*. P., 1898) и в журнале «*Revue historique*» («Исторический журнал»), который был основан в 1876 г. Габриэлем Моно и его последователями. «Методические» историки отстаивали строгий метод воссоздания исторической действительности (так как история должна быть «объективной наукой»), основанный на внешней и внутренней критике документов и до сих пор лежащий в основе труда историка (см.: *Garcia P. Le moment méthodique // Les courants historiques en France, XIXe – XXe*

siècle. P., 1999). Новейшие работы Оливье Дюмулена, Жерара Нуарьяеля и Антуана Про внесли нюансы в карикатурные представления об этих историках, которые на самом деле были гораздо более открытыми и разнообразными, чем их изображали следующие поколения, в особенности поколение «Анналов».

Термин «позитивизм» заимствован из философской традиции и обозначает подход, признающий факты и непосредственный опыт, основой познания. Он относится, в первую очередь, к философским и социологическим трудам Огюста Конта (1798–1857), а они совершенно не соответствовали критериям, которые разработали «методические» историки, отвергавшие любую априорную философию истории. Исходя из опыта точных наук Конт пытался создать позитивную науку для изучения общества. Речь шла о «комплексной исторической науке» (Раймон Арон), постигающей человека в его целостности и основанной на эмпирическом, позитивном изучении общества. Конт мыслил в терминах универсальных законов и критериев. Знание должно быть основано на целостном охвате социального мира и помогать его реформировать и реорганизовывать. Он выделял три стадии исторической эволюции общества и познания: теологическую (когда явления объясняются сверхъестественными причинами), метафизическую (для объяснения ис-

пользуются абстрактные сущности) и позитивную (научную).

Влияние учения Конта было разносторонним, но лишь очень немногие историки в собственном смысле слова, например пытавшийся открыть законы истории Генри Т. Бокль (1821–1862), опирались в своих исследованиях на концепцию истории, выдвинутую Контом.

◆ *Историзирующая история, Сциентизм*

Поколение

Это объемное понятие используется историками для обозначения совокупности индивидов примерно одного возраста, осознающих свою принадлежность к некоей группе, объединенной причастностью к значительному событию, совместным жизненным опытом и общими умонастроениями. Оно дает возможность описывать историю в терминах конфликтов или смены поколений и обладает большей эвристической ценностью для историков, чем (пусть и более строгое) понятие возрастного класса, которое обозначает совокупность индивидов, рожденных в одном и том же году. Самым, пожалуй, ярким примером может служить поколение романтиков, названное «болью века», «страстное, бледное, нервное поколение», описанное Альфредом де Мюссе; оно запечатлелось в коллективных представлениях и оставило свой след в политической и литературной жизни периода революции 1830 г.

Поле

Это понятие, занимающее центральное место в работах Пьера Бурдьё, появилось в результате размышлений над общественным разделением труда. Оно указывает на «автономный микрокосм внутри социального макрокосма» (*Bourdieu P. Propos sur le champ politique. P., 2000*), употребляется применительно к определенному типу социальной деятельности или функции (артистическое, литературное, научное, политическое, бюрократическое поле, поле журналистики и т. д.). Будучи неразрывно связанным с понятием «габитус», оно обозначает социальный универсум, управляемый своими особыми законами и кодексами, отличающими его от любого другого поля. Но каждое из них представляет собой, в первую очередь, «силовое поле», т. е. агонистическое пространство, объект борьбы за собственность и легитимность (как в институциональном, так и в символическом смысле) между индивидами, вовлеченными в это поле и соперничающими из-за положения внутри него. Чтобы проиллюстрировать происходящее, Пьер Бурдьё часто прибегал к аналогии с игрой: каждый игрок имеет на руках жетоны разных цветов, соответствующие разным видам капитала – экономическому, социальному или символическому, – которыми он обладает; и он вырабатывает стратегии и играет в зависимости от своих возможностей и от пози-

ции в игре. Конструируя социальное пространство таким образом, ученый выявлял механизмы доминирования, которые, с его точки зрения, структурируют общество в целом.

В своей книге «Правила искусства. Генезис и структура литературного поля» (*Bourdieu P. Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. P., 1992*) он показал, каким образом в конце XIX в. сформировалось, завоевало автономию и постепенно структурировалось литературное поле (с его особым капиталом, действующими лицами и их целями). Понятие «поле» стимулировало размышления историков, занимающихся культурной и социальной историей и открытых к диалогу с социологами (таких как Роже Шартье, Жерар Нуарьель, Кристоф Шарль). В книге «Интеллектуалы в Европе XIX в.» (*Charle Ch. Les intellectuels en Europe au XIXe siècle. P., 1996*) Кристоф Шарль предпринял – в перспективе глобальной истории – анализ интеллектуального поля, которое, по его мнению, «может быть понято в его социокультурной логике только в связи с более общими трансформациями среды интеллектуалов, и, наоборот, только это пространство символической борьбы открывает нам общие социальные смыслы интеллектуальных дебатов». Употребление данного понятия стало в настоящее время общепринятым в историческом сообществе.

♦ *Габитус, Символическое насилие*

Поле опыта

Понятие было введено немецким философом и историком Райнхартом Козеллеком для обозначения прошлого, присутствующего в настоящем. Данная метаисторическая категория указывает на присутствие их прошлого в сознании людей и обозначает, каким образом оно остается для них настоящим и актуальным. Пространство опыта, состоящее из совокупности пережитых событий, о которых можно вспомнить, проявляется как индивидуально, так и в межличностных отношениях, рационально и иррационально, сознательно и бессознательно. С помощью данной категории в совокупности с другой – «горизонт ожидания» – строится семантика исторических времен, изучающая лингвистическую структуру переживания опыта прошлого.

♦ *Горизонт ожидания, Режимы историчности*

Постмодернизм

Понятие «постмодерности», введенное французским философом Жаном-Франсуа Лиотаром, подразумевает, что мы вступили в новую эру в результате краха и исчезновения таких великих «метанарративов», как идеология прогресса и освобождения масс. Постмодерную эпоху, таким образом, характеризуют конец упований на всемогущество разума и науки, всеобщий глубокий скептицизм по отношению к теориям самореализации Духа, бесклассового общества или гражданской свободы.

Что же касается термина «постмодернизм», то он обозначает весьма разнородную совокупность радикальных критических идей, направленных на преодоление марксизма и структурализма и возвещающих о крахе разума как понятия и как движущей силы истории. Обычно его употребляют применительно к тем, кого принято объединять под общим названием философов-постструктуралистов, «деконструкционистов» или «философов различия», а это четыре главные фигуры французской философии: Мишель Фуко, Жиль Делёз, Жак Деррида и Жан-Франсуа Лиотар. В их работах, переведенных и получивших широкий отклик в США начиная с 1980-х гг., излагается ироническая и релятивистская философия и эстетика, и хотя в них подчас еще и присутствовало влияние структурализма, но названные авторы порывали с ним, критикуя понятия идентичности и разума, отказываясь придавать истории смысл и отвергая всякий дух системы.

Постмодернизм оказал определенное влияние на общественные науки во Франции: примерами могут служить труды Жана Бодрийяра, социология племен Мишеля Маффезоли, а в области истории – некоторые работы по гендерной истории и по истории представлений. Интересно заметить при этом, что хотя изначально импульс постмодернизму дали французские философы, но во французскую историографию он пришел из Америки под влиянием

«лингвистического поворота» и «гендерной истории».

◆ *Гендер, Лингвистический поворот, Модерность*

Представления/История представлений

История представлений имеет целью понять, каким люди прошлого видели свое место в мире, какой смысл вкладывали в свои поступки и каким образом конструировали свою память. По словам Алена Корбена, она изучает «представления индивидов и групп об окружающем мире, о предполагаемом потустороннем мире, об обществе, о себе и о других».

С точки зрения историка общественного мнения и коллективных представлений Пьера Лабори, для понимания коллективного поведения не так важны материальные и «реальные» факты, установленные историком *a posteriori*, как то, каким образом люди прошлого переживали и воспринимали эти факты. Только подход к изучению прошлого сквозь призму социального воображаемого, коллективных представлений и их отложений в истории позволяет понять, какими видели и воспринимали события их современники, а это необходимо для осмысления прошлого.

Ни в коем случае при этом не следует рассматривать замену расплывчатого понятия «ментальность» понятием «представления» как простое изменение терминов, за которыми стоят те же са-

мые исторические подходы. Эволюция лексики, напротив, связана с целым рядом важных сдвигов. Понятие «представления» является более узким, определенным и диалектичным, чем широкое и неопределенное понятие «ментальность», с помощью которого создавался портрет среднего человека какой-то эпохи; понятие «представления» используется как более эвристичный инструмент анализа социальных отношений и в большей мере отражает разнообразие и сложность социальных явлений. История представлений исходит не из постулатов о существовании заранее установленных социопрофессиональных категорий или о разрыве между народной и элитарной культурами, она обращает более пристальное внимание на то, каким (подчас противоречивым) образом сами люди конструируют, делят на части и классифицируют свой социальный мир. Так, по мнению Роже Шартье, история представлений ведет к превращению социальной истории культуры в культурную историю социального.

Кроме того, при изучении представлений историки не отдают предпочтения большой временной длительности, выходят за жесткие монографические рамки, не слишком полагаются на серии цифр и создают качественную историю с присущим ей вниманием к жизни субъекта, к сочетаниям различных темпоральностей и масштабов, к процедурам апроприации и конструирования смыслов и т. д.

Наконец, по сравнению с историей ментальностей история представлений расширяет круг используемых источников, вводя в обиход преимущественно источники личного происхождения (переписку, автобиографии, описания путешествий, дневники и т. п.).

В заключение, чтобы избежать недопонимания, обычно возникающего при употреблении термина «представления», следует заметить, что мир представлений не существует автономно и отдельно от реального мира. Напротив, мир коллективных представлений участвует в социальном конструировании реальности и, в конечном счете, формирует социальную идентичность и социальные практики, испытывая, в свою очередь, воздействие с их стороны. Следовательно, историю представлений не следует обвинять в «фикционалистском» уклоне, как это иногда делают. Понятие «представления» используется, в первую очередь, как эвристический инструмент исторического анализа, способный помочь нам в постижении общества прошедших эпох. Современный интерес к истории представлений, с эпистемологической точки зрения, – явление того же порядка, что и герменевтический, понимающий и конструктивистский подходы в других гуманитарных науках. Ален Корбен радикально поставил вопрос, значимый для любой области исторической дисциплины, будь то культурные и социальные феномены, политическая или экономическая сфера:

«Может ли вообще быть какая-либо другая история, кроме той, что основана на изучении представлений и неотделима от него?»

♦ *Генеалогическая история, Конструктивизм, Культура, Масштаб, Ментальность/История ментальностей, Чувства/История чувств*

Причинная связь

Проблема причинной связи в истории не раз становилась предметом размышлений историков и философов. Очевидно, что установление этой связи, т. е. попытка ответить на вопрос «почему», выясняя детерминированность исторического события предшествующими ему явлениями, занимает важное место в работе историка. Он стремится выстроить иерархию причин исторических событий, отделяя те, что представляются ему поверхностными, от тех, которые он считает глубинными, определяющими и значительными. Марк Блок имел обыкновение различать мотивированные причины, связанные с намерениями субъектов, материальные причины, т. е. условия, в силу которых данное явление становится возможным, и, наконец, случайные причины, действующие как его спусковой механизм. Однако при всей этой систематизации исторического анализа не следует забывать, как писал Макс Вебер, что хитросплетение причин бесконечно и сложность малейшего фрагмента реальности совершенно неисчерпаема.

В отличие от экспериментальных наук история по природе своей ретроспективна; она идет от следствия к причине, от события к его истокам. Поэтому историку в его поисках причинных связей приходится полагаться на воображение и, как заметил Антуан Про, писать историю со многими «если». Только с помощью воображаемого эксперимента историк может обнаружить причины, оценить их значение и выстроить иерархию: «Чтобы объяснить то, что было, всякий историк спрашивает себя, а что могло бы быть» (Раймон Арон). Историк должен уметь путешествовать во времени, быть способным в своем воображении перемещаться во времени назад и вперед, а самое главное, избегать ретроспективной иллюзии фатальности и осознавать «фундаментальную непредопределенность события» (Поль Рикёр). Чтобы дефатализировать историю, историку следует помнить, что изучаемое им прошлое есть время о трех измерениях, обладающее прошлым, настоящим и будущим. Так что, несмотря на свое ретроспективное знание, историк не должен забывать, что люди прошедшей эпохи прочитывали их настоящее в свете их собственного прошлого (в их *поле опыта*) и ожидаемого ими будущего (их *горизонта ожидания*).

Осознание всего этого заставило историков в последние двадцать лет отказаться от проекта дюркгеймовской социологии, целью которого было создание социальной физики, применяющей

к истории правила наук о природе, рассматривающей «социальные факты как вещи» и требующей механистического объяснения причинности. Совершенно очевидно, что в настоящее время мы наблюдаем кризис каузализма в истории: историки теперь с недоверием относятся ко всяким претензиям на подобного рода объективизм и на превосходство по отношению к изучаемому объекту; они теперь знают, что история *de facto* относится к повествовательному жанру (*Ricoeur P. Temps et récit. 3 vol. 1983–1985*). Поэтому многие исторические исследования отошли от попыток установить однозначную причинно-следственную связь, и представление о реальности в результате усложнилось, что открыло возможности для разнообразных ее описаний. В сознании историка существует уже не прежний порядок, при котором одно следствие порождалось одной причиной, а релятивистский порядок отношений между взаимозависимыми явлениями, каждое из которых может объясняться множеством (и даже бесчисленным множеством) факторов.

Современный герменевтический поворот с его исследовательскими процедурами и установкой на понимание, реабилитировавший историческое повествование и описание, поместил историю в ряд наук о единичном, подобно другим «историческим наукам», таким как социология и антропология. Как писал социолог Жан-Клод Пассерон, они суще-

ственным образом отличаются от экспериментальных наук, способных формулировать общие законы и оперировать более четкими каузальными схемами. Отныне исторический дискурс, носители которого лучше сознают границы его объективности, пребывает в постоянной эпистемологической напряженности между наукой и художественным вымыслом; и это промежуточное состояние с ним разделяет психоанализ, как подметил в свое время Мишель де Серто (*Certeau M. de. Histoire et psychanalyse entre science et fiction. P., 1987*).

◆ *Горизонт ожидания, Контрфактическая история, Поле опыта*

Провиденциализм

◆ *Теории истории, Финализм*

Просопография

Просопография – это «исследование, в том числе и сравнительное, коллективных биографий групп, отличающихся от остальной части общества профессией, родом занятий и социальным статусом» (Джордж Т. Бич; цит. по: *Dutour T. Perspectives d'analyse interactionnistes et histoire médiévale // Historicités de l'action publique / P. Laborier et D. Trom éd. P., 2003*). Оно ведется путем сбора индивидуальных биографических сведений (применительно к Средним векам, например, каноников, студентов или бальи) и, таким образом, широко

использует достижения информатики. Просопография изучает «как единое целое данные, собранные о совокупности индивидов», и анализирует их статистически (*Dutour T. Ibid.*). Количественные методы нашли применение в политической истории (именно в этой области впервые появилась просопография) и сыграли важную роль в изучении государства. Поначалу просопография была преимущественно описательной и использовалась, главным образом, историками Античности и Средних веков, но затем практика просопографических исследований получила широкое распространение. Примерами могут служить книга Кристофа Шарля об элитах Третьей республики в 1880–1900 гг., основанная на выборке из примерно 1100 биографий (*Charle C. Les Elites de la République, 1880–1900. P., 1987*), или работа Мари-Бенедикт Давье-Венсан о биографиях высших чиновников Пруссии в период Германской империи и Веймарской республики, которые автор изучила (в совокупности более 300) на протяжении нескольких поколений (2003). Эти методы используются также во многих работах, не являющихся собственно просопографическими. Так, в истории международных отношений обращение к личным досье позволяет установить агентов и сети связей, использовавшиеся дипломатами разных стран (*Ter Minassian T. Colporteurs du Komintern. P., 1997*).

◆ *Вспомогательные исторические дисциплины*

Процесс цивилизации

В работах «Цивилизация нравов» и «Динамика Запада» немецкий социолог Норберт Элиас провел всесторонний исторический анализ эволюции нравов западного общества начиная со Средних веков. Пользуясь понятием «процесс цивилизации», он описал движение длительной временной протяженности, характеризующееся растущей рационализацией поведения, подавлением эмоций и импульсов в результате интериоризации социальных норм и запретов. Изучая правила поведения за столом, манеры сморкаться, плевать, испражняться, умываться и совокупляться, а также вызываемые всем этим чувства стыда, замешательства, смущения или отвращения, Норберт Элиас обнаружил процесс, который начался в Средние века и ускорился в XVII в.: процесс, побуждавший западного человека все больше и больше скрывать от других свое тело, телесные отправления и импульсы, отводить для телесных функций особое интимное пространство (об этом свидетельствуют растущее смущение перед наготой, устранение телесных запахов, появление плевательницы, носового платка и туалетов). Вместе с тем эволюция чувствительности, рассмотренная социологом в долговременной перспективе, была, с его точки зрения, не линейным процессом, а феноменом, проходившим стадии ускорения, застоя и даже регресса.

Обнаружив этот феномен, Норберт Элиас не ограничился простым описанием, но попытался рассмотреть его в контексте и выявить национальную специфику, с тем чтобы предложить свое объяснение. Для этого он стал выяснять, каким образом динамика отношений между социальными группами влияет на изменения чувствительности и поведения. С его точки зрения, решающую роль в этой эволюции в раннее Новое время сыграло установление сильной королевской власти, ставшее возможным благодаря превращению военной аристократии в придворную и подчинению ее этикету двора. Утонченность нравов, постепенно распространявшаяся на все общество, имела в своей основе сложное сочетание миметизма и желания отличиться, которыми были пронизаны отношения между придворным дворянством и поднимающейся буржуазией. Кроме того, установление королевской монополии на легитимное применение насилия повлекло за собой прекращение открытой борьбы в социальном пространстве и более строгий контроль над импульсивностью. Следовательно, по мнению Норберта Элиаса, причины овладения аффектами и влечениями, причины той эволюции *психической экономики*, которая заключается в переходе от социального принуждения к самопринуждению, следует искать в социогенезе государства.

В этой влиятельной теории, которая развивалась Элиасом с конца 1930-х гг., но во Франции была вос-

принята с большим опозданием, соединились социологический, антропологический, исторический и отчасти даже психоаналитический подходы; в сфере гуманитарных наук она породила многочисленные исследования и споры. Среди историков, например, влияние Элиаса ощущается в работах Андре Бюргера, Робера Мюшамбле, Алена Корбена и Роже Шартье. В настоящее время Норберт Элиас стал бесспорным классиком социокультурной истории.

Между тем его концепция зачастую подвергалась критике. Так как она отличается крайне обобщенным характером, исследования, посвященные более коротким периодам и более узким социальным группам, привносят в нее многочисленные уточнения. Некоторые объявляют ее устаревшей, обвиняя Элиаса в упрощении и наивном эволюционизме. Однако если присмотреться внимательнее, то хотя определенный эволюционизм у Элиаса и присутствует, но у него ни в коем случае не описывается однолинейное, неизменно поступательное развитие. Он выявляет слепой, неосозанный, не имевший заранее намеченной цели процесс: сложное социальное движение, которое привело в Западной Европе к большей упорядоченности и стабильности в контроле над эмоциями и в котором он вместе с тем усмотрел определенную системность, связность и интеллигибельность.

Критикам, ссылающимся на общество «вседозволенности» и на относительное освобождение

нравов в современном обществе, можно ответить с позиций Элиаса, что именно эффективность внутреннего контроля и ситуация крайнего самопринуждения сделали в настоящее время возможным такое поведение, которое прежде считалось непристойным. Так, Жан-Клод Кофман, изучавший процессы «информализации» и феномен моды на загорание на пляже с голой грудью (*Kaufman J.-C. Corps de femmes, regards d'hommes. P., 1998*), обнаружил парадоксальное явление: своего рода игру с нормами, настолько глубоко интериоризованными, что они теперь оставляют определенное пространство свободы, не снижая при этом признанного порога чувствительности. По нашему мнению, наиболее существенная критика тезисов Норберта Элиаса сводится к тому, что из его анализа общества Старого порядка почти совсем исключен религиозный фактор и что его концепция никак не помогает объяснить разгул насилия в XX в., казалось бы, противоречащий процессу цивилизации.

♦ *Габитус, Историческая антропология, Конструктивизм, Чувства/История чувств*

Психоистория

Желая расшифровать ментальный универсум прошедших эпох, основатели «Анналов» предприняли соединение истории с еще одной дисциплиной, что привело к появлению психоистории, или исторической психологии. Этот новый союз двух

дисциплин являлся, с точки зрения Люсьена Февра, главным средством избежать психологического анахронизма, «самого худшего, коварного и опасного из всех», проецирующего на людей прошлого психологию людей XX в. Союз истории с психологией призван был помочь воссоздать ментальные структуры, свойственные каждой исторической эпохе, и положить конец концепции неизменной природы человека. Опираясь на введенное им понятие «ментального инструментария», Люсьен Февр в целом ряде книг рассматривал отдельных индивидов (Лютера, Рабле, Маргариту Наваррскую) на фоне ментально-психологического универсума тех эпох, в которые они жили. При этом обращение к психологии у него всегда сочеталось с изучением взаимодействия между индивидом и обществом, так как «индивид всегда есть лишь то, чем ему позволяют быть его эпоха и его социальная среда».

Вместе с тем во французской историографии 1960–1970-х гг. история ментальностей и историческая антропология были обязаны своим успехом не столько наследию исторической психологии Люсьена Февра, сколько путем, намеченным Марком Блоком, который, в отличие от своего друга, был более внимателен к бессознательным коллективным представлениям и в своих подходах опирался преимущественно на социологию Дюркгейма и был более близок к структурализму. Среди самых известных историков ментальностей только Робер

Мандру остался по-настоящему верен исходному направлению Люсьена Февра. Впоследствии термин «психоистория» отчасти вышел из употребления, хотя программа исследований в области истории чувств и эмоциональной жизни (истории любви, жалости, жестокости, радости и т. д.) так и осталась невыполненной. Эстафету отчасти приняла современная история чувств.

◆ *Анахронизм, Историческая антропология, Ментальность/История ментальностей, Чувства/История чувств*

Ревизионизм

Ревизионизмом могут называть любую позицию или установку, направленную на пересмотр казавшихся твердо установленными фактов или доктрин. Так, говорят о ревизионизме немецких социалистов конца XIX в., Бернштейна и его сторонников, пытавшихся приспособить свою доктрину к требованиям времени. В области изучения бывших коммунистических стран Восточной Европы этим термином называют историографическое течение, критикующее концепцию тоталитаризма. Он используется также для обозначения сочинений, авторы которых преуменьшают или отрицают геноцид евреев в годы Второй мировой войны. Но лучше называть их не ревизионистами, а негационистами, так как в данном случае речь идет не о ревизии, представляющей собой вполне законную критическую процедуру, а об обмане, преследующем сугубо идеологические, в основном профашистские и антисемитские цели.

♦ *Негационизм, Тоталитаризм/Ревизионистское направление*

Режимы историчности

«Это понятие, на первый взгляд, кажется неудачно сформулированным, но, если вдуматься, оно

очень точно выражает суть дела. Оно обозначает различные способы проводить границы и устанавливать связь между прошлым, настоящим и будущим, т. е. различные типы бытия во времени» (Роже Шартье). Оно возникло под влиянием трудов Райнхарта Козеллека и было введено с целью выявить многообразие типов восприятия времени и бытия во времени, свойственных разным обществам. Разные режимы историчности соответствуют свойственным различным культурам способам конструировать свои представления о времени, их особым отношениям с прошлым, настоящим и будущим.

В книге «Режимы историчности. Презентизм и восприятие времени» (*Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et l'expérience du temps*. P., 2003) французский историк Франсуа Артог разъяснил употребление этого понятия, обратив внимание на моменты, когда наступает кризис восприятия времени и связи между тремя универсальными категориями прошлого, настоящего и будущего утрачивают прежнюю очевидность; выразителями таких кризисов могут выступать, например, Улисс или Шатобриан. Сначала Франсуа Артог описывает режим историчности, свойственный Древнему миру, когда считалось, что история – это *magistra vitae*, наставница жизни и будущее можно понять через прошлое. Согласно долго сохранявшимся представлениям, корни которых в западном обществе

уходят в древность, настоящее и будущее полны примерами из прошлого, люди в настоящем и будущем способны лишь подражать этим примерам и повторять их, обычно в испорченном виде. Но после грандиозного разрыва, произведенного Французской революцией 1789 г. и подготовленного во второй половине XVIII в., постепенно установился футуристский режим историчности, отмеченный ускорением исторического времени и неуклонной устремленностью в будущее, воспринимаемое через понятие прогресса. Так утвердился режим историчности Нового времени с присущим ему отрывом настоящего от традиции прошлого, и история осветилась новым светом обетованного будущего.

Современный кризис наших горизонтов ожидания и неясность нашего будущего означают, по мнению Франсуа Артога, что общество переживает новый кризис восприятия времени и рождение нового режима историчности, который он назвал *презентизмом*. Самодостаточное, мощное, всепоглощающее и вездесущее настоящее само ежедневно создает такое прошлое и будущее, какое ему нужно. Новый режим историчности включает увековечивание памяти о событии в само событие, как это было 11 сентября 2001 г. Два главных симптома свидетельствуют, по мнению историка, об этом всепоглощающем присутствии настоящего: повсеместное проникновение памяти, превратившейся в признак идентичности, объект исследований и форму исто-

риописания, а также одержимость сохранением наследия, преобразующая памятник в мемориал. В своем отношении к времени мы, таким образом, перешли от футуризма к презентизму – к такому настоящему, которое само является своим собственным горизонтом и открывает перед историками возможности написания истории памяти и истории современности.

♦ *Горизонт ожидания, Новейшее время/История новейшего времени, Память, Поле опыта*

Релятивизм

Релятивизм отрицает идею универсальных законов и универсальных истин. Он стоит на том, что все учения, знания и практические навыки относительны. Во время споров об историзме, развернувшихся во второй половине XIX в., дискуссии шли, в основном, об историческом релятивизме, способном привести к отрицанию всякой метафизики, всякой общепризнанной истины и, по словам Вильгельма Дильтея (1883), разрушить «веру в универсальную ценность какой-либо философской системы». Иначе выразил эти мысли Антуан Про, по словам которого «история, по определению, учит, что режимы и институты меняются. Она совершает, таким образом, политическую десакрализацию». Этический и политический релятивизм – это убежденность в том, что ценности и нормы каждой культуры нельзя судить извне,

но надо их понимать, руководствуясь их собственной логикой. Методологический релятивизм, получивший в настоящее время широкое признание в гуманитарных науках, исходит из того, что при изучении какого-либо общества или эпохи следует избавиться от предубеждений, не подходить к ним со своей меркой и признавать разнообразие культур.

Наиболее сомнительным и спорным представляется когнитивный релятивизм. Его постулат гласит, что каждая культурная система более или менее недоступна для понимания тех, кто находится вне ее. С позиций когнитивного релятивизма труд историка, естественно, выглядит спорным: что мы в действительности можем знать об обществах прошлого? В настоящее время сторонники постмодернистского течения считают, что прошлое, которое можно изучать только по сконструированным следам, главным образом, по текстам, остается в значительной мере недоступным. Кроме того, сам историк играет важную роль в формировании прошлого, что делает возможность достижения истинного знания еще более относительной. Если довести когнитивный релятивизм до крайности, то получится, что история есть не что иное, как дискурс говорящего о прошлом, будь то документ или историк.

♦ *Историзм, Лингвистический поворот, Постмодернизм*

Романтизм

Это широкое литературно-художественное движение, зародившееся в Европе в конце XVIII в. и получившее развитие в первой половине XIX в., преимущественно в Англии (Колридж, Байрон, Шелли, Китс, Вальтер Скотт), Германии («Вертер» Гете, Гельдерлин, Новалис, Клейст) и позднее – во Франции (Шатобриан, Констан, Ламартин, Виньи, Гюго, Делакруа, Мюссе). Приверженцы романтизма с присущими им культом чувствительности и обостренным чувством своего «я», реабилитацией интуиции и апологией страстей, полным раскрепощением художественного воображения, любовью к живописным пейзажам и местному колориту, мистическим ощущением природы и упоением хаосом, с их культом творческой и политической свободы резко противопоставили себя классицизму и в значительной мере порвали с рационалистическим наследием Просвещения.

Под влиянием романтизма началось страстное увлечение историей, было заново открыто Средневековье; он оказал сильное воздействие на французскую историографию периода после 1815 г., в частности на творчество таких историков, как Огюстен Тьерри, Франсуа Гизо, Эдгар Кинэ и особенно Жюль Мишле. Для этого поколения людей, родившихся в начале века, остро стоял вопрос о том, как истолковать революционный разлом 1789 г. и примирить при этом французское обще-

ство со своим прошлым. В период Реставрации и Июльской монархии история приобрела особую политическую актуальность и стала предметом полемики между теми, кто хотел покончить с революционными событиями и забыть о них навсегда, и либеральными историками-романтиками, желавшими их защищать и культивировать память о них.

Хотя романтическая историография была насквозь пропитана политическими идеями и страстями, тем не менее она стремилась быть абсолютно научной историей. В противовес роялистским историкам-эрудитам, с одной стороны, и историкам-философам эпохи Просвещения, с другой, историки-романтики пытались осуществить исторический синтез и достичь равновесия между теорией и фактами. Используя все более активную роль государства в деле сохранения национального наследия, организацию национальных архивов и начавшуюся институционализацию изучения и преподавания истории, представители романтической историографии смогли внести свой вклад в расширение эрудитского знания. При этом они стремились творить одновременно и науку, и изящную словесность. Их история была проникнута господствовавшей в то время романтической эстетикой, в ней появились новое чувство истории и новые формы историописания: увлечение экзотикой и местным колоритом, ощущение инаковости прошлого,

а также искусство живого и в то же время эпического повествования.

Главной целью романтической историографии, достижению которой отвечала эта двойная задача создания целостной истории и живого воскрешения прошлого, было конструирование национальной идентичности. Жюль Мишле хотел дать, наконец, Франции подлинную историю, а для этого ему требовалось осуществить «воскрешение прошлого во всей его целостности». Он считал, что на историка возложена мистическая и квазисвященная миссия погрузиться в прошлое, чтобы разделить с предками их беды, вернуть к жизни умерших и раскрыть им глубинный смысл их существования. А остальное довершит незаурядный писательский талант, которым обладал Мишле: «Ну что ж, моя великая Франция, если для того, чтобы воскресить твою жизнь, человек должен был отдать свою, пересекая много раз реку мертвых, он этим утешается и благодарит тебя. И более всего он сожалеет, что на этом вынужден тебя покинуть».

Серийная история

Термин «серийная история» ввел в обиход Пьер Шоню; это направление получило развитие в 1950-е гг., хотя возникло оно раньше, в трудах Эрнеста Лабрусса. Оно представляет собой изучение совокупностей («серий») относительно однородных фактов и документов, их эволюции и изменений на протяжении достаточного длительного промежутка времени. Истоками серийной истории стали экономическая, а затем демографическая история, широко практикующие количественные подсчеты, но впоследствии ее границы расширились, распространившись на изучение серий явлений самой разнообразной природы. Типы источников, выстраиваемых в серии, дополнили завещания, алтарная иконография и т. д., и серийная история охватила сферу культуры и ментальностей. Так, Мишель Вовель в работе «Барочная набожность и дехристианизация» (*Vovelle M. Piété baroque et déchristianisation*. P., 1973) показал развитие дехристианизации в XVIII в. до Французской революции («серийную религиозную историю» – формулировка из отчета о защите его диссертации), опираясь на серию из примерно 25 000 завещаний жителей Прованса. Увлечение серийной историей сопровождалось развитием методов количественной обработки

данных (статистики, информатики). Франсуа Досс в работе «История в осколках» (*Dosse F. L'histoire en miettes*. P., 1987), сгущая краски, осудил эту практику за тенденцию к фрагментации исторического дискурса, когда каждый объект рассматривается вне связи с другими.

◆ *Глобальная история, Историческая демография, Конъюнктура, Новая историческая наука*

Символическое насилие

Это понятие, пришедшее из социологии Пьера Бурдьё, означает умелую промывку мозгов, в результате которой в сознании людей откладываются и становятся «естественными» господствующие представления (*докса*). С точки зрения этого социолога, например, передача и внушение норм господствующих классов через школьную систему есть символическое насилие, осуществляемое над народными массами при помощи властных институтов и средств.

Синхрония

◆ *Диахрония*

Смысл истории

Это выражение может просто подразумевать, что историческая реальность представляет собой не набор случайностей и не полный хаос, а наделена неким содержанием и своей особой интеллиги-

бельностью. Но обычно оно означает нечто гораздо большее. Употребляющие его хотят сказать, что история обладает строго определенной направленностью, что ее будущее детерминировано (телеология истории).

Со времен апостола Павла христианские богословы неустанно распространяли идею о том, что история есть воплощение Божественного промысла, главное содержание которого составляет исполнение человечеством своего духовного предназначения, а развязкой драмы должно стать спасение. В результате философского переворота XVIII в. и отказа от идей Творения и Потерянного рая утвердилась концепция самостоятельного развития человечества по пути прогресса. Мыслители, подобные Вольтеру, Канту и Кондорсе, рассматривали историю как движение человечества к идеальному состоянию. Так, Иммануил Кант представлял себе «историю рода человеческого, в целом, как реализацию скрытого плана природы по созданию совершенного политического устройства [республиканского правления]» [*Кант И.* *Идея всеобщей истории с космополитической точки зрения (1784)*]. А в XIX в., под влиянием Французской революции, получили распространение самые что ни на есть телеологические варианты философии истории. Согласно одной из таких моделей, основанной на доктрине Гегеля, эволюция всего человечества представляет собой медленное, диалектически организованное,

поэтапное (бытие, небытие и становление) движение Духа и должно закончиться утверждением современного бюрократического Государства как абсолютной формы прогресса, олицетворяющей наступление эры морали, свободы и разума. Восприняв и переделав на свой лад гегелевскую философию истории, Карл Маркс придал истории иной смысл, направив эволюцию человечества к новой конечной цели: обществу равных, с наступлением которого должны исчезнуть общественные классы.

В XX в. редко кто из французских историков не принимался ругать философию истории в том или ином ее виде. Отказ от телеологической истории (по крайней мере, теоретически) стал краеугольным камнем французской историографии и особенно наследия «Анналов». В противовес великим спекулятивным философиям получили развитие критическая философия истории, отвергающая всякую «ретроспективную иллюзию фатальности» (Раймон Арон), а вслед за ней – рефлексия эпистемологического порядка, обращенная на ход исторического познания, со свойственным ей отказом от претензий на тотальное знание. Тем не менее и в XX в. сохранялись детерминистские и финалистские философии истории: это циклические интерпретации судеб цивилизаций, представленные Освальдом Шпенглером (Закат Европы. 1918) и Арнольдом Тойнби (Постижение истории. 1934–1961); это также продолжение марксистской мыс-

ли, подобное теориям Дьёрдя Лукача (История и классовое сознание. 1967), или позднее – неолиберальная философия истории Фрэнсиса Фукуямы (Конец истории и последний человек. 1992).

♦ *Диалектика, Исторический материализм, Финализм*

Событие

На первый взгляд, событие, с точки зрения историка, представляет собой важный и новый исторический эпизод, временная протяженность которого имеет начало и конец. В Средние века и раннее Новое время оно вписывалось в порожденные христианской мыслью интерпретационные схемы, имевшие целью выявлять известные и повторяющиеся примеры, а в XVIII–XIX вв. с развитием историзма и идеи прогресса «событие» становится «уникальным». Событие оказалось тогда в центре исторических исследований, пока школа «Анналов» и новая историческая наука со свойственным им вниманием к структурам и большой длительности не открыли более широкие перспективы. Политическая история – естественная производительница «событий» – оказалась отодвинутой на второй план, уступив место социально-экономической, а впоследствии культурной истории, отдающей предпочтение глубинным тенденциям или «ментальностям». В настоящее время перспективы не сводятся к подобному дуализму (событие/структура). Собы-

тие может, прежде всего, служить своего рода наблюдательным пунктом для изучения предмета более значительного, нежели само событие. Когда Жорж Дюби в «Воскресенье Бувина» (*Duby G. Le dimanche de Bouvines. P., 1973*) изучал битву при Бувине 27 июля 1214 г., он ставил перед собой задачу построить на этом материале «социологию войны» в Средние века. Он стремился понять, каким образом в различных повествованиях того времени запечатлевался (или не запечатлевался) след события, и проследить превращение события в миф.

Таким образом, многие историки изучают события вовсе не в перспективе событийной истории. И первая методологическая трудность связана с определением того, что есть событие. Чтобы некий факт стал событием, сначала, наверное, надо, чтобы о нем узнали: открытие, о котором не известно никому, кроме самого первооткрывателя, не может стать событием. Повествования о событии играют большую роль в его возникновении. Итак, событие складывается из всех упоминающих о нем повествований. Дюби пишет о «глубоких следах» битвы при Бувине: «Только эти следы обеспечивают ей существование. Вне следов нет и события. Поэтому именно о них, главным образом, и пойдет речь [в «Воскресенье Бувина»]».

В общественных науках события выстраиваются в серии. Ученые стараются определить место, которое занимает отдельно взятое событие в серии,

установить события, замыкающие или открывающие серию: например, 11 сентября 2001 г., открывающее серию «постколониальных» событий, в которых «угнетенные становятся субъектами» (*Bensa A., Fassin E. Les sciences sociales face à l'événement // Terrain. 2002. N 38*). Не следует слишком жестко определять рамки события: в нем всегда присутствует прошлое. Надо задаться вопросами, какое давление оказывает это прошлое на участников события и как они его используют. Кроме того, как пишет Арлетт Фарж, «историку трудно сказать, где кончается событие, так как оно осуществляется через сеть взаимодействий со структурирующими последствиями» (*Farge A. Penser et définir l'événement en histoire // Ibidem*).

Само по себе единичное «событие» проблематично, поскольку восприятие события может существенно меняться в зависимости от дистанции, которая отделяет от него субъектов, а также в зависимости от их географических, социальных или политических характеристик. Очевидно, что дело Дрейфуса не имело одинакового смысла и значения для парижского интеллектуала и бретонского крестьянина. «Событие само по себе не является нейтральным: будучи социальным продуктом, оно совершенно по-разному усваивается в различных социальных слоях» (Арлетт Фарж). Наконец, изучение события требует сочетания диахронического (что событие сохраняет из прошлого и что оно от-

крывает или закрывает на будущее) и синхронического (чем оно является – или не является – для каждого) подходов.

◆ *Историзм*

Событийная история

◆ *Историзирующая история, Позитивизм, Событие*

Социабильность

Понятием «социабильность» обычно обозначается совокупность первичных форм коллективной жизни и социальной коммуникации. Оно охватывает множество социальных практик, главной, но далеко не единственной из которых является объединение в ассоциации. Так, этот термин применим и к дружеским или соседским связям, к разговорам в кафе, к посещению салонов, к участию в кружке или к принадлежности к братству или ложе и т. д. Все это специфические формы социабильности, при посредстве которых распространяются идеи, нормы и поведенческие коды.

Это новаторское понятие пришло во французскую историографию в конце 1960-х гг. из диссертации Мориса Агюлона, в которой была показана роль особой южной социабильности в политизации деревни в департаменте Вар. Продолжив затем в книге «Республика в деревне» (*Agulhon M. La République au village. P., 1970*) изучение того, каким

образом республиканские идеи распространялись в деревнях Юга Франции в XIX в., он продемонстрировал важность детального исследования связей между индивидами на локальном уровне, в том числе и для понимания и объяснения важнейших событий истории Франции. Это понятие, находящееся на стыке социальной и политической истории, стало затем широко применяться во французской историографии, как в региональных монографиях, так и в исследованиях отдельных групп буржуазии, нотаблей или рабочих. Оно, например, оказалось ключевым в некоторых исследованиях, посвященных ученым XVIII в., литературным салонам XIX в. и интеллектуалам XX в. Его польза состоит, в частности, в том, что с его помощью можно выявить узы солидарности и социальные сети, позволяющие лучше понять социальную динамику.

Социоистория

Термином «социоистория» обозначается направление в общественных науках, находящееся на стыке истории и социологии. С 1990-х гг. его активно развивает Жерар Нуарьель; центрами, вокруг которых это направление сформировалось, стали серия книг «Социоистории», выпущенная издательством «Белен» (Belin), и журнал «Женез» («Genèses, Sciences sociales et histoire»). Социоистория изучает социальные связи, «то есть те отношения, которые поддерживают друг с другом инди-

виды в рамках своей повседневной деятельности» (Ж. Нуарьель). Однако социоисторики не довольствуются исследованиями на микроуровне, но «занимаются преимущественно такими связями между индивидами, которые чем-либо опосредованы, будь то деньги (капитализм) или право (национальное государство)» (Ж. Нуарьель). Они препарировывают предустановленные категории (такие как «безработица» или «национальность»), чтобы выяснить их происхождение и то, с какими целями они выработывались, чтобы понять происходящее сейчас, отвергая при этом идею «конца истории». Социоисторией в настоящее время занимаются, главным образом, историки новейшего времени, социологи и политологи.

Средние века

Во Франции преподавание истории организовано таким образом, что Средние века охватывают период с V по XV в. В общих чертах принято различать раннее (V–X вв.), классическое (XI–XIII вв.) и позднее Средневековье (XIV–XV вв.). Историки много спорили о точных датах, с которыми следует связывать его начало (313, 395, 476 гг. и т. д.) и конец (1453, 1492 гг. и т. д.). Выделение этого периода имеет большую институциональную силу, о чем свидетельствует объединение занимающихся им историков в «Общество историков-медиевистов». Но, по правде говоря, речь идет о совершенно про-

извольном делении, и в настоящее время ясно, что эти точные даты не могут быть удовлетворительными со всех точек зрения. Жак Ле Гофф полагает даже, что Средние века можно продолжить до Французской революции и до промышленной революции («долгое Средневековье»). Кроме того, этот термин применим, главным образом, к западной истории.

Сам термин придумали ренессансные интеллектуалы, которые называли так «темный» период, отделявший их от Античности. Они, таким образом, изобрели триаду Античность/Средние века/Ренессанс, что позволило Ги Буа, историку, полагавшему, что около 1000 г. кончился один исторический период и начался новый, утверждать: «Надо честно признаться, мы по-прежнему используем концептуальный багаж пятивековой давности: понятие “Средние века” есть продукт Ренессанса. То, что оно все еще в ходу и задает рамку для преподавания истории на всех уровнях, является крайне вредной абберрацией, потому что оно придает несуществующее единство периоду между падением Римской империи и Великими географическими открытиями. Оно подразумевает существование “средневекового”, или “феодального”, общества, которое якобы в основных своих чертах сформировалось очень рано, сразу после переселения германских народов. Но можем ли мы быть в этом так уверены?» (*Bois G. La mutation de l'an mil. P., 1989*). Однако раз-

мышления о специфике данного периода не теряют своего значения. Согласно Алену Герро, Средние века характеризуются двумя ключевыми понятиями – они исчезли в XVIII в. и вместо них возникли понятия «собственность» и «религия», от которых следует отказаться, когда речь идет о Средневековье. Это понятия *dominium* («социальные отношения между господствующими и подчиненными, при которых господствующие осуществляют *одно- временно* власть над людьми и власть над землей» и одна не может быть отделена от другой) и *ecclesia*, т. е. Церковь, которая охватывает «все общество в целом, осуществляет тесный контроль над всеми нормами социальной жизни» и занимает, таким образом, «квазимонопольное положение» (*Guerreau A. L'avenir d'un passé incertain. P., 2001*). Ален Буро, со своей стороны, считает «основной особенностью средневекового пространства-времени существование, пожалуй, уникального в мировой истории способа производства, при котором свободное или полусвободное крестьянство контролируется военной аристократией, взимающей ренту, и Церковью, господствующей над населением в культурном отношении и одновременно владеющей землей. Постепенное формирование того, что принято именовать государством Нового времени, несомненно, является следствием этого порядка, который лучше называть не феодальным, а сеньориальным» (*Boureau A. Moyen Age // Dictionnaire du Moyen Age. P., 2002*).

◆ *Периодизация, Поздняя античность, Хроника*

Старый порядок

Термин был изобретен в ходе Французской революции 1789 г. для обозначения разрушенного мира. Франсуа Фюре имел полное основание говорить, что Старый порядок не имеет ясного свидетельства о рождении, но зато свидетельство о смерти ему выписано по всей форме. Отличительной чертой Старого порядка является то, что лишь после своего окончательного завершения он обретает смысл в качестве концепта. Поэтому историкам необходимо постоянно избегать двух подводных камней (анахронизма и телеологии), использование ими понятия «старый порядок» постоянно вызывало возражения, в частности резкую критику со стороны Пьера Шоню. Как любой вид канонической периодизации (Античность, Средневековье, Ренессанс и т. д.), оно порождает среди историков яростные споры относительно границ и эвристической ценности.

Обычно это понятие охватывает три века французской истории от Итальянских походов до 1789 г., но на самом деле его хронологические рамки весьма неопределенны. Например, многие специалисты по XVI веку вслед за Дени Рише отказываются включать век Ренессанса, Реформации и Гуманизма в Старый порядок. Некоторые предпочитают ему понятие «раннее Новое время». Другие, по примеру Пьера Губера, Робера Мандру и Альбера Собуля, сужают рамки Старого порядка и ограничивают его

1600–1750 гг., когда сложилась устойчивая система, исчезнувшая в результате целой череды потрясений между 1750–1850 гг., а отнюдь не за одну ночь 4 августа 1789 г. Ведь Старый порядок, как его понимают историки, – это не просто политико-юридическая структура, отличительными признаками которой служат сословное общество и монархия Божественного права абсолютистского типа; это еще и корпоративное общество, живущее по обычному праву; это мир ментальностей и чувств, в котором суеверия соперничают с христианским рвением; это экономика, которую характеризуют преобладание сельского хозяйства и слабость связей; это демографический режим с высокой рождаемостью и смертностью, с постоянно и часто повторяющимися голодом, эпидемиями и т. д. В конечном счете, этот концепт, имевший успех благодаря книге А. Токвиля «Старый порядок и Революция», остается эмпирическим, гибким и неоднозначным; разные историки пользуются им по-своему, и он ни в коей мере не сковывает их мысли.

◆ *Поздняя античность, Средние века, Периодизация*

Структура

Понятие «структура», которое историки долгое время противопоставляли понятию «событие», рассматривалось ими как точка опоры, позволяющая окончательно порвать с событийной историей и за

хаотичным потоком событий обнаружить константы, закономерности и преемственность, на которые до сих пор по большей части не обращали внимания при анализе обществ прошлого. Однако использование историками понятия «структура» не является само собой разумеющимся. Изначально оно пришло из лингвистики и после Второй мировой войны широко распространилось среди антропологов, а затем и во всех гуманитарных науках. Но тогда им обозначалась скрытая, ахроничная, вневременная архитектура некой совокупности. А чтобы его могли использовать историки, следовало придать ему историчность и освободить от вневременности и инвариантности. Именно это имел в виду Пьер Шоню, когда писал: «Структура есть все то, что в обществе или в экономике обладает достаточной длительностью, скрывающей ее движение от обычного наблюдателя [...]. Эти структуры не являются неподвижными» (*Chaunu P. Séville et Atlantique, 1504–1650. P., 1959*). В этом же состоял смысл трехчастного деления исторического времени, введенного в книге Ф. Броделя «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949). Десять лет спустя броделевская большая длительность станет восприниматься как своего рода ответ историков на структуралистский вызов, как способ отчасти усвоить структуралистские инновации, допустив при этом длительность, т. е. изменение структуры. Результатом примата

и притягательности этой квазииммобильной истории во французской историографии на протяжении двадцати лет станет значительное замедление пульса времени, заметное в книгах по истории. Так будет продолжаться до 1970–1980-х гг., отмеченных «возвратом события» (Пьер Нора), когда историки вновь обратят внимание на короткое время и заново переосмыслят соотношение между структурой и событием.

◆ *Геоистория, Глобальная история/Тотальная история, Диахрония, Событие, Структурализм*

Структурализм

В 1950–1960-е гг. структурализм оказывал заметное влияние на интеллектуальную жизнь Франции. По меньшей мере на два десятилетия умами французской интеллигенции овладели знаки и структуры. Это направление мысли, вдохновленное структурной лингвистикой Фердинанда де Соссюра (1857–1913), проявило себя во всех гуманитарных науках. Не связанный с какой-то определенной дисциплиной, структурализм был прежде всего особым взглядом и общим методом изучения явлений человеческой жизни, повлиявшим на антропологию и социологию, психоанализ и философию, литературную критику, а затем и на историю. Работы антрополога Клода Леви-Стросса, семиолога Ролана Барта, психоаналитика Жака Лакана, философов Луи Альтюссера и Мишеля Фуко ознаменовали

расцвет критической мысли и золотой век молодых социальных наук, стремящихся к научной и институциональной легитимации.

Структуралистская мысль претендовала на выдвигание единой обширной исследовательской программы, которая ляжет в основу всех наук; суть ее – проникновение в глубинные, бессознательные и вневременные структуры социальных практик. Радикальность и интересовавшая их проблематика у этих мыслителей, разумеется, различались, но у всех приверженность структурализму проявлялась в стремлении обнаружить структурное бессознательное, выявить невидимую на первый взгляд подлинную упорядоченную систему абстрактных соотношений, позволяющую понять организацию и функционирование людей внутри данного общества. Мишель Фуко, например, в книге «Слова и вещи» (1966) пытался обнаружить скрытое за разнообразными мыслями и знаниями определенной эпохи эпистемологическое основание («эпистему»), которое делает эти мысли и знания возможными и составляет организующий принцип данной культуры. Как показал Франсуа Досс в своей фундаментальной «Истории структурализма» (*Dosse F. Histoire du structuralisme*. Т. 1–2. Р., 1991–1992), структурализм нес в себе философию подозрения, демистификации и разоблачения. В нем был скрыт глубокий пессимизм и явственно выступала критика европоцентризма и западной модерности, изнан-

ку которой структуралисты пытались показать, обращая внимание на фигуры ребенка, сумасшедшего и дикаря.

Отношения структурализма с исторической дисциплиной поначалу складывались непросто. Понятия «история» и «структура» долгое время оставались антиномичными, и сближение между ними казалось невозможным, потому что структура, понимаемая как архитектура отношений внутри данной совокупности, была ахроничной и вневременной. Отдавая предпочтение синхронии, структурализм делал диахронию малозначимой и отрицал объединяющую роль истории среди общественных наук. Самый радикальный теоретический вызов был брошен, несомненно, со стороны социальной антропологии Клода Леви-Стросса, который в 1949 г. обвинил историю в недостатке научности, так как она не способна строить модели и проникать в глубинные бессознательные структуры общественной жизни. С институциональной точки зрения представители новых гуманитарных наук также были заинтересованы в радикальном разрыве с историей, которая во Франции представляла собой дисциплину, крепко институционализированную и давно узаконенную. Лишь в конце 1950-х гг. Фернан Бродель сумел дать достойный ответ на структуралистский натиск. Опираясь на наследие основателей «Анналов» и учитывая инновации, привнесенные новыми общественными науками, Фернан Бродель попы-

тался объединить их, выдвинув понятие «большая длительность», т. е. квазииммобильное структурное время; с его точки зрения, вокруг этого понятия мог бы образоваться язык, общий для всех социальных наук. Отказ от событийности, замедление темпоральности, пристрастие к повторяющимся феноменам, интерес к ментальности и к предметам исследования антропологии фактически стали признаками настоящей структурализации истории в 1960–1970-е гг.

♦ *Диахрония, Структура*

Сфрагистика (сигиллография)

Сфрагистика изучает печати, которые Огюст Кулон и Ив Метман определяют как «оттиски на мягком материале, обычно на воске, изображений или букв, выгравированных на твердом материале – камне или металле; последний имеет специальное обозначение “матрица”, но обычно его тоже называют печатью». Назначение печатей в том, чтобы скрывать содержимое, гарантировать его сохранность, хранить в тайне, удостоверить подлинность, право собственности или идентичность, а также олицетворять чье-либо присутствие. Это распространенный исторический источник (средневековых печатей сохранилось несколько миллионов), и содержащиеся в нем сведения поддаются точной датировке. «Среди всех дошедших до нас средневековых документов они дают, пожалуй, наиболее

богатую, разнообразную и достоверную информацию» (*Pastoureau M., Rabel Cl. Image, symbolique, imaginaire. Histoire des images, des symboles et de l'imaginaire // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen Age en France et en Allemagne / J.-Cl. Schmitt et O.-G. Oexle (dir.). P., 2002*). Собрания, описи и каталоги печатей содержат ценную информацию для исследований в самых различных областях: от навигации до архитектуры и от истории костюма до исполнения власти. Долгое время изучению печатей не уделялось большого внимания, но в последние тридцать лет оно переживает расцвет. Его проблематика и методы расширились (в частности, стали применяться количественные методы).

♦ *Вспомогательные исторические дисциплины, Геральдика, Нумизматика*

Сциентизм

В XIX в. вера в безграничные возможности научного познания распространялась не только на область точных наук. Многие авторы ориентировались на методологические принципы экспериментальных наук, переживавших невиданный подъем; все те, кто пытался выстраивать закономерности на основе наблюдения и эксперимента, вовсе не обязательно были сторонниками теорий, сформулированных Луи Пастером или Клодом Бернаром. Эту тенденцию можно проследить на примере таких историков, как Ипполит Тэн (1828–1893) и отчасти

также Фюстель де Куланж (1830–1889), утверждавший, что история есть «чистая наука, такая же наука, как физика или геология» (см.: *Garcia P. Le moment méthodique // Les courants historiques en France, XIXe – XXe siècle. P., 1999*). Хотя историки-позитивисты и строго придерживались установленной методологии и брали подчас за образец экспериментальные науки, но они не превращали историю в подобие точных наук. Так, Шарль Сеньобос считал, что «история не наука, а всего лишь метод познания» (см.: *Prost A. Seignobos revisité // Vingtième siècle. 1994. N 43*). Влияние марксизма и развитие социально-экономической истории в 1930-е гг. и после Второй мировой войны придали сциентистский характер многим историческим работам.

◆ *Критическая философия истории, Позитивизм, Серийная история*

Телеология

♦ *Смысл истории, Теории истории, Финализм/Конец истории*

Теология истории

♦ *Теории истории, Финализм/Конец истории*

Теории истории

Это выражение обозначает различные направления философии истории, претендующие на осмысление развития человечества в его целостности и на выявление его законов и глубинного смысла. Как правило, все эти теории истории предлагают панорамное, монументальное и упорядоченное видение развития человеческих обществ во времени исходя из системных концептуальных построений на основе теологических принципов или метафизических гипотез.

Время представляется как стрела или как окружность, и тогда видение истории приобретает трагический оттенок. Запад исторически унаследовал линейное и эсхатологическое прочтение истории, направленной к лучшему будущему, которое может знаменовать конец истории. Матрицей такого видения, безусловно, был христианский провиденциализм, выразителями которого стали святой Августин и позднее – Боссюэ, рассматривавшие историю как

исполнение Божественного предначертания, призванное завершиться Страшным судом. Светские теории, такие как просветительский прогрессизм (Кондорсе), позитивизм (Конт) или диалектические концепции истории Гегеля и Маркса, в определенной мере унаследовали от прошлого идею, согласно которой история имеет смысл и перводвигатель. Циклические теории истории на Западе возникали реже. Подобные теории, опиравшиеся на аналогию с неизменными природными явлениями и веру в вечный круговорот вещей, существовали в Древней Греции, а затем исчезли в Европе, став достоянием Востока. Исключениями являются две последние великие теории истории XX в. Освальда Шпенглера (1880–1936) и Арнольда Тойнби (1889–1975), которые рассматривали историю как чередование «культур» и «цивилизаций», призванных родиться, жить, приходить в упадок и, наконец, умирать. Это циклическое движение, в конечном счете, вписывалось в общий подъем по пути прогресса и даже в провиденциальное предназначение, что придавало, таким образом, историческому движению форму спирали.

♦ *Позитивизм, Смысл истории, Финализм/Конец истории*

Тоталитаризм/

Ревизионистское направление

В историографии советского коммунизма постоянно шли споры, которые не утихают и спустя

пятнадцать лет после распада СССР. В этой историографии принято выделять два главных направления, вокруг которых группировались исторические исследования, посвященные СССР: концепция тоталитарного режима и так называемое ревизионистское течение.

Тоталитарная модель, долгое время доминировавшая в советологических штудиях, основана на трудах Ханны Арендт и Раймона Арона. Построенная при помощи категории «тоталитаризм», она описывает коммунизм и фашизм (одной из разновидностей которого является нацизм) как один и тот же новый исторический тип режима, возникший в межвоенный период и воплотивший в себе антитезу либеральной демократии. В самом деле многочисленные черты сходства допускали такое сопоставление и отождествление: стремление создать нового человека, безграничная власть одной партии, культ харизматического лидера, принципиальное отрицание буржуазного общества и демократического плюрализма, лагеря и политика массового террора и т. д. Однако, как нам представляется, эти черты сходства имеют большее значение с позиции политических наук, нежели истории. Кроме того, следует иметь в виду, что такое отождествление таит в себе опасность отодвинуть на задний план специфику нацизма и его расовую политику.

Рассматриваемое в такой перспективе, советское государство предстает всемогущим и осущест-

вляющим абсолютный контроль над атомарным обществом, подвергшимся идеологической обработке и управляемым путем массивной и непрерывной пропаганды. По словам Мартена Малиа, «в мире, созданном Октябрьской революцией, никогда не было общества, мы здесь имеем дело лишь с режимом, причем с режимом идеократическим» (*Malia M. La tragédie soviétique. P., 1995*). Подобный подход нашел отражение и в книге Франсуа Фюре «Прошлое одной иллюзии» (1995; русск. перев.: 1998). Но среди сторонников подхода с позиций тоталитарной модели существует и критическое левое течение, сложившееся вокруг издателей журнала «Социализм и варварство» («*Socialisme et Barbarie*») Корнелиуса Касториадиса и Клода Лефора. Последние, объясняя долговечность коммунистической системы, обращают внимание не столько на идеологию, сколько на место, занимаемое в этих режимах политикой, и на способность партии «подвергнуть общество глубокой заморозке или замкнуть его на самом себе» (Клод Лефор; см.: *Kott S. L'exercice du pouvoir en RDA une histoire sociale de la domination politique // Francia. 2003. N 30/3*).

Между тем в противоположность историографии так называемого «тоталитарного» направления, которого придерживались, главным образом, историки, изучавшие политические структуры, в середине 1960-х гг. вокруг историка Моше Левина

сложилось другое историографическое течение, названное «ревизионистским»; при том, что оно многолико, суть его, как объясняет Николя Верт (*Werth N. Histoire de l'Union soviétique. P., 1990; русск. перев.: Верт Н. История советского государства. М., 1992*), состоит в желании «деидеологизировать» историю СССР, прекратив переоценивать значение сферы политической власти (Государства, Партии, Идеологии) в стране и обратившись в большей мере к изучению ее социально-экономических институтов. В самом деле, если посмотреть снизу, сквозь призму социально-экономической истории, обращая внимание на субъекты и социальные группы, то перспективы заметно изменятся: «Не было Власти и Государства, которые навязывали свою волю и отдавали приказы, с одной стороны, и “управляемого” атомарного общества и “плановой” экономики, которые подчинялись, с другой. Напротив, общество, каким бы дезориентированным и деструктурированным оно ни было, то и дело устанавливало границы и неоднократно вынуждало государство менять планы и признавать свое бессилие» (Н. Верт). С точки зрения ревизионистов, термин «тоталитаризм» обладает эвристической ценностью лишь для характеристики отдельных аспектов истории сталинского периода. После смерти Сталина в 1953 г. режим, по их мнению, принял форму авторитаризма, и общество стало постепенно освобождаться, завоеывая автономию по отношению к власти.

Долгое время эти две позиции оставались глубоко антагонистичными и между сторонниками двух школ не мог завязаться по-настоящему конструктивный диалог. Но развал СССР заставил историков критически переосмыслить эту полемику и попытаться преодолеть разногласия. Так, во Франции Жан-Поль Депретто выступает «за такую социально-политическую историю советского опыта, которая ставила бы своей главной целью разработку целостной концепции сталинизма. Исследование диктатуры предполагает двойную задачу: анализ социальных основ политических процессов и выявление социальных последствий решений, принимаемых властями» (*Depretto J.-P. Pouvoirs et société en Union soviétique. P., 2002*). Все работы последних лет, посвященные бывшим народным демократиям в целом и ГДР в частности, показывают пределы рефлексии на основе термина «тоталитаризм», предлагая тонкий анализ социальных практик (подчас в русле истории повседневности) и намечая контуры подлинной социальной истории политических явлений (*Pour une histoire sociale du pouvoir en Europe communiste // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2002. N 49-2 ; Kott S. Le communisme au quotidien. Les entreprises d'Etat dans la société est-allemande. P., 2001*).

◆ *История повседневности (Alltagsgeschichte)*

Устная история (и ее источники)

«Устная история» характеризуется обращением преимущественно к устным источникам и свидетельствам, зачастую собранным и инициированным самим использующим их историком. Устные источники долгое время не вызывали доверия у историков, привыкших к письменным документам. Между тем в 1960-е гг. под влиянием социальной критики и работ по общественным наукам целое направление занялось выявлением и изучением «голоса народа», звучащего в устном свидетельстве. Впоследствии устная история стала частью исторической практики. Пионерами здесь были англосаксонские страны, где этот вид истории со своими ассоциациями и журналами получил широкое распространение. В настоящее время многочисленные институции и административные учреждения собирают устные свидетельства в целях сохранения памяти и создания своей истории (это делается, например, в ВВС). При работе с устными источниками перед историком встают как обычные вопросы (такие как критика источника), так и особые проблемы (в частности, искажение в результате встречи между историком и свидетелем, психологические/социологические мотивы свидетельства). Архивация записанных свидетельств тоже ставит как общие для архивно-

го дела вопросы, так и специфические, в частности о носителях. Флоранс Декан опубликовала на эту тему обобщающую работу, которая соединяет в себе историю устных источников, учебник и практическое руководство по их составлению и использованию (*Descamps F. L'historien, l'archiviste et le magnétophone. De la constitution de la source orale à son exploitation. P. : Comité pour l'histoire économique et financière de la France, 2001*).

◆ *История повседневности (Alltagsgeschichte), Источник, Память*

Финализм/Конец Истории

Термин «финализм» отсылает нас к философским системам, приписывающим движению истории конечную цель, благодаря которой обретают свой смысл реальные события, люди и вещи. С позиции финализма история описывается как процесс, направляемый имманентно присущей ему целью. Таким образом, идея «Конца Истории» является детерминистской и телеологической философской идеей, представляющей Историю как линейный процесс и придающей ему смысл и цель. По Гегелю, например, История есть тотальный процесс самореализации Духа (или Разума) как имманентного миру высшего принципа. Осуществляя свои цели, абсолютный Разум управляет вещами и хитроумно использует индивидуальные воли и страсти, чтобы воплотиться, осознать самого себя и самореализоваться. Исторический материализм Маркса также относится к исторической телеологии. После того как совершается революция и пролетариат берет власть, открывается горизонт ожидания и конец истории в виде коммунизма: приходит бесклассовое общество, прекращаются отчуждение и раскол между людьми, наступает примирение человека с природой... «Он – решение загадки истории, и он знает, что

он есть это решение» (*Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года*).

В недавнее время некоторые мыслители, наподобие неоконсервативного политолога Фрэнсиса Фукуямы, предлагали рассматривать победу либеральной демократии, наступившую в результате краха коммунизма в СССР и Восточной Европе, как завершение развития истории человечества в лоне западного либерализма.

♦ *Диалектика, Исторический материализм*

Х

Хроника/Хронист (в Средние века)

По словам историка Бернара Гене, хроникю можно определить как «продуманное и проработанное сочинение историка, который, следуя за Евсевием Кесарийским, пытается реконструировать хронологию прошлого». Хроника является одним из средневековых исторических жанров наряду с анналами – простыми записями событий год за годом – и более риторическими и менее внимательными к датам историями. Но начиная со Средневековья и вплоть до наших дней эти различия остаются дискуссионными и не всегда очевидны. Слово «хроника» может употребляться в том широком смысле, какой оно приобрело в XII–XIII вв., т. е. обозначать любое историческое повествование. В X–XI вв. хроники писались на латыни, главным образом, в монастырях, а также в соборных капитулах. В XII в. с укреплением власти Плантагенетов и Капетингов история выходит за монастырские стены. Аббатство Сен-Дени становится центром королевской и «национальной» истории (видную роль в ее создании сыграл аббат Сугерий). В ответ на запросы дворянской публики, не читающей по-латыни, появляются тексты на разговорных языках. В XIII в. по количеству они уже не уступают латинским хроникам. Хроники могли писаться в стихах, но со временем историческое повествование становится преимуще-

ственно прозаическим. Растет интерес светских лиц к национальной истории, а крестовые походы развивают вкус к повествованию. Историографическая традиция Сен-Дени продолжается, и там создается то, что впоследствии станет «Большими французскими хрониками». В конце Средневековья распространяются домашние биографии и дневники, представляющие собой повествования о событиях день за днем (подобно знаменитому «Дневнику парижского буржуа»). История становится официальной. Карл VII в 1437 г. создает для Жана Шартье должность историографа. Герцоги Бургундские пишут свою собственную историю, и у них в XV в. тоже есть свой официальный историк. Написанные на латыни и на местных языках, в стихах и в прозе средневековые хроники отличались также большим разнообразием по содержанию. Некоторые отвечали местным интересам, другие претендовали на всемирность и начинали повествование от сотворения мира, доводя его до современных автору событий. Хроники также различались своими источниками: от сочинений, авторы которых получали информацию из первых рук и вставляли в повествование документы из королевской канцелярии (как это сделал певчий из Сен-Дени Мишель Пентуен, автор латинской хроники царствования Карла VI), до широко распространенных сокращенных версий и компиляций. Историческое знание в Средние века не было автономным, и хроники должны были

служить нравственности, богословию и праву в сочетании с политическими функциями: прославлять древний род или династию, утверждать права государя или монастыря. Хотя хронист всегда заявлял о своем стремлении к истине, реальность у него легко смешивалась с вымыслом, как в описании священной истории, так и в воспроизводстве стереотипов при рассказе о таких ритуализованных событиях, как битвы или церемонии.

♦ *Всеобщая история/Всемирная история, Средние века*

Хронология

Слово «хронология» обозначает одновременно и временную последовательность событий, и работу по определению их дат, и упорядочивание событий на временной шкале. Хронология есть первое, над чем следует работать историку; она задает рамки аналитической работы в целом. Методы датировки широко варьируются в зависимости от эпохи и области исследований (сопоставление документов, анализ почерка и т. д.). Для датировки могут использоваться естественнонаучные методы, такие как радиоуглеродный анализ, дендрохронология и термолюминесценция. Из-за того, что техники датировки в настоящее время лучше разработаны, хронология сама по себе утратила экспликативное значение в исторических исследованиях по сравнению с тем местом, какое она занимала в тру-

дах историков методической («позитивистской») школы. Хронологические ориентиры и концепции менялись в зависимости от эпохи и цивилизации. В то же время христианство создало универсальную хронологическую рамку, исходной точкой которой является рождение Христа.

♦ *Датировка, Дендрохронология, Периодизация*

Ц

Цикл

Циклическая концепция времени, согласно которой периоды регулярно повторяются, как правило, от зарождения до упадка, была распространена в Античности, а также в древнем Китае и Японии. Ее разделяли, каждый по-своему, Платон и Аристотель. Наступление христианской эры с ее целенаправленным временем отчасти повлекло за собой отказ от подобных схем. В более позднее время в работах разных историков, например у Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби, вновь появилась (как правило, без достаточно убедительного обоснования) циклическая концепция истории со свойственным ей чередованием культур и цивилизаций, согласно прежней схеме.

Что же касается научного анализа, то в экономике утвердилось представление о циклическом чередовании фаз подъема и рецессии, продолжительность которых у разных авторов и в зависимости от поставленных ими задач может быть более или менее длительной (среди основных циклов, названных по имени их исследователей, известны циклы Кондратьева, Жюглара и Кичина). Выявление и изучение циклов экономистами, в частности Франсуа Симианом, стимулировало работы в области экономической истории, развивавшиеся в русле

школы «Анналов» и опиравшиеся, главным образом, на исследование движения цен, примером чему могут служить труды Эрнеста Лабрусса и Фернана Броделя.

◆ *Всемирная история/Всеобщая история/Мировая история, Конъюнктура, Смысл истории*

Чувства/История чувств

История чувств, к изучению которой призывал Люсьен Февр и которую сумел написать пошедший по его стопам Ален Корбен, «улавливает существование и эволюцию иерархии ощущений, систем восприятия, вкусов и эмоций» (А. Корбен). Она строится вокруг понятия «культуры чувственности», предполагающего, что ощущения, эмоции и чувства историчны, и имеет целью выявить, какие чувства могли, а какие не могли испытывать люди определенного общества и определенной культуры.

◆ *Историчность, Ментальность/История ментальностей, Представления/История представлений, Процесс цивилизации, Психоистория*

Эвристика

Этим термином из области методологии науки принято называть совокупность интеллектуальных приемов и средств, способствующих научным открытиям и изобретениям. В широком смысле он может обозначать общую теорию производства научного знания. Карл Поппер в своей книге «Логика научного открытия» писал, что теория может считаться научной лишь при условии, что она является «фальсифицируемой», т. е. что ее постулаты могут быть опровергнуты путем наблюдения. Иными словами, научным является то утверждение, которое допускает свое опровержение опытным путем. Философ и историк науки Томас Кюн, со своей стороны, показал в работе «Структура научных революций», что наука в своем развитии переживает кризисы, представляющие собой «смены парадигм» и являющиеся преимущественно психолого-логическими по своей природе; они приводят к кардинальному изменению постановки вопросов и исследовательских приемов, прежде считавшихся эвристическими. Что же касается историков, то у них это слово употребляется в менее строгом смысле и обозначает любые исследовательские методы и практики, способные привести к каким-либо результатам и дать новые знания.

◆ *Парадигма научная*

Эгоистория

Инициатором появления «Очерков эгоистории» (*Essais d'égo-histoire*. P., 1987) был Пьер Нора, собравший самых выдающихся историков (Морис Агюлон, Жорж Дюби, Мишель Перро и др.) и предложивший им рассказать о себе, т. е. выступить в качестве историков самих себя. Каждый из историков относится к себе как к объекту исследования, пытается выяснить, какое влияние оказал его жизненный путь на свойственную ему манеру писать историю, и установить «связь между той историей, которую мы создавали, и историей, которая создала нас» (П. Нора). Это издание стало в русле общего развития историографии одним из свидетельств перехода исторического сознания на новую стадию: вступления истории и ремесла историка в возраст рефлексии. В настоящее время этот жанр, хотя его и не называют больше эгоисторией, переживает период настоящего расцвета, и многие крупные историки размышляют о своем жизненном пути или в повествовательной форме (Рауль Жирарде, Пьер Губер), или в интервью, издаваемых отдельными книгами (Жак Ле Гофф, Ален Корбен).

Экзегеза

Этим термином обозначается «филологическая и доктринальная интерпретация текста, смысл и значение которого неясны или являются предметом дискуссии» (словарь «*Le Petit Robert*»). Изда-

чальный смысл слова был связан с идеей истолкования религиозного текста, но в настоящее время его значение стало шире и распространилось на изучение любых форм дискурса, так что оно почти превратилось в неточный синоним терминов «комментарий», «критика» и «герменевтика».

♦ *Внутренняя критика, Герменевтика*

Эмпиризм

Эмпиризм исходит из того, что знания приобретаются опытом. В работе историка ее эмпирическая сторона является главной: в истории исследователь собирает совокупность следов прошлого и на их основе строит свой анализ. Он пользуется критическим методом, который, по сути, есть метод эмпирический. Более того, исторический анализ и работа историка зависят от накопленного им знания и от его как жизненного, так и эпистемологического опыта. Ввиду имеющихся в документах лакун и умолчаний («документ никогда [...] не соответствует полностью событию [...] все документы являются косвенными и неполными». *Veigne P. Comment on écrit l'histoire. P., 1971*) именно опыт историка позволяет ему устанавливать связи, находить объяснения и восполнять недостающее (эту операцию Поль Вен называет «ретродикцией», подчеркивая, что такая работа делается во многом неосознанно). В то же время ремесло историка не исчерпывается эмпиризмом. Без предварительно

выработанных понятий и вопросника ему пришлось бы вслепую продвигаться по своему исследовательскому полю.

Эпиграфика

Эпиграфика занимается поиском и изучением надписей, сделанных на прочном материале, таком как камень или металл, и находящихся в самых разных местах и на самых разных предметах (постройках, надгробиях, столбах, оружии и т. д.). Хотя обычай оставлять надписи присущ очень многим обществам, не все из них стали объектом специальных эпиграфических исследований. Значительной областью исследований издавна является греко-римская эпиграфика. В 1969 г. Национальный Центр научных исследований создал во Франции лабораторию для составления «Корпуса надписей средневековой Франции». Эпиграфические исследования основаны, главным образом, на изучении серийных данных; их проблематика многообразна и охватывает политические карьеры в Античности, средневековую религиозную историю (например, алтарные надписи) и даже историю солдат Первой мировой войны (на материале оставленных в траншеях граффити и скульптур с текстами). Размышления над проблемами письма и письменности и появление работ на эту тему открывают новые пути изучения надписей.

◆ *Вспомогательные исторические дисциплины*

Эпистемология

Эпистемологией (от *греч.* «эпистеме» – наука) во Франции называют философию науки, т. е. критический анализ самого процесса научного познания, его постулатов и результатов. Наряду с мощной эпистемологической традицией точных наук, представленной во Франции именами Гастона Башляра, Жоржа Кангилема и Александра Куаре, а в настоящее время отчасти вытесненной антропологией науки Брюно Латура, получил развитие рефлексивно-эпистемологический подход и в гуманитарных науках, представители которых обращаются к изучению природы, условий, препятствий и методов научного познания в своей области, а также взаимоотношений между отдельными гуманитарными дисциплинами. Что же касается эпистемологии исторического знания, следует признать, что историки долгое время ее отвергали, предпочитая выступать в роли скромных ремесленников, добросовестно делающих свою работу и не нуждающихся для этого ни в философии, ни в общих идеях. К счастью, благодаря многократным вторжениям на историческую территорию философов Раймона Арона, Мишеля Фуко, Поля Рикёра и Мишеля де Серто большинство историков уже привыкли к постановке эпистемологических вопросов и сами научились их ставить. Выяснение предпосылок и имплицитной философии исторического

исследования занимает теперь видное место в дискуссиях историков.

Этнография

Описательное изучение ограниченной группы людей, имеющей общие цивилизационные характеристики (этнoса); оно предполагает работу и наблюдения этнографа «в поле». Цель этнографии – путем изучения нравов, верований, религиозных практик, институций, техники и искусства создать документальную базу для этнологического исследования данной группы. Этнографический подход, использующий практику включенного наблюдения внутри изучаемой группы, в настоящее время находит применение в понимающей социологии и истории.

♦ *Историческая антропология, Этнология*

Этнология

Использование термина «этнология» окончательно еще не устоялось. В широком смысле он обозначает исследование социокультурных структур отдельно взятой группы, имеющее целью понять изучаемое общество в целом. В XIX в. этнологию определяли как «науку о классификации рас»; в дальнейшем от этой концепции отошли и стали определять ее как антропологические исследования, преимущественно так называемых примитив-

ных обществ. В настоящее время этнологический подход может применяться к самым разным объектам исследования, таким как шахматисты, глухие или бомжи.

◆ *Историческая антропология, Этнография*

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Работы по конкретным темам указаны в текстах соответствующих статей.

Bourdé G., Martin H. Les écoles historiques. P. : Seuil, 1997 (1983).

Carbonell Ch.-O. L'historiographie. P. : PUF, 2003 (1981).

Chartier R. Au bord de la falaise. L'histoire entre certitudes et inquiétude. P. : Albin Michel, 1998.

Certeau M. de. L'écriture de l'histoire. P. : Gallimard, 1975.

Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France, XIXe – XXe siècle. P. : A. Colin, 1999.

Dosse F. L'histoire en miettes. Des «Annales» à la «Nouvelle histoire». P. : Pocket, 1997 (La Découverte, 1987).

Dumoulin O. Le rôle social de l'historien. De la chaire au prétoire. P. : Albin Michel, 2003.

Faire de l'histoire. 3 vols. / P. Nora, J. Le Goff (dir.). P. : Gallimard, 1974.

Farge A. Le goût de l'archive. P. : Seuil, 1989.

Garcia P., Leduc J. L'enseignement de l'histoire en France. De l'Ancien Régime à nos jours. P. : A. Colin, 2003.

L'histoire entre épistémologie et demande sociale. Creteil : IUFM de Creteil – Toulouse – Versailles, 1994.

Koselleck R. L'expérience de l'histoire. P. : Gallimard-Le Seuil, 1997.

Koselleck R. Le futur passé. Contribution à la sémantique des temps historiques. P. : EHESS, 1990.

Leduc J. Les historiens et le temps. Conceptions, problématiques, écritures. P. : Seuil, 1999.

Marrou H.-I. De la connaissance historique. P. : Seuil, 1954.

Noiriel G. Penser avec, penser contre. Itinéraire d'un historien. P. : Belin, 2003.

Noiriel G. Sur la « crise » de l'histoire. P. : Belin, 1996.

Prost A. Douze leçons sur l'histoire. P. : Seuil, 1996.
Русск. перев.: Про А. Двенадцать уроков по истории. М. : РГГУ, 2000.

Ricoeur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli. P. : Seuil, 2000. Русск. перев.: Рикёр П. Память, история, забвение. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004.

Veyne P. Comment on écrit l'histoire. Essai d'épistémologie. P. : Seuil, 1971. Русск. перев.: Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М. : Научный мир, 2003.

Для сравнения и привлечения дополнительного материала по ряду статей можно обратиться к подготовленному видными немецкими историками изданию: Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe / Hrsg. S. Jordan. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2003. В нем можно также найти интересные статьи, отсутствующие в настоящем словаре.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ СТАТЕЙ

- Агиография Николая Оффенштадт (далее – Н. О.)
Аккультурация Н. О.
Актор (субъект) Эрве Мазюрель (далее – Э. М.)
Анахронизм Э. М.
Анналы (средневековые) Н. О.
Археология Грегори Дюфо (далее – Г. Д.)/Э. М.
Архивы Н. О.
Биография Э. М.
Внешняя критика Н. О.
Внутренняя критика Н. О.
Всеобщая история/Всемирная история Н. О.
Вспомогательные исторические
дисциплины Г. Д./Н. О.
Габитус Э. М.
Гендер/Гендерная история Э. М.
Генеалогическая история Э. М.
Генеалогия Г. Д./Э. М.
Геоистория Э. М.
Геральдика Н. О.
Герменевтика Э. М.
Глобальная история/Тотальная история Г. Д./Э. М.
Горизонт ожидания Э. М.
Гуманитарные науки/Общественные науки Н. О.
Датировка Г. Д./Н. О.
Дендрохронология Н. О.
Деонтология Э. М.

Детерминизм

Диалектика Г. Д./Н. О.

Диахрония Э. М.

Диплом/Дипломатика Н. О.

Идеальный тип Г. Д./Э. М.

Изучение подчиненных групп (*Subaltern Studies*) Н. О.

Иконография/Образ Г. Д./Н. О.

Интенционализм/Функционализм Э. М.

Истина

Историзирующая история Н. О.

Историзм/Историцизм Н. О.

Историограф Н. О.

Историография Н. О.

Историческая антропология Н. О.

Историческая демография Э. М.

Историческая школа Н. О.

Исторический материализм Н. О.

Историчность Э. М.

История повседневности (*Alltagsgeschichte*) Н. О.

История понятий (*Begriffsgeschichte*) Н. О.

Источник Н. О.

Компаративистика/Сравнительная история Н. О./Э. М.

Конструктивизм Г. Д./Э. М.

Контрфактическая история Н. О.

Конъюнктура Г. Д./Э. М.

Критическая философия истории Э. М.

Культура/Культурная история Э. М.

Культурные трансферты

Культурология (*Cultural studies*) Г. Д./Э. М.
Лингвистический поворот (*Linguistic turn*) Э. М.
Масштаб Г. Д./Э. М.
Мемуарист Н. О.
Ментальность/История ментальностей Э. М.
Микроистория Э. М.
Миф/Мифология Э. М.
Модерность/Модернизация Э. М.
Монография Г. Д./Н. О.
Негационизм Н. О.
Новая историческая наука Э. М.
Новейшая история
Новейшее время/История новейшего времени Н. О.
Номинализм Э. М.
Нумизматика Н. О.
Объективность колл.
Оценочное суждение Н. О.
Палеография Н. О.
Память Н. О.
Парадигма научная Э. М.
Периодизация колл.
Подделка (историческая)
Подлинность Н. О.
Поздняя античность Н. О.
Позитивизм Н. О.
Поколение Э. М.
Поле Г. Д./Э. М.

Поле опыта Э. М.
Постмодернизм Э. М.
Представления/История представлений Э. М.
Причинная связь Э. М.
Просопография Г. Д./Н. О.
Процесс цивилизации Э. М.
Психоистория Э. М.

Ревизионизм Г. Д./Н. О.
Режимы историчности Э. М.
Релятивизм Н. О.
Романтизм Э. М.

Серийная история Г. Д.
Символическое насилие Э. М.
Синхрония
Смысл истории Г. Д./Э. М.
Событие Н. О.
Событийная история
Социабельность Э. М.
Социоистория Н. О.
Средние века Н. О.
Старый порядок Э. М.
Структура Г. Д./Э. М.
Структурализм Э. М.
Сфрагистика (сигиллография) Н. О.
Сциентизм Н. О.

Телеология
Теология истории
Теории истории Э. М.

Тоталитаризм/Ревизионистское направление Г. Д./Н. О.
Устная история (и ее источники) Н. О.
Финализм/Конец истории Э. М.
Хроника/Хронист Н. О.
Хронология Г. Д./Н. О.
Цикл Г. Д./Н. О.
Чувства/История чувств Э. М.
Эвристика Г. Д./Э. М.
Эгоистория Э. М.
Экзегеза Э. М.
Эмпиризм Г. Д./Н. О.
Эпиграфика Г. Д./Н. О.
Эпистемология Э. М.
Этнография Э. М.
Этнология Н. О.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Агюлон Морис (Agulhon Maurice) – 166, 198

Альтюссер Луи (Althusser Louis) – 68, 69, 174

Анри Луи (Henry Louis) – 64

Арендт Ханна (Arendt Hannah) – 182

Арон Раймон (Aron Raymond) – 53, 85, 131, 141, 162,
182, 201

Артог Франсуа (Hartog François) – 20, 152, 153

Артьер Филипп (Artières Philippe) – 25

Арьес Филипп (Ariès Philippe) – 98

Б

Бардеш Морис (Bardèche Maurice) – 106

Барт Ролан (Barthes Roland) – 93, 174

Бартолин Томас С. (Bartholin Thomas S.) – 47

Баше Жером (Baschet Jérôme) – 57

Башляр Гастон (Bachelard Gaston) – 201

Бедарида Франсуа (Bédarida François) – 110

Бели Люсьен (Bély Lucien) – 36

Бенса Альбан (Bensa Alban) – 165

Бенсуссан Жорж (Bensoussan Georges) – 106

Бич Джордж Т. (Beech George T.) – 143

Блок Марк (Bloch Marc) – 41, 69, 77, 97, 140, 149

Блох Эрнст (Bloch Ernst) – 126

Бодрийяр Жан (Baudrillard Jean) – 136

Бокль Генри Т. (Buckle Henry T.) – 132

- Болтански Люк (Boltanski Luc) – 13
Бонн Жан-Клод (Bonne Jean-Claude) – 57
Браун Питер (Brown Peter) – 128, 129
Бродель Фернан (Braudel Fernand) – 14, 38, 41, 42, 50,
84, 126, 173, 176, 195
Бросцат Мартин (Broszat Martin) – 58
Бруннер Отто (Brunner Otto) – 74
Буа Ги (Bois Guy) – 169
Бурген Паскаль (Bourgain Pascale) – 28
Бурде Ги (Bourdé Guy) – 61, 204
Бурдьё Пьер (Bourdieu Pierre) – 24, 31, 61, 81, 115, 116,
133, 160
Буро Ален (Bougeau Alain) – 170
Бюргьер Андре (Burguière André) – 147

В

- Ван Дамм Стефан (Van Damme Stéphane) – 7, 89, 92
Вебер Макс (Weber Max) – 13, 52, 53, 77, 85, 140
Вен Поль (Veune Paul) – 34, 53, 103, 114, 117,
199, 205
Вернан Жан-Пьер (Vernant Jean-Pierre) – 103
Вернер Михаэль (Werner Michael) – 73, 74, 79, 80
Верт Николя (Werth Nicolas) – 184
Видадь де ла Блаш Поль (Vidal de la Blache
Paul) – 105
Видадь-Наке Пьер (Vidal-Naquet Pierre) – 103
Вовель Мишель (Vovelle Michel) – 59, 69, 98, 159
Вольтер (Voltaire) – 161

Г

- Гарсиа Патрик (Garcia Patrick) – 109, 110, 130, 179, 204
Гегель Георг (Hegel Georg) – 47, 67, 161, 181, 188
Гене Бернар (Guenée Bernard) – 190
Герро Ален (Guerreau Alain) – 170
Гизо Франсуа (Guizot François) – 156
Гийожаннен Оливье (Guyotjeannin Olivier) – 127
Гильдебранд Клаус (Hildebrand Klaus) – 57
Гинзбург Карло (Ginzburg Carlo) – 96, 100, 101
Голдхаген Дэниэл Дж. (Goldhagen Daniel J.) – 58
Гоше Марсель (Gauchet Marcel) – 15, 88, 123
Грамши Антонио (Gramsci Antonio) – 68
Губер Пьер (Goubert Pierre) – 65, 105, 171, 198
Гуха Ранаджит (Guha Ranajit) – 54

Д

- Давье-Венсан Мари-Бенедикт (Daviet-Vincent Marie-Bénédicte) – 144
Декан Флоранс (Descamps Florence) – 187
Декола Филипп (Descola Philippe) – 70
Делакруа Кристиан (Delacroix Christian) – 108, 109, 156
Делёз Жиль (Deleuze Gilles) – 93, 136
Демуль Жан-Поль (Demoule Jean-Paul) – 17
Депретто Жан-Поль (Depretto Jean-Paul) – 185
Деррида Жак (Derrida Jacques) – 93, 136
Детьенн Марсель (Detienne Marcel) – 79
Дильтей Вильгельм (Dilthey Wilhelm) – 85, 86, 154
Досс Франсуа (Dosse François) – 15, 42, 107, 109, 111, 121, 160, 175, 204

Дюби Жорж (Duby Georges) – 9, 69, 98, 107, 164, 198
Дюмулен Оливье (Dumoulin Olivier) – 69, 131, 204
Дюпрон Альфонс (Dupront Alphonse) – 98, 103
Дюркгейм Эмиль (Durkheim Emile) – 12, 13, 149
Дютур Тьерри (Dutour Thierry) – 143, 144

Ж

Жиранде Рауль (Girardet Raoul) – 198
Жорес Жан (Jaurès Jean) – 68

З

Зиммель Георг (Simmel Georg) – 85

К

Калифа Доминик (Kalifa Dominique) – 25, 100
Кангилем Жорж (Canguilhem Georges) – 201
Кант Иммануил (Kant Emmanuel) – 29, 161
Касториадис Корнелиус (Castoriadis Cornelius) – 183
Кельбле Хартмут (Kaelble Hartmut) – 78
Кершо Йен (Kershaw Ian) – 58
Кине Эдгар (Quinet Edgar) – 156
Козеллек Райнхарт (Koselleck Reinhart) – 29, 40, 44,
73, 74, 135, 152, 205
Комб Соня (Combe Sonia) – 21, 22
Кондорсе Антуан-Николя де (Condorcet Antoine-
Nicolas de) – 161, 181
Конт Огюст (Comte Auguste) – 131, 132, 181
Конце Вернер (Conze Werner) – 74

Корбен Ален (Corbin Alain) – 25, 71, 88, 100, 137, 139, 147, 196, 198

Коркюфф Филипп (Corcuff Philippe) – 80

Котт Сандрин (Kott Sandrine) – 7, 78, 183, 185

Коттро Ален (Cottureau Alain) – 75, 76

Кофман Жан-Клод (Kaufman Jean-Claude) – 148

Кривелло Мэрилин (Crivello Maryline) – 110

Куаре Александр (Couré Alexandre) – 201

Кулон Огюст (Coulon Auguste) – 177

Кюн Томас (Kuhn Thomas) – 122, 197

Л

Ла Поплиньер Ланселот де (La Popelinière Lancelot de) – 28

Лабори Пьер (Laborie Pierre) – 100, 109, 112, 137

Лаборье Паскаль (Laborier Pascale) – 143

Лабрусс Камиль-Эрнест (Labrousse Camille-Ernest) – 14, 65, 83, 84, 159, 195

Лависс Эрнест (Lavisser Ernest) – 121

Лакан Жак (Lacan Jacques) – 174

Ланглуа Шарль-Виктор (Langlois Charles-Victor) – 27, 130

Латур Брюно (Latour Bruno) – 201

Ле Гофф Жак (Le Goff Jacques) – 9, 24, 42, 43, 63, 98, 107, 169, 198, 204

Ле Руа Ладюри Эмманюэль (Le Roy Ladurie Emmanuel) – 9, 43, 50, 65, 85, 107

Леви Джованни (Levi Giovanni) – 96, 101

Леви-Брюль Люсьен (Lévy-Bruhl Lucien) – 97

Леви-Стросс Клод (Lévi-Strauss Claude) – 49, 63, 70, 102, 174, 176

Левин Моше (Lewin Moshe) – 183

Лепти Бернар (Lepetit Bernard) – 15

Лефевр Жорж (Lefebvre Georges) – 97

Лефор Клод (Lefort Claude) – 183

Лиотар Жан-Франсуа (Lyotard Jean-François) – 135, 136

Ллойд Джеффри (Lloyd Geoffrey) – 99

Лукач Дьёрдь (Lukacs Georg) – 163

Людтке Альф (Lüdtke Alf) – 72

М

Мадзарино Санто (Mazzarino Santo) – 129

Майнеке Фридрих (Meinecke Friedrich) – 57, 60

Малиа Мартен (Malia Martin) – 183

Мандру Робер (Mandrout Robert) – 98, 99, 149, 150, 171

Маркс Карл (Marx Karl) – 29, 48, 66–69, 162, 181, 188, 189

Марру Анри-Ирене (Marrou Henri-Irénée) – 16, 53, 86, 128, 205

Мартен Эрве (Martin Hervé) – 61, 204

Маттлар Арман (Mattelart Armand) – 90, 91

Маффезоли Мишель (Maffesoli Michel) – 136

Мерль Изабель (Merle Isabelle) – 7, 54

Метман Ив (Metman Yves) – 177

Мило Даниэль (Milo Daniel) – 125

Мишле Жюль (Michelet Jules) – 156, 158

Моно Габриэль (Monod Gabriel) – 130

Морсель Жозеф (Morsel Joseph) – 22, 75
Мосс Марсель (Mauss Marcel) – 87
Мюшамбле Робер (Muchembled Robert) – 147

Н

Надо Тьерри (Nadau Thierry) – 72, 78
Невё Эрик (Neveu Erik) – 90, 91
Ницше Фридрих (Nietzsche Friedrich) – 31–34, 60
Нора Пьер (Nora Pierre) – 43, 88, 107, 121, 174,
198, 204
Нуарьель Жерар (Noiriel Gérard) – 35, 94, 111, 112,
119, 131, 134, 167, 168, 205

О

Ори Паскаль (Ory Pascal) – 87, 88
Оффенштадт Николя (Offenstadt Nicolas) – 9, 110, 121

П

Пассерон Жан-Клод (Passeron Jean-Claude) – 142
Пастуро Мишель (Pastoureau Michel) – 39, 56,
57, 178
Перро Мишель (Perrot Michelle) – 35, 38, 198
Пик Жак (Pucke Jacques) – 127
Пиренн Анри (Pirenne Henri) – 77
Поппер Карл (Popper Karl) – 197
Про Антуан (Prost Antoine) – 7, 82, 117, 124, 125, 131,
141, 154, 179, 205

Р

- Рабель Клаудиа (Rabel Claudia) – 56, 57, 178
Ранке Леопольд (Ranke Leopold) – 116
Рассинье Поль (Rassinier Paul) – 106
Ревель Жак (Revel Jacques) – 35, 95, 96, 100
Рей Ален (Rey Alain) – 48
Ремон Рене (Rémond René) – 43
Ренувен Пьер (Renouvin Pierre) – 109
Рикёр Поль (Ricoeur Paul) – 29, 40, 96, 117, 141, 142, 201, 205
Риккерт Генрих (Rickert Heinrich) – 85
Риттер Герхард А. (Ritter Gerhard A.) – 57
Риу Жан-Пьер (Rioux Jean-Pierre) – 88
Рише Дени (Richet Denis) – 171
Розенталь Поль-Андре (Rosental Paul-André) – 7, 65
Руссо Анри (Rousso Henry) – 108

С

- Сеньобос Шарль (Seignobos Charles) – 27, 130, 179
Серто Мишель де (Certeau Michel de) – 18, 91, 117, 143, 201, 204
Симиан Франсуа (Simiand François) – 23, 59, 83, 105, 194
Сиринелли Жан-Франсуа (Sirinelli Jean-François) – 88
Скотт Джоан (Scott Joan) – 35, 37
Собуль Альбер (Soboul Albert) – 171
Соссюр Фердинанд де (Saussure Ferdinand de) – 49, 174
Суле Жан-Франсуа (Soulet Jean-François) – 109

Т

Тебо Франсуаза (Thébaud Françoise) – 37

Тевено Лоран (Thévenot Laurent) – 13

Тер Минасян Талин (Ter Minassian Taline) – 144

Тилли Луиза (Tilly Louise) – 35

Тойнби Арнольд (Toynbee Arnold) – 162, 181, 194

Ток Бенуа-Мишель (Tock Benoît-Michel) – 127

Токвиль Шарль Алекси (Tocqueville Charles Alexis) – 172

Томпсон Эдвард (Thompson Edouard) – 90

Требич Мишель (Trebitsch Michel) – 88

Тром Денни (Trom Danny) – 143

Тубер Пьер (Toubert Pierre) – 18

Тьерри Огюстен (Thierry Augustin) – 156

Тьесс Анна-Мари (Thiesse Anne-Marie) – 81

Тэн Ипполит (Taine Hippolyte) – 178

У

Уайт Хейден (White Hayden) – 93, 94

Уинтер Джей (Winter Jay) – 82

Ф

Фавье Жан (Favier Jean) – 20

Фарж Арлетт (Farge Arlette) – 22, 35, 165, 204

Фассен Эрик (Fassin Eric) – 165

Февр Люсьен (Febvre Lucien) – 15, 23, 41, 97, 104, 149, 150, 196

Фергюсон Найелл (Ferguson Niall) – 82
Ферро Марк (Ferro Marc) – 24
Фориссон Робер (Faurisson Robert) – 106
Франкастель Пьер (Francastel Pierre) – 56
Фуко Мишель (Foucault Michel) – 18–20, 32–36, 39,
65, 81, 93, 114, 115, 126, 136, 174, 175, 201
Фукуяма Фрэнсис (Fukuyama Francis) – 163, 189
Фюре Франсуа (Furet François) – 9, 171, 183
Фюстель де Куланж Нюма Дени (Fustel de Coulanges
Numa Denis) – 179

Х

Хальбвакс Морис (Halbwachs Maurice) – 120
Хаушильд Ян-Кристоф (Hauschild Jan-
Christoph) – 80
Хинце Отто (Hinze Otto) – 77
Хоггарт Ричард (Hoggart Richard) – 90

Ш

Шарль Кристоф (Charle Christophe) – 78, 104,
134, 144
Шартье Роже (Chartier Roger) – 20, 35, 88, 94, 100,
105, 134, 138, 147, 152, 204
Шмитт Жан-Клод (Schmitt Jean-Claude) – 7, 63, 178
Шоню Пьер (Chaunu Pierre) – 107, 159, 171, 173
Шпенглер Освальд (Spengler Oswald) – 162, 181, 194

Э

Эксле Отто Герхард (Oexle Otto Gerhard) – 60, 178

Экхель Йозеф Хилариус (Eckhel Joseph Hilarius) – 115

Элиаде Мирча (Eliade Mircea) – 102

Элиас Норберт (Elias Norbert) – 81, 114, 115, 145–148

Эngleбер Эрве (Inglebert Hervé) – 129

Энглунд Стивен (Englund Steven) – 121

Эспань Мишель (Espagne Michel) – 79

Научное издание

Словарь историка

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Корректор *Е. Л. Бородина*
Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.10.2010.
Формат 60×84/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,51. Тираж 1000 экз.
Заказ № 9087

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция);

Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14